

А. ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ

1 9 2 6

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НКФ МОСКВА СССР

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ГУБФО
ЛЕНИНГРАД, КАН. ГРИБОЕДОВА, 30-32

ГЛАВЛИТ № 53563. ТИРАЖ 5.000.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
I. Введение	5
II. Капитал, приносящий процент, и производительный капитал по теории К. Маркса	10
III. Комментарии и дополнения Фр. Энгельса к К. Марксу	21
IV. Монополистический капитализм и позднейшая политическая экономия	31
V. Теория Гильфердинга. (Критика ее)	50
VI. Финансовый капитал и индустриальный во время инфляции в Германии	76
VII. Финансовый капитал и индустриальный в С.-А. С. Штатах	91
VIII. Банковский капитал на внешнем рынке. (Роль иностранного банковского капитала)	109
IX. Финансовый капитал в России	120
X. Заключение	144
XI. Приложения (статистические таблицы и примечания).	151

I.

В в е д е н и е.

«Анализ действительной внутренней связи капиталистического производства это очень запутанная вещь и требует детальной и обстоятельной работы. Если дело науки свести видимое, кажущееся лишь, движение к действительному, внутреннему, то само собой понятно, что в головах агентов капиталистического производства и обмена должны образоваться представления о законах производства, которые совершенно отличны от этих законов и являются лишь сознательным выражением кажущегося движения».

К. М а р к с. («Капитал», т. III).

В с.-д. программе, принятой на Гейдельбергском партийтаге в середине сентября 1925 г. (в основу ее лег проект, набросанный К. Каутским; разработана она была комиссией при участии Гильфердинга, он же и докладчик ее на съезде) мы в основной ее части, в которой стремились, по словам докладчика, укрепить лишь то, что является „фактически общим достоянием всех членов партии“ и ограничились лишь тем, что „всем социалистам Германии и даже Интернационала (II-го) должно навязываться (Aufdrängen), как общее теоретическое убеждение“, в этой общей части мы находим следующий кардинальный теоретический тезис.

„Капиталистическое стремление к монополии ведет к соединению отраслей индустрии, к связыванию следующих друг за другом ступеней производства и к организации

хозяйства в картели и тресты. Этот процесс объединяет индустриальный, торговый и банковый капиталы в финансовый“.

Рука Гильфердинга здесь ясно видна. Перед нами вариант положения, выставленного им еще в 1910 г. в „Финансовом капитале“, что на высшей ступени развития капитализма происходит слияние банкового капитала с индустриальным, соединение, в котором „уничтожено отделение банкового от производительного“ и капитал — вообще — принимает форму „финансового“ капитала.

Мы говорим вариант потому, что в „Финансовом капитале“ подчеркивалось, что банковый капитал, став финансовым, — в гильфердинговском смысле, — является диктатором капиталистического способа производства, в новой же программе и в докладе, ее обосновавшем, это затуманено. Дело в том, что война показала и Гильфердингу, как и той ветви буржуазной экономии, у которой он заимствовал свою теорию „финансового капитала“, что и в Германии индустриальный капитал не находится более под командой капитала банков, что и здесь, как в Соединенных Штатах, „массы капиталов и во все увеличивающихся размерах не уравниваются уже больше крупными анонимными обществами, акционерными компаниями и крупными банками, а прокладывает себе путь все резче подчеркивающееся личное господство отдельных очень крупных магнатов капитала“. (Die Socialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen, 1920). Но так как в германской литературе начали опять раздаваться голоса о постепенном захвате банками, со времени стабилизации марки, их прежних командных высот, то прибегли к эклектизму.

И это тем более казалось необходимым, что теоретическая часть программы писалась, как мы видели, для всего II Интернационала, и поэтому и американские тенденции развития должны были получить выражение. Это и достигли прибавкой к приведенному выше тезису программы следующей фразы:

„Отдельные группы капиталистов становятся, таким образом, всемогущими властелинами хозяйства; они приводят в экономическую зависимость от себя не только наемных рабочих, но и все общество...“

Однако и в новой программе, как и в первоначальной формулировке Гильфердинговского „Финансового капитала“, банковый капитал продолжает считаться одним из трех составных элементов высшего формирования капитала — финансового капитала.

„Развитие, — говорил Гильфердинг и в своем докладе на съезде, — в конце-концов привело к тому, что старое отделение капитала в индустрии, торгового капитала и банкового все более перестает существовать, и капитал снова принимает единую форму (Einheitsform) финансового капитала“.

Таким образом, в новой с.-д. программе господствует во всей силе положение, что на высшей стадии развития капитализма общественный капитал со всеми его различными формами приобретает единую форму, и именно „финансового капитала“. И это положение разделяется не только подавляющим большинством правого крыла мирового марксизма, но и левого...

Так, в имевшей недавно место дискуссии на стр. „Вестника Коммунистической Академии“ (№№ 11 и 12, 1925 г.), один из молодых экономистов, защищаясь от ударов другого за употребление термина „сращивание“ банкового и индустриального капитала „в духе гильфердинговской легенды о шести банках, владеющих всей страной“, спрятавшись за спину Ленина, стараясь рядом цитат показать, что „никаких новых теорий он не создавал, а брал их в готовом виде у Ленина“. Мы с своей стороны приведем несколько выписок из книги Ленина: „Империализм, как новейший этап капитализма“ (изд. 1918 г.), характеризующих его взгляд на финансовый капитал.

„По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде других стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм“ (стр. 21).

„Концентрация производства, монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью, вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия“ (39 стр.). „Финансовый капитал есть банковый капитал, монополистически—немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических, союзов промышленников“ (стр. 84). „В числе пяти основных признаков“ империалистического капитализма Ленин указывает на „слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого „финансового капитала“ финансовой олигархии“ (стр. 85 Подчеркнуто везде нами. А. Ф.-Е.). „Для империализма характерен как раз не промышленный, а финансовый капитал“¹⁾—подчеркивает Ленин (стр. 87).

В наших работах, начиная с 1913 г. мы не переставали указывать, что гильфердинговская теория „финансового капитала“ неправильна, что она не только находится в разногласии с анализом движения капитализма, данным Марксом, но, что еще важнее, противоречит действительному движению капитала и за время, протекшее с тех пор, как „Капитал“ был написан. Нам казалось, что события военного и послевоенного времени окончательно похоронили эту теорию. Но мы ошиблись; на Западе она превозглашается теперь официально непререкаемым догматом социал-демократии на наших же старых и молодых экономистов и историков она продолжает действовать с силой прочно укоренившегося предрассудка... Это побу-

¹⁾ Эти мысли стали почти общими в коммунистической литературе. Укажем, например, на сборник статей Л. Каменева: «Экономическая система империализма», где в предисловии к IV изд., написанном в конце 1922 г., заявляется: Для меня совершенно ясно, что все основные элементы экономической системы «финансового капитала» указаны уже Марксом в «Капитале». А в одном из примечаний выражается сожаление, что эта «блестящая работа Гильфердинга в общей русской литературе оставлена без внимания и очень мало использована до сих пор в специальной». Работа Л. Каменева не входит в круг нашего рассмотрения; заметим лишь, что в книге Гильфердинга, наоборот, очень много нового, чего у Маркса нет и быть не могло, вследствие своей ошибочности. С другой стороны, неосновательна и жалоба Л. Каменева на недостаточную оценку книги Гильфердинга: она очень скоро приобрела поклонников и в нашей профессорской среде: Бернацкий, Яснопольский и др.

дило нас вновь пересмотреть теорию „финансового капитала“, и в частности проверить, насколько она оправдывается историей капитализма в России, как это утверждают наши новейшие исследователи. С результатами нашей ревизии мы и знакомим читателя в настоящей книжке.

II.

Капитал, приносящий процент, и производительный капитал по теории К. Маркса.

1.

Основное положение, которое выдвигает Маркс при исследовании законов капиталистического хозяйства это то, что производительный, и именно индустриальный¹⁾ капитал является в нем гегемоном, что этот капитал развиваясь подчинил себе и преобразовал предшествовавшие ему в истории формы денежного и купеческого капиталов, и что „кредитная система не только собственное его создание, но даже форма индустриального капитала, начавшаяся с мануфактурой и далее развившаяся вместе с крупной индустрией“. (Theorien über den Mehrwert B. III, S. 542).

Следует иметь в виду, что, когда Маркс писал свой „Капитал“, он имел перед собой не только развитую английскую кредитную и банковую систему, вызванную к жизни именно ростом промышленного капитала, но он знал и опыт *Crédit mobilier*, банка, созданного в стране, где „ни крупная индустрия, ни кредитная система не были достаточно и для того времени развиты...“

Маркс имел также возможность изучить и роль акционерного дела — этого детища развитого кредита —

¹⁾ «Во всех общественных формах одно определенное производство преобладает над всеми и его отношение, поэтому, я указываю всем остальным их место и влияние». («Einleitung zur einer Kritik der Politischen Oekonomie». См. «Zur Kritik etc.». Stuttgart 1909, III Auflage S. XLIII).

и в крупной индустрии, и в банковской системе. Он поэтому осветил — вопреки отрицанию этого Гильфердингом — и „повейшую экономическую категорию“ дивиденд, являющийся по содержанию прибылью, а по форме процентом, потому что на этой стадии капитализма собственники капиталистического производства „простые денежные капиталисты“. Маркс имел возможность также показать неизбежность возникновения на этой ступени в известных сферах монополии вообще и монополии денежных магнатов в частности. Он показал и роль банков, ассоциированных денежных капиталистов, на этой ступени, когда — „с развитием кредита денежный капитал сам принимает общий характер, концентрированный в банках, и ссужается этими уже, а не непосредственными собственниками“. Более того, он знал и про теорию „господства банков над индустрией“, так как в основе *Crédit mobilier* лежала идея сен-симонистов, что „банки должны сами взять на себя ведение индустрии“. Маркс цитирует пожелание Charles Frequeur'a, чтобы банки „управляли производством“, чтобы „кредитное учреждение управляло всем национальным производством“. Но, чтобы Маркс сам разделял эти иллюзии, чтобы Маркс сам предсказывал это господство банков над индустрией, как комментирует одно место из II тома „Капитала“¹⁾ Гильфердинг (см. примечание в „Das Finanzkapital“. S. 75), это абсолютно неверно.

Маркс неоднократно подчеркивал сильную власть банковской системы, указывая, что индустриальный капитал, отняв у ростовщического капитала его монополию, вызвал вместе с тем к жизни новую централизованную силу в лице банков. Он подчеркивал роль банков, и как распределите-

¹⁾ У Маркса в этой IV главе II тома, на которую ссылается Гильфердинг, идет речь об индустриальном капитале, который в течение своего кругооборота принимает и сбрасывает с себя формы производственного, товарного и денежного капитала, и в каждой выполняет свою соответствующую функцию; об индустриальном в том смысле, что он охватывает всякую капиталистически ведомую отрасль. Маркс сам подчеркивает, что денежный капитал не означает у него там самостоятельного вида капитала, что он абстрагирует от кредита. В указанном месте (см. II том „Капитала“ 79 стр. 4-го нем. изд. 1910 г.) он говорит лишь о том, что с развитием капитализма, в силу самых условий производства, в силу увеличения, с концентрацией его минимума величины денежного капитала, необходимого для ведения предприятия, быть индустри-

лей общественного денежного капитала, как пособников в деле уравнивания нормы прибыли, жизненного нерва капиталистической системы. Но вместе с тем он решительно отвергал руководство банками индустрией. Маркс прямо говорит: „Действительное движение индустрии и торговли остается целиком вне сферы Английского банка—этой самой крупной капиталистической силы в Лондоне,—и он относится пассивно к этому движению“. И в другом месте III же тома в V отделе:—„Кредитная система, которая имеет свой центр в пресловутых национальных банках и окружающих их крупных денежных займодавцев и ростовщиков, это—громадная централизация и дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически децимировать индустриальных капиталистов, но самым опасным образом вмешиваться в действительное производство, а эта банда ничего не знает о производстве и ей нет никакого дела до него“.

Но у Маркса мы находим гораздо большее по интересующему нас вопросу. В противоположность взглядам сенсимонистов и прудонистов, видевших в капитале, приносящем процент, который мы называем финансовым капиталом, основную форму, Маркс указывает постоянно, что именно в широко и глубоко развившемся капиталистическом хозяйстве этот капитал находится в подчинении (beherrscht) у индустриального, и что коммерческий капитал лишь производная форма индустриального капитала, действующая в сфере обращения. И как бы предугадывая появление Бернгардо-Гильфердинговской теории о руководстве банками индустрией, Маркс говорит, что только денежный капитал, действующий на рынке,

альным капиталистом становится под силу все больше только крупному денежному капиталисту, отдельно или ассоциированному т. е. акционерному обществу. И это он говорит как о наступившем уже в его время явлении, а не о будущем. Что именно так, а не иначе, следует понимать это место, видно и из другого места того же тома, где Маркс привлекает и кредит: „На базисе капиталистического производства,—говорит он,—расширенные операции производительной деятельности обуславливают больше авансирования денежного капитала на более длительные время. Производство в таких сферах зависит следовательно от границ, в которых отдельный капиталист располагает денежным капиталом. Эта граница раздвигается кредитным делом и связанной с ним ассоциацией, например, акционерным обществом“.

организуясь, становится под контроль банкира, и что совершенно иначе дело обстоит с реальным производством.

Возникшую, вместе с развитием акционерного дела, новую финансовую аристократию он аттестует не как „руководителей“ национальным хозяйством, а как „новый сорт паразитов в виде прожекторов, учредителей и просто номинальных директоров“. И в частности, по поводу пресловутой „личной унии“, которая практиковалась и при нем, хотя и в более скромных размерах, он говорит, что „при акционерных предприятиях образуется новое мошенничество с платой за управление: рядом с действительными руководителями выступает ряд правлений и советов, в которых на деле управление и надзор лишь повод для обирания акционеров и самообогащения“.

Итак, „вмешательство в производство“, „эксплоатация национального и интернационального производства“ в своих интересах, целая система „мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска и торговли акциями“ со стороны банков и финансовой аристократии—это по Марксу имеет место. Но руководства, управления индустрией, всем национальным производством, банками, и вообще финансовой аристократией,—этого нет, это Маркс категорически отрицал. Тенденция дальнейшего развития капитализма рисуется по Марксу, как мы увидим далее, иной, чем по Сен-Симону.

2.

Изложенные выше взгляды Маркса были обоснованы им теоретически и базировались на фактах действительности.

Процесс движения общественного капитала, рассматриваемый, как единое целое, состоит из процесса производства и процесса обращения, органически связанных и действующих друг на друга. В процессе обращения капитал функционирует, как товарный капитал и как денежный. Эти последние функционируют, как формы промышленного капитала, обнимающего также форму

производительного капитала, здесь в смысле создающего прибавочную ценность.

В силу разделения труда эти три формы капитала отделяются друг от друга, „становятся самостоятельными видами капитала, функции которых образуют содержание тоже самостоятельных и друг от друга отделенных отраслей дела“. Различные кругообороты этих форм могут существовать рядом лишь потому, что они должны следовать друг за другом. Связь этих отраслей, единство процесса остается условием функционирования всего организма. Так, несмотря на свое становление самостоятельным, движение коммерческого капитала не представляет ничего другого кроме движения индустриального в сфере обращения. Кредитная система делает это движение коммерческого капитала еще более независимым от производства, давая торговцу значительные части денежного капитала общества. Но внутренняя зависимость при этой внешней самостоятельности насильственно проявляется в кризисах... (Marx Das Kapital T. V. I, Th. S. 288).

Рядом с развитием этих самостоятельных форм движений производительного, денежного и товарного капиталов, как форм промышленного, вытекающих из разделения функций, промышленный капитал, охватывающий весь процесс общественного капиталистического воспроизводства, характеризующий капиталистическое хозяйство, как определенную общественную формацию, этот капитал принимает чем дальше, тем больше двойственную форму существования. На ряду со своей экономической функцией как капитала, с функцией в процессе труда, с этой общественной экономической антагонистической формой (формой проявления непосредственного отношения капитала и труда) он приобретает все больше общественную юридическую форму, самостоятельное движение капитала как собственности (в виде капитала, приносящего процент), форму движения, в которой проявляется непосредственно отношение между капиталистами, отношение тоже антагонистическое.

Сущность капитала в его форме юридической собственности, отделенной от экономической, в том, что

часть общественной прибавочной ценности, прибыли, притекает к этому отделенному от процесса производства капиталу-собственности в виде процента¹⁾.

Вместе с ростом капиталистического богатства, а с ним и увеличением капитала в денежной форме, происходит все большее самостоятельное движение этой капитальной собственности, капитала в его денежной, приносящей процент, форме, движение, отличное от движения функционирующего капитала. Эту чисто денежную, первоначальную форму приносящего процент капитала, по-нашему: финансового капитала, мы сначала и рассмотрим.

Цена капитала, как простого титула собственности, котируется на денежном рынке в виде процента. Общая норма процента находится, конечно, в связи с общей нормой прибыли. Но постоянные колебания процентных ставок, являющихся в каждый данный момент данными величинами, определяются особым движением денежного капитала на рынке.

Денежный капитал существует на рынке, как общий капитал всего класса капиталистов в денежной форме, в которой стерты все различия свойственные производительным капиталам, вытекающие из условий существования их как товаров. „Все, что проявляет производитель-

¹⁾ Существование капитала, как собственности, капитала, приносящего процент, предшествует в истории индустриальному капиталу. Отличие этой докапиталистической формы процентного капитала от современной в том, что деньги, как покупательное и платежное средство, ссужались тогда как капитал, но не превращались в него, вступали лишь в обращение. Сходство же в том, что и тогда процент представлял собственность капитала, как средство присвоения продуктов чужого труда. В ходе развития товарного хозяйства и денежных отношений «ценность развивает средства производства, как чужую собственность по отношению к рабочему», как индустриальный капитал. И «это противоречивое общественное назначение, что выражено в нем, в капитале, отдельно от самого процесса производства, выражается в капиталистической собственности, как таковой. Этот момент, отделенный от самого капиталистического процесса производства, его постоянный результат и, как постоянный результат—его постоянная предпосылка, выражается в том, что деньги, товар ал sich, латентно-капитал, что они могут быть проданы как капитал, и что они в этой форме представляют просто собственность капитала, капиталиста как простого собственника, абстрактно от его капиталистических функций». (Маркс, III том «Theorien etc» стр. 547—48).

ный капитал лишь в движении и конкуренции различных сфер между собой, как общий капитал класса, здесь проявляется в действительности в общем спросе на капитал. Денежный капитал, капитал на денежном рынке, действительно владеет формой, в которой он, как общий элемент безразличен к его особому применению, распределяется между различными сферами, между классом капиталистов соответственно потребностям производства отдельных сфер¹⁾. На рынке он протвостоят, как единая масса, функционирующему—производительному и товарному капиталам. И именно развитие кредитной системы, с ее концентрацией денежно-ссудного капитала в банках, и придает денежному, приносящему процент, капиталу этот свойственный ему общий общественный характер в отличие от общественного индустриального капитала, который определяет норму прибыли. „В то время, как норма прибыли никогда не проявляется как непосредственно данная, но как средний результат противоречивых колебаний, иное с процентной ставкой. Она в своей общности ежедневно устанавливаемый факт,—факт, который служит даже индустриальному капиталисту предпосылкой и статьей калькуляции при его операциях“ („Das Kapital“ Band III, Theil I, стр. 350—353; „Theorien etc“ Band III, стр. 534).

Это различие движения нормы прибыли и нормы процента, отражающее лишь различие движений денежного, приносящего процент, капитала и производительного, приносящего прибыль, это различие получает свое выражение и в том, что „мировой рынок оказывает гораздо более сильное влияние на установление процентной ставки в данной стране, независимо от условий производства в ней, чем на норму прибыли в ней“. И это различие форм движения денежного капитала, приносящего процент, от формы движения производительного капитала, приносящего прибыль, ведет и к отдельной самостоятельной организации денежного капитала, и к накоплению, отличному от такового производительного капитала. Черным по белому Маркс пишет: „Денежный капиталист и продуктивный не только юридически разные персоны, но лица, играющие различную роль в процессе воспроизводства, в руках которых тот же самый капитал производит действительно

двойное и совершенно различное движение¹⁾“ („Das Kapital“ Band III, Theil I, 357 стр.).

3.

Когда речь идет о банковом капитале, то следует иметь прежде всего в виду этот денежный, приносящий процент, капитал. Этот последний не одно и то же, что индустриальный капитал, принявший в сфере обращения форму денежного; в такой форме денежный капитал еще не является на рынке, как товар. Только тогда, когда он появляется на рынке, как товар, ссужается,—он становится капиталом, приносящим процент²⁾.

Ссуда—это форма отчуждения капитала, как товара. Для ссужаемого капитала возврат всегда принимает форму платежа, так как ссуда всегда имеет форму займа. Возврат к исходному пункту не есть отличительное свойство приносящего процент капитала, а свойство всякого капитала. Что отличает капитал, приносящий процент, это форма возврата, чисто внешняя форма его, отделенная от действительного движения воспроизводящего капитала, формой движения которого этот возврат является. И именно на этой внешней форме кругооборота и зиждется движение банкового дела.

¹⁾ Работает ли индустриальный капиталист со своим или чужим капиталом, это не изменяет положения, что по отношению к нему класс денежных капиталистов выступает, как особый сорт капиталистов, денежный капитал, как самостоятельный сорт капитала, и процент, как самостоятельная форма ценности, свойственная этому специфическому капиталу.—подчеркивает Маркс и в другом месте, чтобы не было толков вкось и вкось (ibidem, 362). И это, забежим мы вперед, остается в силе и на высшей ступени развития капитализма, когда, например, какой-нибудь американский миллиардер «поливает жаркое концентрированной индустрии соусом банковских денег» (Лянсбург).

²⁾ Под банковым капиталом мы понимаем везде, где не договариваем, капитал, приносящий процент, которым банки и оперируют. Gilbert основательно называл банковым капиталом, banking capital, чужие деньги в банках, а их собственный—invested capital. Этот последний приносит им прибыль, и в этом смысле тоже производительный. Но эту прибыль он приносит, торгуя капиталом в денежной форме, приносящим процент, и бумагами, фиктивным капиталом (капитализированными доходами), тоже приносящим процент. И на эту торговлю идут безразлично ~~как~~ собственные, так и чужие деньги банков.

Но капитал, как собственность, вне процесса производства, в ходе развития капиталистической системы получает выражение и в новой форме приносящего процент капитала, в форме фиктивного капитала. И эта последняя форма имеет свое собственное движение, отличное не только от производительного—здесь включая и коммерческий капитал, как приносящий прибыль,—но и от движения чисто денежного капитала, приносящего процент. Подобно тому как на заре капитализма любили даже рабочую силу представлять как процент приносящий капитал, так на закате его представляют индустриальный капитал, как финансовый, и это потому, что с развитием приносящего процент капитала всякий регулярный доход рассматривается, как процент на капитал. Капитальные ценности, ценные бумаги, будь то государственные долги или акции, представляющие действительно вложенный и функционирующий капитал, фиктивны, и это несмотря на то, что циркулирование этих бумажных ценностей, как товаров *suí generis*, цены которых устанавливаются и движутся своеобразно, создает впечатление, что они реальны. Цена акций может изменяться без отношения к ценности представляемого ими функционирующего капитала. Она может колебаться в связи с изменением высоты и прочности дохода не только действительного, но и ожидаемого. Но и при постоянстве дохода капитализированная ценность этих бумаг движется в обратном отношении к высоте процента, т. е. в связи с самостоятельным движением денежного капитала¹⁾. Она изменяется и в связи с движением нормы прибыли, поскольку эта последняя отражается на норме процента. И „этот вид фиктивного имущества является с развитием кредитной системы не только очень значительной частью денежного состояния частных лиц, но и банкового капитала“ (Маркс).

Мы увидим в дальнейшем изложении на данных довоенной статистики, каких размеров достиг фиктивный капитал

¹⁾ Deutsche Bank в своем обзоре за август 1925 г. жалется на спекулянтов на понижение: из 154 котированных на берлинской бирже бумаг 90,2% стояли ниже паритета и 51,9% ниже половины их номинального курса! Причина, однако, была главным образом в безвидности бумаг и в высоких процентных ставках.

в мировом хозяйстве. В связи с войной он возрос еще более, и в самой отрицательной своей форме—непроизводительных государственных займов.

„Накопление всех капиталистов денежных заимодавцев происходит, само собой разумеется, всегда непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление индустриальных капиталистов совершается обычно посредством увеличения элементов воспроизводительного капитала. Развитие кредитного дела и неимоверная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должно, следовательно, уже само по себе ускорить накопление ссудного капитала, как форму, отличную от действительного накопления. Это быстрое развитие ссудного капитала является поэтому результатом действительного накопления, ибо прибыль, составляющая источник накопления этих денежных капиталистов, представляет лишь вычет из прибавочной ценности, которую выжимают воспроизводители (вместе с тем и присвоение части процента чужих сбережений). Ссудный капитал накапливается на счет и промышленников, и коммерсантов. В неблагоприятных фазах индустриального цикла процентная ставка может так высоко возрасти, что временами в отдельных особенно невыгодно поставленных отраслях она съедает всю прибыль. В то же время падают цены государственных бумаг и других бумажных ценностей. Это момент, когда денежные капиталисты скупают массами обесцененные бумаги, которые в позднейшие фазы снова достигают своей нормальной высоты и превышают ее. Тогда эти бумаги сбываются и таким образом присваивается часть денежного капитала публики, а часть, которая не была сбыта, дает высшие проценты, так как была куплена ниже цены. Всю же прибыль, которую получают денежные капиталисты и превращают в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Накопление последнего, как отличное от действительного накопления, хотя и его отпрыск, происходит, следовательно, уже когда мы рассматриваем только самих денежных капиталистов, банкиров, как накопление этого особого класса капиталистов.

И оно должно расти с каждым расширением кредита, которое сопровождается действительное расширение процесса производства" (Маркс, „Капитал“ т. III. ч. II стр. 40—41).

Здесь перед нами, во-первых, различие и противоречие в движениях денежно-ссудного капитала и производительного в смысле приносящего прибыль; рост первого за счет второго. И это различие усиливается еще тем, что с развитием кредита, банковского дела, „рост самого дохода, т. е. потребления промышленников и коммерсантов, выражается в форме накопления ссудно-денежного капитала“.

Во-вторых, moneyed capital (капитал, приносящий процент) в ссудно-денежной форме обогащается на счет moneyed capital в фиктивной форме, т. е. имеет место различное и противоречивое движение и внутри самого капитала, приносящего процент, называемого нами финансовым. И из этого мы видим, что ни о какой единой форме капитала не может быть и речи, что это не приложимо и к одному приносящему проценту капиталу.

Что Маркс и в данном случае совершенно отвергает всякую мысль о „сращении“ или „слитии“ банковского капитала с производительным, видно из его замечания по поводу накопления богатства в руках „банкиров или банков, являющихся посредниками между частными денежными капиталистами, с одной стороны, и государством, коммунами и заемщиками-капиталистами производителями—с другой, тем, что все невероятное расширение кредитной системы, вообще весь кредит эксплуатируется ими, как частный капитал... Эти бурши владеют капиталом и доходом от него всегда в денежной форме или в прямых требованиях на деньги. Накопление состояния этого класса межте ити в направлении очень отличном от действительного накопления, но показывает, во всяком случае, что этот класс загребает значительную часть этого последнего накопления "(Подчеркнуто везде нами. А.Ф.-Е.). Маркс, таким образом, ясно учит, что имеет место: денежное посредничество банков, а проприрование ими жирной доли созданной индустриальным капиталом прибавочной ценности, вмешательство их в производство, а не организация, руководство, управление ими реальным производством.

III.

Комментарии и дополнения Энгельса к Марксу.

1.

Между временем, когда писался III том „Капитала“, и его изданием Энгельсом прошло добрых тридцать лет. За это время создалось современное мировое хозяйство, и капитализм в развитых индустриальных странах стал все более принимать характер монополистического капитализма. Это Энгельсом и было отмечено в различных его комментариях к III тому и в других его работах.

Так, в главе о роли кредита в капиталистическом производстве в III томе „Капитала“ Энгельс делает вставку, в которой, между прочим, говорит: „С тех пор, как Маркс написал это, (об акционерном деле А.Ф.-Е.), развились, как известно, новые формы индустриальных предприятий, которые представляют вторую и третью степень акционерного общества... Искони хваленая свобода конкуренции заканчивает свои дни и сама должна объявить свое скандальное банкротство. И именно тем, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли соединяются в картель для регулирования производства... Но и эта форма обобществления производства оказалась недостаточной. Противоречие интересов отдельных фирм слишком часто ее прорывало, и вновь восстанавливалась конкуренция. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где степень производства это позволяет, концентрируют все производство этой отрасли в одно крупное акционерное общество под единым руководством. В Америке это уже много-

кратно проведено... Конкуренция заменяется монополией, чем готовится хорошая почва для будущей экспроприации этих отраслей — всем обществом, нацией“ (том III часть I, стр. 424—425).

Мысли, изложенные здесь, мы находим и в критике Энгельсом проекта Эрфуртской программы, посланной Каутскому летом 1891 г. „Если, — пишет Энгельс, — мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизуют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности“¹⁾.

Что же касается фиктивного капитала, о котором Маркс писал, что „вместе с развитием капитала, приносящего процент, и кредитного дела кажется, будто всякий капитал удваивается и местами даже утраивается, благодаря различным способам появления одного и того же капитала или даже одного и того же долгового обязательства в различных руках, в различных формах“, то Энгельс к этому добавляет: „Это удвоение и утроение капитала значительно дальше развилось за последние годы, например, посредством финансовых трестов“. И он иллюстрирует на примерах, как это происходит (см. примечание на стр. 8. „Das Kapital“ В. III, Theil II).

¹⁾ Это последнее место цитирует и Ленин в своей книге «Государство и революция» (1917 г.), указывая, «что здесь ваято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма — монополистического капитализма». «Последнее приходится подчеркнуть, — правильно заметил тогда Ленин, — ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное». (стр. 63—64).

В виду обострившегося теперь спора, имеем ли мы систему государственного капитализма или социализма, укажем: Не может быть сомнения, что государственные предприятия, о которых и может быть здесь только речь, представляют форму переходную и уже потому полную противоречий. В зависимости от того, каковы будут дальнейшие условия их существования, внешние и внутренние, они или перейдут в высшую, социалистическую, или превратятся в капиталистическую форму. То, что государство, т. е. правительственный механизм, является собственником этих предприятий, не является решающим и при рабоче-крестьянской власти, как национализация земли этим же государством вовсе не определяет еще форм хозяйства в нашем земледелии. Характер — переходный и противоречивый — наших государственных пред-

Наконец, мы имеем данную Энгельсом в это же время общую характеристику отношения moneyed capital, т. е. капитала, приносящего процент, в денежной и фиктивной формах — по нашей терминологии финансового капитала — к индустриальному (см. письмо Энгельса от 27 октября 1890 г. к Конраду Шмидту).

„Когда торговля деньгами отделяется от товарной торговли, она получает собственное развитие (в известных условиях, установленных производством и товарной торговлей и внутри этих границ), она имеет особые собственной ее природой определенные законы и особые фазы. Если к этому присоединяется то, что торговля деньгами в этом своем дальнейшем ее развитии становится торговлей ценными бумагами (Effektenhandel) — и эти бумаги не только государственные, но и индустриальные и транспортные

приняты определяются тем, что их общественное производство ведется не капиталистом и не в его интересах, а общественными функционерами, но для государства и в условиях стихийного антагонистического движения общественного воспроизводства, взятого в его целом, в антагонистических условиях обмена и распределения. Мы подчеркнули «для государства» потому, что и в наших условиях государство и общество не одно и то же; государство и классовое и потому стоит над обществом... (См. примеч. 1 на 160 стр.).

Следует, далее, заметить, что мы не видели бы особого несчастья в том, если бы у нас был чистый государственный капитал под контролем советской власти. В истории бывает, что ставший преждевременно у руля класс вынужден выполнять те экономические задачи, которые не успев или не смог выполнить его предшественник. Поэтому развитие государственного капитализма отнюдь еще не означает гибели советской власти, т. е. рабоче-крестьянской демократии, руководимой пролетариатом. Что развитие государственного капитализма было бы прогрессивным в наших условиях, этого не отрицал и Ленин. Нужно же знать основное положение Маркса: «Развитие противоречий данной исторической формы производства это единственно исторический путь ее растворения и преобразования».

И еще один спорный вопрос. Ни один серьезный исследователь не станет отрицать роль классового творчества, а тем более целесовместного, в истории развития человеческого общества. Но все же остается верным положение Энгельса, высказанное им в 1894 г.: «Исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть в обществе, стоящем на несравненно более высокой ступени развития», т. е. разрешило бы раньше этого последнего. Чернышевский и Николай — он и их последователи думали, как известно, иначе. Маркс с ними не спорил, но скорее из дипломатических соображений, как это указывают и Энгельс, и Лопатин...

акции—и торговля деньгами завоевывает таким образом прямое господство над частью господствующего в общем и целом над ней производства, тогда реакция торговли деньгами на производство становится еще больше и сложнее. Торговцы деньгами—собственники железных дорог, горных промыслов, металлургических предприятий и т. д. Эти средства производства получают двойной вид: их предприятия должны направляться то соответственно интересам непосредственного производства, то также соответственно потребностям акционеров, поскольку они торговцы деньгами. Самый разительный пример—северо-американские железные дороги, предприятия которых совершенно зависят от внезапных биржевых операций Gould'a, Vanderbilt'a и др., от операций, совершенно чуждых специально ж. д. и другим дорожным интересам, их интересам, как средств сообщения. И даже здесь, в Англии, мы видели десятилетнюю борьбу различных ж.-д. обществ, при чем цель была большею частью лишь содействие биржевым операциям торговцев деньгами, владевших их акциями“. (Soc. Monatsh. 20 и 21 Heft, 1920 г.).

2.

Торговля деньгами в рассматриваемом нами случае Энгельсом понимается, конечно, в развитой ее форме, когда она связана не только с обращением денег, как денег, но и денег, как капитала, когда она оперирует с денежным капиталом, как товаром. Такими торговцами и являются в развитом капиталистическом обществе по преимуществу банки. Но с развитием капиталистического хозяйства вместе с накоплением денежного капитала, развитием кредита и акционерного дела, все прогрессирует помещение денежного капитала в бумажные ценности, превращение его в фиктивный. Вместе с развитием крупных денежных центров развиваются и центры торговли и этими бумагами. Вопреки утверждению различных экономистов о падении вместе с развитием банковского дела значения биржи, действительность показывает как раз обратное¹⁾.

¹⁾ Введенный в заблуждение Гильфердингом и рядом буржуазных немецких экономистов, переоценивших значение исполнения банками ряда функций биржи, Ленин и утверждает: «Смена старого капитализма новым с господ-

ством чисто депозитные английские банки занимаются тем, что снабжают денежными средствами торговцев и спекулянтов биржевыми бумагами, то на континенте банки смешанные или специальные принимают и сами очень деятельное участие в торговле ими. И если банки на континенте сами стали рынками сбыта бумаг, распределяя выпуска, то и значение биржи возросло от того, что она стала центром оптовой торговли, что на ней банки совершают крупные сделки. И всякому, кто следил за действительностью ясно, что не банки и не магнаты капитала управляют законами движения фиктивного капитала, как они проявляются на бирже, но сами сообразуют свои операции с движением этого рынка, выжидая и используя те или иные моменты его. Следует помнить, что колебания биржи зависят не только от специального движения денежного капитала, но в гораздо большей степени от циклового движения промышленного капитала, а смена фаз последнего не зависит от финансистов¹⁾.

ством монополии выражается, между прочим, в падении значения биржи» («Империализм etc.» стр. 29). «Старый капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое» (стр. 37)... Даже в области вексельного оборота роль биржи не упала, а лишь эволюционировала; так, развитие акцентного дела в банках заставляет последние особенно пользоваться биржей. «Самая кренная часть делового общества имеет центральными пунктами частного учетного дела биржу и крупные германские банки»,—пишет Prion в своей обстоятельной книге: «Das deutsche Wechseldiscountgeschäft» (1907 г., стр. 297 и др.) Что же касается фондовой биржи, то мы далее воочью увидим, что теория падения роли биржи не соответствовала и не соответствует положению вещей ни в Германии, ни во Франции, а тем более в Англии или Соединенных Штатах. Правильно взгляд, что в период высокого капитализма успешное решение важных и многосторонних задач, которые поставлены перед банками мыслимо лишь, когда налицо крепкая биржа, т. е. организация большой силы и эластичности». (Шмоллер).

¹⁾ Проф. Митчелль правильно пишет в своих «Business Cycles»: «Не смотри на различие в интересах покупателей и продавцов бумаг, нынешняя и антиципированная будущая прибыль предприятия наиболее важный фактор для определения цены акций». И это делает торговцев бумагами, будь они магнаты капитала, банки или рядовые спекулянты и пр., зависимыми от стихийной смены конъюнктуры, что выражается и в стихийном движении биржи.

Банки, вложившие свои денежные средства в бумаги—свидетельства на реальные ценности—являются не только торговцами деньгами, финансистами, но и владельцами предприятий. Вот это—то соединение в одном лице финансиста, орудующего процентным капиталом в денежной или в фиктивной форме, или в обоих, и собственника промышленных предприятий и дало повод Гильфердангу, а за ним и большинству экономистов-марксистов, объявить о слиянии банковского капитала с индустриальным в единый высший капитал, финансовый! И эта ошибка происходила от того, что фиктивный капитал, как собственность, отождествлялся при этом с индустриальным функционирующим капиталом, между тем как фиктивный капитал лишь форма приносящего процент капитала. Банки, отдельные крупные денежные капиталисты, поскольку они торгуют деньгами и бумагами, только финансисты, только распоряжаются капиталом, как собственностью, но не распоряжаются еще действительным капиталом, не руководят производством, не индустриальные капиталисты. „Титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и проч., хотя и представляют действительный капитал, тем не менее они не дают никакого распоряжения над этим капиталом. Он не может быть вынут. Они дают право на часть приобретаемой последним прибавочной ценности“ (Маркс, „Das Kapital“ В. III, Th. I, стр. 14. Подчеркнуто нами. А. Ф.-Е.).

Продуктивный—производящий прибыль—капитал не „превращается“ в фиктивный, когда предприятие принимает акционерную форму, как это представляет Гильфердинг, а остается производительным, принимая рядом с формой фиктивного капитала. Он принимает как-раз двойную форму, а не единую, как это выходит по Гильфердингу, т. е. процесс движения капитала этим усложняется, противоречия его увеличиваются. Производительный капитал в производстве руководится определенными специальными интересами производства и имеет своей задачей производство прибыли. Его двойник капитал, как собственность, в форме фиктивного капитала, оперирует в сфере движения денежного капитала в банках и на бирже. И его ценность определяется не ценностью представляемого им реаль-

ного капитала, а капитализированной по существующему проценту прибылью—дивидендом. Между фиктивным капиталом и производительным, конечно, есть связь, но это два различных характера¹⁾.

То, что в акционерном предприятии чисто денежный капитал превращается в фиктивный, а последний представляет реальный капитал это, повторяем, отнюдь не означает слияния индустриального с денежным, как это утверждается. Фиктивный капитал является средством помещения ссудно-денежного, но сам не есть ссудно-денежный. Но фиктивный капитал все же приносящий процент капитал потому, что дает регулярно определенные доходы в форме процента, и потому, что может быть превращен в сфере

¹⁾ Так как наши молодые экономисты и историки, любящие толковать о финансовом капитале, имеют сплошь и рядом самое смутное представление о торговцах ценными бумагами, «сращивая» их с производителями и торговцами товарами, то мы приведем довольно модную и популярно изложенную характеристику торговцев бумагами, данную Митчеллом в его «Business Cycles», California, 1913 г. «Отношение держателя дивидендных бумаг (stocks) к предприятию, акции которого он купил, обычно отлично от позиции типичного купца или промышленника по отношению к предприятию, которое он контролирует. Часто позиция держателя дивидендных бумаг едва отличима от держателя твердо процентных бумаг (bonds). Он смотрит на приобретаемые им бумаги, дающие дивиденд, как на помещение средств, дающее доход и мало или ничего не знает относительно ведения дела. Часто держатель дивидендных бумаг просто-на-просто—спекулянт, который покупает на разницу с намерением скоро их снова продать, и который мало думает о дивиденде по сравнению с ожидаемой им переменной в цене его акций. Часто держатель ценных бумаг занимает оба эти положения. Он покупает не стесняясь бумаги, которые не дают никакого или мало дохода и держит их может-быть годами в ожидании, что поднятие их цены сделает его спекулятивное помещение прибыльным. Часто держатель бумаг один, или как член группы капиталистов приобретает или добывается контроля над предприятием. В этом случае он может занять положение предпринимателя, что значит: он может отождествлять интересы его дела с интересами его предприятия и вести последнее ради прибыли от операции. Но его позиция может быть и позицией промотора, стремящегося продать на выгодных условиях, или торгового пирата, стремящегося к прибыли за счет других, и это посредством различных биржевых манипуляций, посредством контрактов, вредных для предприятия, но выгодных для него. Наконец, держатель ценных бумаг иногда человек прежде всего заинтересованный в каком-нибудь родственном или конкурирующем деле и желающий представительства в управлении с целью получить заблаговременно информацию на счет изменений в направлении дела или специально с целью содействия другим своим предприятиям» (стр. 171—172).

действия денежного капитала—в банках, на бирже—в денежный. Несмотря на отличие движения фиктивного капитала от чисто денежного, сфера движения его—сфера движения денежного, а не реального капитала. Фиктивный капитал—капитал-собственность, а не капитал-функция. И поскольку он представляет реальный капитал, он по своей ценности и движению отличен от реального. На движении фиктивного капитала, как мы видели, отражается и движение денежного, приносящего процент, и движение производительного, приносящего прибыль. Весь общественный процесс воспроизводства—единный процесс, движущийся в противоречиях, и в нем, как во всяком организме, имеет место взаимодействие отдельных частей, элементов, но в фиктивном капитале не слиты функции денежного и индустриального; он имеет собственные функции.

Быть капиталистом-собственником, распоряжаться денежным и фиктивным капиталом, быть финансовым капиталистом еще не значит, таким образом, быть индустриальным капиталистом—распоряжаться процессом производства. То, что функции торговца деньгами и функции производительного капиталиста не редко еще выполняются одним и тем же капиталистом или ассоциацией капиталистов, не дает основания эти функции принимать за одну, как нельзя функции товарного и денежного капиталов сливать с функциями производительного, как нельзя сливать агентов процесса обращения и производства, хотя, повторяем, весь процесс воспроизводства охватывает все эти процессы и функции и требует их связи во-едино.

3.

Тенденция развития капитализма, по Марксу, не в объединении в одном лице денежного капиталиста и индустриального и меркантильного, а в устранении и индустриального, и меркантильного капиталиста из процесса воспроизводства; функционирующий капиталист перестает все больше существовать и замещается наемным директором распорядителем.

„Акционерные компании вообще имеют тенденцию к работе управления, как функцию, все больше отделять

от владения капиталом своим или чужим... Вследствие того, что простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капиталист, и с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер концентрированный в банках, и этими ссужается, а не непосредственными собственниками, вследствие того, с другой стороны, что простой распорядитель, который не владеет капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно и вообще никак, выполняет все реальные функции, которые принадлежат функционирующему капиталисту, как таковому,—остается лишь функционер и исчезает капиталист, как лишняя персона из процесса производства“.

Однако, не только в Америке, но и в Европе капитал-собственность все еще связан заметно с функциями в процессе воспроизводства. И так как цель капиталиста—обогащение, сохранение ценности и увеличение ее, то интересы капиталиста, как денежного капиталиста, как собственника,—здесь не только в смысле получающего %, но и прибыль в форме %,—являются для него решающими и тогда, когда он является и индустриальным капиталистом. Тем более отдельные или ассоциированные капиталисты, оперирующие преимущественно в сфере обращения денежного капитала, как торговцы деньгами и бумагами, стремятся подчинить интересам финансового капитала интересы общественного процесса воспроизводства. Отдельные или ассоциированные денежные капиталисты стараются использовать в своих частных интересах и все более принимающий в банках общественный характер денежный капитал, они вмешиваются и в индустриальные, и в торговые предприятия, акционерами которых они являются.

Но „вмешательство“ не есть руководство. Да и это вмешательство возможно лишь в определенных границах. И капиталистическое хозяйство, хотя оно и антагонистическое, все же общественное, могущее существовать лишь пока служит общественным потребностям на данной ступени развития производительных сил. Так как процесс материального производства является основным и в капиталистическом строе, то капитал финансовый может приобрести господство, вмешиваться в ту или другую часть

производства,—это наблюдалось и на прежних ступенях хозяйства в деятельности ссудно-денежного капитала,—но в последнем счете и в общем производство остается господствующим и в этой общественной формации. И это стоит в связи с ролью денежного капитала в общественном воспроизводстве вообще ¹⁾.

Из изложенного ясно, что по Марксу и Энгельсу не только нет тенденции к слиянию различных форм капитала в одну финансовую, но наоборот, происходит еще большее обособление их. Имеет место усложнение противоречий между капиталом производительным и приносящим процент; происходит все большее отделение капитала-собственности от капитала-функции.

IV.

Монополистический капитализм и позднейшая политическая экономия.

1.

Со времени издания III тома „Капитала“ и цитированных выше различных комментариев Энгельса, освещающих состояние современного ему капитализма, прошло еще 30 лет. Какие же перемены произошли в движении капитала за этот период, которые оправдывали бы появление в марксистской литературе еще в 1910 г. теории „слияния“ банковского капитала с индустриальным в единую форму финансового капитала, являющуюся господствующей в капиталистическом хозяйстве на высшей его ступени, „означающую тенденцию к созданию общественного контроля над производством“ (Гильфердинг), теории, которая стала после этого ходячей среди марксистов.

Не подлежит сомнению, что со середины 90-х годов, когда мировой капитал начал опять проявлять могучие цикловые колебания, концентрация и централизация капитала в производстве и развитие в нем монополистических организаций вызвали соответствующие изменения и в движении денежного капитала, в кредитной, и в частности банковской, системе и во взаимоотношениях финансового капитала и индустриального.

И буржуазная политическая экономия, не отрицавшая уже больше процесса концентрации, более того, сама об- явившая теперь „концентрационный принцип“ характерным признаком современного экономического развития, не могла

¹⁾ Капиталистическое хозяйство предполагает денежный капитал, как primus motor и как непрерывный мотор. Но вложенный денежный капитал после своего превращения в производительный включает в себе производительные способности, границы которых даны не его границами ценности. Из той роли, которую денежный капитал играет в капиталистическом хозяйстве «нисколько не следует, что поле действия капитала и ступень производства даже на капиталистической основе зависят в своих абсолютных границах от размеров функционирующего денежного капитала» — указывает Маркс во II томе «Капитала», ссылаясь и на т. I. Как известно, в капитал включены элементы производства (силы и богатства природы, научные открытия, общественные производительные силы труда), расширение которых в известных границах независимо от размеров вложенного денежного капитала...

пройти мимо тех изменений в капиталистическом строе, которые стояли в связи с этим процессом, — мимо высших форм капиталистической организации; она не могла не заметить той роли, какую играли в процессе концентрации рядом с синдикатами, трестами и другими формами объединения индустриального капитала все более концентрирующиеся банки и различные финансовые институты. Изменения в сфере денежного капитала, рост фондового капитализма, эволюция банковского дела и биржи, появление новых финансовых организаций слишком давали себя чувствовать — в участившихся чисто денежных кризисах, — чтобы можно было оставить их без особого внимания.

И мы видим, как мировой кризис 1900—1901 г.г., в котором проявились результаты широкого участия банков в грондерстве и спекуляции 90-х годов, дал толчок к появлению на Западе и прежде всего в Германии ряда исследований, поставивших своей целью систематику и теоретическое освещение новейших явлений в области банковского дела.

Интерес к вопросам денежного и кредитного оборота возрос еще более после мирового кризиса 1907 г. В С. А. С. Штатах недостатки денежного обращения сделали денежные кризис особенно острым; с.-американская банковая система испытала осенью 1907 г. настоящую катастрофу. Это поставило здесь вопрос о реформе денежного обращения ребром, что породило со своей стороны целую литературу. В частности специальная парламентская комиссия — National Monetary Commission — собрала в Европе громадный материал о банковом деле. В то же время в Германии в 1908 и 1909 г.г. производится банковая анкета, которая центром своего внимания избирает вопросы, связанные с деятельностью Имперского банка, и большой вопрос о депозитах.

Франко-германский конфликт из-за Марокко (в 1911 г.) потрясший денежный рынок Европы, итало-турецкая война и, наконец, балканская война, вызвавшая сильнейшее напряжение на мировом денежном рынке, — в связи с опасностью общеевропейской войны, — сделали вопросы денежного обращения и кредита еще более злободневными.

Однако, интересовались больше актуальными вопросам экономической и финансовой политики, отдельными яв-

лениями в сфере экономики и финансов, но работ, обобщающих движение современного капитализма во всем его целом, до появления книги Гильфердинга не было. И это имело свое объяснение. Несмотря на громадную роль различного рода финансовых организаций и в частности банков в новейшей стадии капитализма, именно действия этих организаций, новейшая эволюция банковского дела были еще недостаточно изучены, что осложнялось еще различием банковских систем в различных странах. „Суммарное изложение современного банковского дела очень трудно, не достаёт еще предварительных работ.“ — жаловался г. Шмоллер в своем труде: „Grundrisse der allgemeinen Volkswirtschaftslehre“ (1904 г.). С этого начинали свои работы А. Weber о депозитных и спекулятивных банках (1902 г.); Ed. Jaffé об английских банках (1905 г.); W. Prion о германском учетно-вексельном деле (1907 г.) и др. видные исследователи новейших явлений в банковской сфере. И этот недостаток в литературе для суждения о современной деятельности банков имел, в свою очередь, свое объяснение.

Прежде всего, отношения банков к индустрии все еще находились на такой стадии развития, что трудно было высказать окончательное суждение о них (Jeidels). Далее, подобно тому как у древних философов имелось два учения: экзотерическое — явное для всех и эзотерическое — тайное для посвященных, знакомство с политикой банков доступно лишь лицам, близко стоящим к ним. Отчеты банков меньше всего имеют своей целью служить материалом для научных исследований; искусство затушевывания больших мест и прикрапывания балансов достигло виртуозности; напомним прием — window dressing (витринная выставка), применяемый банками для выставления своей кассы в благоприятном свете... Но и тогда, когда отчеты дают истинную картину состояния и деятельности банков, в план последних вовсе не входит раскрытие карт своей игры. Для уяснения себе банковской политики необходимо заглядывать и за кулисы... И если в Германии в финансовой повседневной и периодической печати можно было найти материал для знакомства с этой закулисной стороной, то во Франции дело обстоит и обстоит на этот счет хуже. Здесь финансовая пресса — плохой помощник науки: по справедливому

выражению Lysis'a французская пресса — *presse de publicité*, а не *presse d'opinion*. И E. Kaufmann, указывая в предисловии к своей книге „Das Französische Bankwesen“ (1911 г.) на трудности, которые встречает исследование по существу современного банкового дела, объясняет это и тем, что даже те молодые экономисты, которые выросли в банковом деле, знакомы с банковым и финансовым миром и потому, казалось бы, в первую голову призваны к ознакомлению общества с состоянием французских банков,—что эти экономисты отказываются от этого или ограничиваются нейтральными вопросами, чтобы не портить своей карьеры.

Бедна была также—и остается до сих пор—литература об учредительском и эмиссионном деле в Англии. Очень мало знали о характере этих операций и в С.-А. С. Штатах, где, как и в Англии грондерством, финансированием и эмиссией занимаются специальные финансовые учреждения. Первой серьезной попыткой собрать материал и осветить финансовые организации здесь и в других странах была сделана Р. Лифманом в его труде: „Beteiligungs- und Finanzierungs-Gesellschaften“ (1909 г.). Наконец, чувствовался недостаток литературы и по теории акционерного дела. Исследованием природы акционерного дела до сих пор занимались преимущественно юристы; в результате юридическая сторона отодвинула на задний план экономическую, между тем характер деятельности современных банков и различных финансовых институтов, да и вообще характер современного капитализма, может быть понят лишь в связи с исследованием экономической сущности акционерного дела.

Таковы были причины, почему теория до войны мало занималась характерным явлением современного капитализма, именно тем, что капитал все более и более овеществляется в бумажных ценностях. Но и буржуазная экономия прекрасно сознавала, что капитализм вступил в новую фазу, которую она определяла, как „безличный капитализм“, „фондовый капитализм“. Еще на Международном конгрессе о „движимых ценностях“, заседавшем в Париже летом 1900 г., было указано, что сумма движимых ценностей, созданных и обращающихся в Европе, превышает 400 миллиардов франков, и что это создание бумаж-

ных ценностей и распространение их по всему земному шару является одним из характерных явлений современности. С тех пор количество находящихся в мировом обращении биржевых ценностей еще более возросло, и на XIV Интернациональном конгрессе статистиков в Вене было определено А. Неймарком для конца 1912 г. в сумме около 850 миллиардов франков. Владение биржевыми ценностями отдельных стран выразилось в следующих цифрах:

Великобританния	145—150 миллиард. фр.
С.-А. С. Штаты	135—140 „ „
Франция	108—115 „ „
Германия	100—100 „ „
Россия	32—35 „ „
Австро-Венгрия	25—26 „ „
Италия	16—18 „ „
Япония	14—16 „ „
Остальные страны	50—65 „ „

Итого 625—675 миллиард. фр.

Можно было до войны считать, что во Франции почти одна треть национального богатства находится в бумагах, в Германии—25—30%, в С.-А. С. Штатах—33% и в Англии—40%. И Роберт Лифман имел поэтому основание в 1909 г. сказать, что „нынешняя эпоха, эпоха жел. дор., электричества, мировой торговли и мирового обмена, эпоха социальных противоречий между предпринимателями и рабочими, рантье и поденщиками, покоится не на капитализме, но на фондовом капитализме—„Effektenkapitalismus“.

Сознавая, таким образом, происходящую в капитализме эволюцию, буржуазная экономия в лице некоторых своих представителей—Ад. Вагнера и его школы: Бернгарда и др.—выставила положение, что банковый капитал постепенно присваивает себе господство над индустрией, что дальнейшее развитие промышленности определяется не развитием производительных сил, а банковскими интересами, что растет власть плутократии, банократии, и это особенно в Германии. Этот взгляд отстаивал против Риссера и других Ад. Вагнер и в германской банковской комиссии

1908—09 г.г., где вопрос об отношении банков к индустрии длительно дебатировался. То же самое мы встречаем и в работах Лянсбурга, и в частности в статье его: „Управление банков национальным богатством“. Для иллюстрации довольно широкого распространения в Германии в первую декаду нынешнего столетия подобных взглядов, приведем цитату из статьи рядового экономиста Г. Вермета: „Ueber der Kursnotierung an der Börse, ihre Schäden etc.“ в „Conrads Jahrbücher“ за 1907 г. В. XXXIII S. 641—52.

„Банковый оборот в новейшее время идет навстречу такой неимоверной концентрации, какая едва ли имеет место в другой отрасли общественной деятельности... В крупных руководящих институтах капиталы громоздятся один над другим, основной капитал собирается в головокружительные суммы, и благодаря этому орудия власти банков растут химерически; посредством слияний или картельных договоров гигантских институтов сфера господства их все крепнет, а посредством снабжения деньгами и ироничновением в правления важнейших предприятий они держат в своих руках нити наиболее крупных производств и распространяют свою купеческую власть над всем нашим хозяйством. Благодаря слиянию крупных банков, создается сила, действующая почти монопольно; денежная олигархия в самом дурном смысле этого слова празднует свое появление; она не только подчиняет себе индустрию и горное дело, она не только покупкой громадных имений проникает в сельское хозяйство, но подчиняет своей власти и городское управление и более слабые правительства... Прогрессирующая концентрация банков,—продолжает он,—подчиняет себе биржу, котировку курсов; важнейший доход крупных банков происходит от эмиссий... Олигархия крупных финансистов поднимает все выше свое господство, и сама биржа падает при этом все ниже, теряя свою силу и значение“ (стр. 641—646).

Из вышесказанного ясно, почему появление в 1910 г. Гильфердинговского „Finanzkapital“, где объявлялось характерным для современного капитализма слитие банковского капитала с промышленным и появление, благодаря этому, высшей формы капитала, финансового капитала, почему это

ничего сенсационного для экономической теории не представляло¹⁾.

2.

„Капитал на высшей своей ступени становится финансовым капиталом“,—писал Гильфердинг (S. 284).—„Финансовый капитал означает объединение капитала. Раньше разделенные сферы индустриального, торгового и банковского капитала теперь поставлены под общее руководство Haute Finance, в которой объединены в тесной персональной унии господа промышленности и банков“ (S. 375). „Финансовый капитал приводит распоряжение общественным производством все более в руки незначительного числа крупных ассоциаций капитала...“ „Финансовый капитал по своей тенденции означает воссоздание общественного контроля над производством. Но это обобществление на антагонистических началах: господство над общественным производством остается в руках олигархии... Обобществляющая функция финансового капитала облегчает необыкновенно преодоление капитализма. Лишь только финансовый капитал подчинит своему контролю важнейшие отрасли производства, достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванную пролетариатом государственную власть, овладеет финансовым капиталом, чтобы взять немедленно в свои руки распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей зависят все другие, и господство над крупной индустрией означает, таким образом, уже самый действительный общественный контроль, даже без дальнейшего непосредственного обобществления“ (S. 472—473)... „Тенденция развития банков ведет к тому, что один банк или банковая группа получает распоряжение над всем денежным капиталом.

¹⁾ Одновременно с Гильфердингом выступил и В. Зомбарт со статьей „Die Kapitalverflechtung des Wirtschaftlebens“, в которой выставил положение, что капиталистический процесс получает свое завершение в „биржевой жизни народного хозяйства“. «В спекулятивных банках капиталистическое развитие достигает высшего пункта. С их помощью „олимерческие“ хозяйственной жизни доведено до конечного пункта. Биржевая организация находит свое завершение. Вся хозяйственная жизнь определяется все более финансовой аристократией“. (См. Archiv für Socialwissenschaft 1910. Mai-Heft 631—2 а. Juli-Heft 62—64 в).

Такой центральный банк осуществил бы этим контроль над всем общественным производством“ (S. 218)... „Овладение шестью берлинскими крупными банками уже сегодня означало бы овладение важнейшими сферами крупных индустрий и в переходный период, пока капиталистическое счетоводство является еще удобным, необычайно облегчило бы политику социализма на первых порах“ (S. 473)...

Таковы были выводы с.-демократа Гильфердинга, а вот план борьбы с финансовой олигархией, предложенный в цитированной нами выше статье государственного социалиста G. Wermet'a ¹⁾.

„Государство создает общество биржевых „курсовых“ маклеров. При посредстве такого официального общества, выступающего покупателем бумаг, государство получает возможность приобрести веское слово в правлениях акционерных обществ и противодействовать представленным в них крупным банкам. Общие собрания не будут больше подвластны одной Haute finance. Зависимость их от нее, вследствие денежных ссуд, получает спасительный противовес. Назначением на места в правлениях лиц, стоящих под ближайшем контролем государства, последнее приобретает желательное влияние на данную отрасль промышленности... Таким путем государство может все глубже проникнуть в управление акционерными обществами, оно может приобрести их акции во все большем количестве до тех пор, пока, наконец, не соединит в своих руках все промышленное, горное и фабричное производство. Государство при полном отстранении социализма и социал-демократии выполнило бы громадное социальное дело, и доходы от хозяйских предприятий текут уже не сравнительно немногим

¹⁾ Вермет, повидному, ученик Ад. Вагнера. Последний в указанной уже нами коллессии 1908—09 г.г. на нападки против проповедываемого им государственного социализма отвечал: „Что такое картель и концерны в тресты, как не частные монополии? Тогда я действительно говорю: лучше государственные монополии, чем частные... Если мы должны иметь монополии,—а мы их уже получили в форме концернов, трестов и др. (угольный трест, стальной концерн.—тогда сам по себе возникает вопрос: не лучше было бы иметь государственные или имперские монополии... Мы цитируем по американскому переводу стенограф. отчета: German Bank Inquiry of 1908—9, изд. National Monetary Commission 1911 г. том II, стр. 375.

частным лицам, но идут на общую пользу тем, что вводятся в государственную кассу“ (S. 646—651)...

У с.-д. Гильфердинга общее то с Вагнером, Бернгардом, Верметом, Зомбартом, Лянсбургом и др. буржуазными экономистами, что он, как и они, исходил из представления о доминирующей—особенно в Германии—роли банков в современном хозяйстве, о тенденции банков к овладению всем общественным капиталом, мобилизованным, благодаря овецествлению в бумагах. И он, как они, указывает на тенденцию капитализма подчинить всю хозяйственную жизнь финансовой олигархии. Отличается же Гильфердинг тем, что он не рассматривает эти явления преимущественно с отрицательной стороны, как Ад. Вагнер и его ученики, которые видели средство их устранения в государственном вмешательстве, в государственном контроле и государственной монополии, а больше с положительной, как „тенденцию развития общественного контроля над производством“ в капиталистическом хозяйстве. И оригинально у него было то, что он сделал попытку доказать эту тенденцию капитализма, взяв исходным пунктом II и III томы „Капитала“, стараясь дополнить и продолжить Маркса. Эта попытка была признана удачной. его „Финансовый капитал“ был объявлен большинством видных экономистов-марксистов действительно достойным дальнейшим развитием „Капитала“ Маркса. Но это, как мы постоянно подчеркивали с 1913 г., было ошибочно...

Новейший процесс, поскольку он проявился во взаимоотношениях банков и индустрии, и в частности в Германии, получил наиболее серьезное, хотя тоже не выдержанное, освещение в книге Отто Ейдельса: „Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie“ еще в 1905 году. Мы увидим, что Гильфердинг, оперируя спекулятивным методом, сделал из этой книги выводы, на которые более осторожный Ейдельс шел с опаской и с колебаниями. Мы начнем поэтому наш разбор с этого нервоисточника.

3.

„Различие нового периода индустриальных отношений банков (начавшегося с 1894 г. вместе с новым подъемом промышленности А. Ф.-Е.) от прежних, и в особенности от та-

ковых пятидесятых и семидесятых годов, выражается—указывает Эйдельс—в следующих явлениях (Мы приводим их в итоговом виде. А. Ф.-Е.).

1. Индустриальные предприятия стали более крепкими капиталистически, поэтому учредительство и эмиссия стали больше по размерам в каждом отдельном случае...

2. Крупные банки играют более исключительную роль, чем прежде. Хозяйственно-технические основания и экспансия банков ведут к тому, что индустриальные отношения банков сопровождаются с 90-х годов банковской концентрацией, которая по своим формам и силе была чужда прежним ступеням развития.

3. Деятельность банков для индустрии не исчерпывается больше в массе эмиссиями, как до этого. В то время как крупные банки относятся обычно сдержанно к созданию новых предприятий, они развивают гораздо сильнее контокоррентные отношения и это как количественно, так и качественно: первое в том смысле, что они стремятся вступить в деловые связи с большим кругом индустриальных предприятий, последнее в том, что они в индустриальном кредитовании видят не только прочное и выгодное дело, но и средство влияния на промышленную клиентуру, превосходящее по своему действию эмиссию. Таким образом объясняется как присоединение ими провинциальных институтов, так и их децентралистическая форма...

4. Индустриальная деятельность крупных банков—в противоположность к прежним кризисам—не только не прекратилась во время периода упадка с 1900 г., но, наоборот, она углубилась и расширилась. Если соответственно устойчивому состоянию индустрии и стали реже: увеличение капиталов, новое учредительство, допущение к котировке на бирже и пр., то не остановились ни оформление существовавших индустриальных отношений путем округлений, расширений и организации, ни концентрация банковского дела и экспансия крупных банков. Можно сказать, наоборот, что зачатки выраженной индустриальной политики крупных банков, встречаемые с 90-х годов, начали принимать всеязаемый вид во время кризиса 1900—02 г.г.

Если дать итоговую характеристику изменившейся ситуации, то можно сказать: современная ступень развития

индустрии ставит банковому миру, который со своей стороны представляет процесс концентрации, сходный с промышленностью, новую задачу. Если в предыдущие периоды индустриальной банковской деятельности дело шло о возбуждении индустрии, то сейчас (1905 г.) дело идет о том, чтобы ею овладеть. Не создание, но господство и руководство капитальными массами является решающим...“ (стр. 107—109).

Таков был процесс, переживавшийся германскими банками со середины 90-х годов, и такова была „новая задача“, только намечавшаяся ходом капитализма перед банками в 1905 году, как ее формулировал Эйдельс, задача, которая у Гильфердинга в 1910 году оказалась уже разрешенной. Между тем вопрос не только в 1905 г., но и в 1910 г. стоял так: не встречаются ли эта тенденция в развитии банковского дела и эта новая задача противодействие со стороны тенденций других моментов движения капитализма, и не окажутся ли эти последние в последнем счете сильнее.

Эйдельс заметил и эти противоположные тенденции. Он не закрывает глаз на то явление, что „интересы банка заключаются в длительном обладании сферой деятельности, охватывающей всю хозяйственную жизнь, как институт кредита, в извлечении прибыли из кредитного посредничества (подчеркнуто нами. А. Ф.-Е.). Форма этого кредитного посредничества, и поэтому организация банков изменялась вместе с крупно-капиталистическим развитием индустрии, но по существу банк остался тем, чем и был: кредитным институтом. С этой точки зрения, на которой стоит громадная масса банковских акционеров и иной банковский руководитель, задача банка исчерпана вместе с действительно проведенной экспансией, с изменением его капитальной мощи, организации и с усилением и изменением его кредитных отношений к индустрии... Банковская концентрация, образование современных крупных банков, с одной стороны, хорошие дивиденды акционерам, с другой стороны, таков сознательно желаемый результат экспансии банковских предприятий“.

Это—взгляд на задачу банков, вытекающий из их деятельности, как кредитных учреждений. Но, указы-

вает Ейдельс, ход индустриального капитализма на континенте Европы привел к тому, что втянул банки и в сферу производства. „Путем текущего обслуживания индустриальных предприятий, предоставлением им кредита, путем договорного или вошедшего в обычное дело привязывания этих предприятий к деловому обороту исключительно данного банка, путем засвидетельствования этой связи за помещением наблюдательных постов, банк из сферы простой принципиальной посреднической деятельности входит до известной степени в таковую индустриального производства“. И оказывается: „Кто наблюдал смену лиц в дирекции и в совете банков за последние годы должен был заметить, как постепенно у руля становились люди, которые считали необходимым и все более становящейся актуальной задачей крупных банков активное вмешательство в общее развитие индустрии,—как между ними и старыми директорами банков развивался деловой и чисто личный антагонизм. Дело шло при этом по существу о том, не пострадают ли при проникновении банка в индустриальный процесс производства его дела, как кредитного института, не будут ли пожертвованы основы и прочная прибыль в угоду деятельности, которая не имеет ничего общего с кредитным посредничеством и поведет банк в сферу, где он будет предоставлен слепому колебанию индустриальной конъюнктуры еще больше, чем теперь. В то время как старые руководители банков это утверждают, большинство молодых видит в активном вмешательстве в вопросы индустрии ту же самую необходимость, которая с современным крупным индустриальным развитием вызвала крупные банки и современное индустриальное банковское дело. Только в одном обе стороны согласны, что нет еще твердых основ и конкретной цели для новой деятельности крупных банков“ (стр. 184).

Итак, Ейдельс признает, что „новая задача“ не имеет еще твердых основ для решения, что намечающаяся „новая деятельность“ еще не имеет твердой конкретной цели. Ведь совершенно ясно, что каковы бы ни были субъективные оценки движения банковского дела и выдвигаемых этим движением задач у банковских управляющих, каковы бы ни были желания и склонности гг. банковских директоров,

вопрос в последней инстанции решает объективный ход экономической жизни, а в интересующем нас случае, в вопросе об отношениях банков к индустрии, последнее слово до сих пор было и,—надо думать,—останется за индустрией. И это уже по той простой причине, что производство остается основой, первичной сферой, банковый же капитал-фактор хоть могучий, но все же производный.

Эту свою силу, укажем к слову, капитаны индустрии очень хорошо сознают. Как-раз в том же 1905 г., когда вышла книга Ейдельса, Кирдорф—глава рейно-вестфальского угольного синдиката—заявил на собрании Verein'a für Socialpolitik в Мангейме, что „власть банков никогда не была так слаба в сравнении с нашей мощью, как в настоящий момент“¹⁾.

4.

Ейдельс сознает, что новая банковская задача встречает на пути своего разрешения объективные препятствия, он видит, что новая банковская деятельность по отношению к индустрии противоречива, но он все же „гармонист“ и потому старается показать, что решение этой задачи возможно.. Удалось ли ему это, мы рассмотрим, предоставив ему предварительно опять подробно высказаться.

„Превращение индустриальной политики крупных банков из политики кредитного института в политику индустриальной концентрации обнаруживает тройное противоречие в развитии современного банковского дела. Прежде всего оказывается своеобразное противоречие в том, что банки стремятся к индустриальной концентрации, чтобы расширить свою собственную власть

¹⁾ Ад. Вебер, один из первых исследователей «депозитных и спекулятивных банков в Германии» (см. его книгу, вышедшую в 1902 г.), в статье, написанной в 1913 г. на эту же тему для русской «Банковой Энциклопедии», заметил по этому поводу: «Едва ли подлежит серьезному спору, что тайный советник Кирдорф был прав, по крайней мере, поскольку он говорил о крупной промышленности». Это признали и Риссер, и Дифман и др. Отметим, что и в банковской комиссии 1908—09 г.г. д-р Wachler, Ober-Bergstr., говорил: «Позвольте мне обратить ваше внимание на только что опубликованный годовой отчет Обществу Электрического Общества. Этот концерн имеет наличными 60 милл. марок в банках. Мне кажется, что скорее следует банки рассматривать, как зависящие от наших индустрий». (1. с. стр. 308).

в противоположность к таковой других банков, что она мслится ими, как средство конкуренции, но она своим осуществлением сводит на-нет цель—вытеснение других крупных банков в борьбе конкуренции. Почти каждое большое слияние в индустрии ведет к консорциуму банков обеих сторон... Своим противоречием первоначальной цели банковской экспансии, в которой каждый банк стремится к росту на счет другого, это развитие представляет первый антагонизм в современном отношении банкового мира к индустрии“.

„В роли, которая выпадает крупным банкам в благоприятствуемой ими концентрации индустрии, в решении проблемы, от кого в этом процессе исходит инициатива, лежит второй антагонизм. Банки протягивая руки к индустрии для расширения там своего влияния, поэтому идут планомерно к децентрализации путем присоединения провинциальных банков. Таким продвижением они невольно целиком попадают в поле действия индустрии и должны предоставить руководящим лицам индустрии диктовать свои судьбы... Это второй антагонизм находит свое, уже сейчас различимое, разрешение в увеличивающемся объединении капитала, связывающем банк и индустрию в одно целое, которое делает неважным и в отдельном случае неотличимым, исходят ли руководящие точки зрения с той или с другой стороны“. (Здесь, значит, указывается на тенденцию к словутому „слитию“. А. Ф.-Е.).

„Индустриальная политика банков, стремление к индустриальной концентрации имеет и отрицательную сторону: крупным банкам чуждо планомерное стремление к общей индустриальной организации с одной единой точки зрения. (Это место, между прочим, очень не понравилось проф. Риссеру. А. Ф.-Е.). Само собой понятно, что банки сожалеют, что в хозяйственной жизни не царит солнце; если они в своих отчетах и говорят преждевременно или смиренно о грядущем или уже наступившем перепроизводстве, то основ, которые бы дали возможность одно отвести, другое избежать, они не имеют. С направлением к индустриальной концентрации их целесознательное влияние исчерпывается“.

„Отсутствие всеобщей охватывающей все народное хозяйство, как целое, индустриальной политики банков не мешает, правда, тому, чтобы условия отдельных индустрий стали планомернее: увеличивающаяся концентрация означает более целесознательную организацию... Но индустриальная политика банков включает также возможность направить интересы капитала особенно сильно на определенные отрасли, на те индустрии, которые, как главные места образования капитала, спроса на капитал и крупных оборотов, имеют выдающееся значение для крупных банков, на тяжелые индустрии, в первую линию на уголь и железо... И если действительно такое гипертрофическое развитие известных тяжелых индустрий является признаком современного положения германской индустрии и если крупные банки по своей природе содействуют этому процессу, то из этого вытекает третий антагонизм. Стремление крупных банков к концентрации и целесознательному руководству индустрией полно противоречий, если оно ограничивается известными индустриями и, вследствие этого, вызывает в другом месте еще большее отсутствие планомерности“ (стр. 271).

Итак, новейшее направление в банковом деле, и по Ейдельсу, полно внутренних противоречий, и лишь одно из трех основных противоречий, связанных с банковской индустриальной политикой, разрешается происходящим уже слиянием банков и индустрии воедино. Однако, возникает вопрос, действительно ли имеет место в данном случае слияние функций банкового капитала и индустриального, или лишь выполнение их одной и той же корпорацией. А это вещи различные... И жизнь показала, что имело и имеет место только последнее.

„Увеличение банковского предприятия на одной стороне и индустриального на другой, возрастающее одновременно и там и здесь усложнение техники вызывает более сильное разделение труда в управлении и все более специальное подчинение отдельных частей предприятия руководству отдельного директора. Этот последний не беспокоится о „высокой политике“ предприятия, его кредитных отношениях, его связях с другими заводами. С своей стороны директор банка в большинстве случаев настолько занят своей банковой

коммерческой деятельностью, которая имеет еще совершенно иные начала и совершенно другие области, чем индустрия, что не имеет возможности заниматься хотя бы в известной степени индустриальной техникой. Таким образом, на народно-хозяйственной ступени развития, которая является предпосылкой и вместе с тем побуждением к растущим отношениям между банковым миром и индустрией как-раз руководители банков и руководители индустрии отодвигаются все дальше друг от друга" (Это верно и важно. А. Ф. Е.). „И это,—продолжает Эйдельс,—происходит в то время, как перед этими руководителями возникает все больше общих интересов“.

Что же это за общие интересы? Здесь мы подходим к кардинальному пункту нашего расхождения с Эйдельсом. „Они двоякого рода: они требуют, во-первых, совершенную работу индустриального и банкового предприятия в каждой свойственной им сфере, по возможности дешевое, хорошее, годное к сбыту производство здесь, и по возможности хорошо организованное, прочное, богатое и прибыльное кредитное посредничество там. В то же время они оба, индустрия и банки,—сферы и средства для увеличения ценности капитала (Kapitalverwertung), для которого они представляют лишь различные инструменты для одинаковой операции и, как таковые, требуют в общих вопросах согласования принципов“. Вот тут-то и ошибка. Никакой „одинаковой операции“ в сфере обращения ценности капитала и в сфере создания его нет, хотя бы банкиры и промышленники стремились к одной цели: прибыли и накоплению.

„Согласование принципов“! Да, весь процесс капиталистического процесса воспроизводства требует согласования обращения с производством ценности, и это на всех ступенях капитализма. Но гармония не есть характерная черта этого хозяйства, она всегда результат собственной ему диогармонии. И от того, что на высшей ступени банкиры и промышленники стремятся в трогательном единении накапливать, еще не устраняется дисгармония, вытекающая из сущности ведения этого хозяйства. Эйдельс, однако, считает, что „взаимное влияние друг на друга увеличивается в высших сферах предприятий в такой же мере,

в какой растет отчуждение в низших; функционерами этого влияния являются стоящие на самых верхах банка и индустрии личности“. Внизу отчуждение, но зато наверху сближение. Но „наверху“ по-нашему означает в сфере движения капитала, как собственности, а „внизу“— в сфере движения капитала, как функции. И так как между этим верхом и низом растет все больше противоречий, то верхнее сближение не может устранить нижнего отчуждения.

Эйдельс, однако, другого, мнения. „На место непосредственного влияния финансовых сил на индустриальных директоров — говорит он — выступает у крупных банков систематическое использование правового института, наблюдательного совета“ (обладающего в Германии большими юридическими правами и господствующего юридически над правлением, что, однако, не значит и фактически А. Ф. Е.). Банки стремятся привлечь в свои советы крупных промышленников, которые господствуют в различных отраслях производства, являясь длительными участниками в этих последних и связанными с ними, и это как правило, между тем банки,—как исключение. Это расширяет сферу деятельности банков, как кредитных учреждений, в индустрии. Однако, нет никаких данных для утверждения, что эти промышленники — Гартман, Тиссен, Фридендер-Сименс, Ратенау и др.—становятся функционерами банкового капитала. Эйдельс сам указывает, что „промышленники в совете содействуют проникновению в управление банком духа крупных индустриальных деловых принципов“, (т. е., просто говоря, содействуют служению банка индустрии. А. Ф. Е.). Но, прибавляет к этому Эйдельс: „Если индустриальная политика крупных банков диктуется в существенном индустрией, то это посредственное отношение зависимости банков от индустрии отражается в растущем мирном влиянии этих членов совета“. Тут уже перед нами Эйдельс—гармонист, что ему мешает часто сводить концы с концами. Видя антагонизм между банками и индустрией, он все же старается показать, что налицо единение, мирное житие...

Ну, а банковские директора в советах индустриальных предприятий, какова их роль там? В противополож-

ность промышленникам, которые обычно занимают места в советах предприятий одной и той же близкой им отрасли или одного и того же района, потому что они деятельные функционеры индустриального капитала, гг. директора банков садятся, где угодно, влезают „в самые чуждые им области“, и это с целью подчинения предприятий своему банку, как это указывает сам Ейделс. Для какой цели это делается? Если оставить в стороне, что эти наблюдательные местечки очень теплые, то придется признать, что банковские директора действуют так для получения их банком все больше прибылей, в качестве кредитного института¹⁾. „Банковский директор, вступающий в индустриальный совет, сознательно проникает в чужую сферу, чтобы в этом предприятии применить свое влияние в пользу своего собственного банка, который может—но не должен—иметь совершенно иные интересы, чем это предприятие“. И это говорит сам Ейделс. Отсюда ясно, что и сидение в советах²⁾ не разрешает противоречий вытекающих из различия движения капитала-собственности и капитала-функции, процент приносящего капитала и прибыль производящего.

Банки должны помогать индустрии в ее финансовых делах. Для этого их и создал именно индустриальный капитал. Что они при этом наживаются, более того: сплошь и рядом эксплуатируют производство, это верно. Что связи между банком и индустрией растут и должны расти, что они усложняются и должны усложняться, это опять-таки

¹⁾ Но так как этого добиваются директора всех крупных банков, то во всех крупных индустриальных краях до войны и после все оказывались замешанными десятки банков. Так, Ад. Вебер рассказывает, что при банкротстве одной рейнской фирмы Terlingen во время кризиса 1900—01 г. пострададо не менее 14 крупных и мелких банков, при банкротстве лесной фирмы Brühl und Valentin в 1909 г.—12 банков, а в Стиннесовской истории 1925 г., как известно, почувствовали себя дурно 22 банка.

²⁾ Тем более, что в „этих советах“ сидели и сидят—и это повсюду, и у нас до революции—в значительном количестве лица, чуждые не только индустрии, но и банковского дела: люди с „громкими именами“, различные бароны и князья, часто захудалые, крупные чиновники и высшие военные в отставке и пр. Это для „свободы“. Пользы от этих „руководителей национальным хозяйством“, конечно, никакой, скорее вред, но сдают они много денег...

совершенно понятно. Но выводить из всего этого тенденцию слияния, сращения воедино индустриального и банковского капиталов, вот что неправильно. Банки, как правило, были и остаются кредитными учреждениями, выполняют функции, связанные с движением капитала, приносящего процент в денежной и фиктивной формах, т. е. торгуют деньгами и бумагами, являются представителями капитала, как собственности, но они не индустриальные функционеры. Весь процесс капиталистического воспроизводства—процесс диалектический—един, но в своем единстве он сложен и противоречив. Он един с самого основания капиталистического производства; это условие его движения. Отличие же его последней стадии от предыдущих—в развитии, в силу все большего разделения функций различных форм капитала, внешне все более самостоятельно движущихся моментов, что сопровождается и усложняющимся переплетом, и все усиливающейся противоречивостью движения различных моментов, которые тем не менее должны быть внутренне связаны между собой, чтобы процесс мог идти непрерывно.

V.

Теория Гильфердинга.

(Критика ее).

1.

Свою теорию финансового капитала Гильфердинг старался обосновать прежде всего утверждением, что банковый капитал имеет своей тенденцией „все растущую часть ссудного капитала превращать в собственный“, превращает „путем выпуска акций депозиты в свой собственный банковый капитал“, и это „преимущественно с целью закрепления его в индустрии“... „зафиксирования его индустриально чтобы получить эмиссионную прибыль и овладеть индустрией“.

Чтобы проверить эти положения, мы в своей статье „Современный капитализм“ („Совр. Мир“, декабрь 1913 г.) привели таблицы со сравнительными сводными данными о состоянии всех депозитных банков в Соедин. Королевстве в 1890 и 12 г.г., всех акционерных банков с капиталом не менее 1 мил. марок каждый в Германии в 1886 и 1912 г.г. и всех акционерных и коммерческих банков в России в 1897 и 12 г.г.; и далее—сводные балансы 11-ти крупнейших депозитных английских банков на 30/VI 1913 г. 3-х крупнейших банков во Франции на 30/XII—1912 г. 172 германских банков на 30/VI—1913 г. и отдельно 9-ти берлинских банков с капиталом более 50 мил. марок каждый и, наконец, сводные балансы 45-ти банков в России и отдельно 12-ти петербургских на 1-ое июня 1913 г.¹⁾

¹⁾ Эти таблицы мы приводим в приложениях (стр. 151—155), дополнив их данными в других странах, а также—за позднейшие годы. Для сравнения данных до-военного времени мы оставляем без изменения 1912 г. и первую половину

Анализ этих и других данных показывает, что собственный капитал всех германских банков, с капиталом не менее 1 мил. марок каждый, составлял на 30/VI—1913 г. 23,6% всех пассивов, отношение же чужих средств (кредиторы + депозиты + акцепты) к собственному капиталу этих банков составляло 312%, а в 9-ти крупных берлинских банках 383%; во Франции отношение чужих капиталов к собственному (подписной + резервный) в конце 1912 г. было 412%, а к уплаченному плюс резервный 500%; в 66-ти бельгийских банках в этом же году 392% (2,6 миллиарда и 674 мил. фр.); во всех английских депозитных банках отношение чужих капиталов (депозиты и акцепты) к собственному (уплач. + резервн.) в 1912 г. было 918,9%, а в 11-ти главных банках на 30/VI 1913 г. отношение депозитов к собственному капиталу—1.103,5%; в наших смешанных банках отношение депозитов к собственным капиталам на 1/VI 1913 г.—526%; в Австрии в 72 банках это отношение было в 1912 г. по Лопушанскому—277%, по другим данным: отношение чужих денег в крупных и средних банках к акционерному капиталу было в 1912 г.—331,9%; в С.-А. С. Штатах во всех подотчетных Контролеру денежного обращения банках отношение всех депозитов к капиталу (без резервов) было в 1912 г. 408,9%.

Сравнительные данные за последние десятилетия до войны показывают, что в Германии за 1886—1912 г.г. число банков возросло на 120%, собственные капиталы на 345,7%, чужие средства возросли на 749%, а депозиты на 1.610,7%—мы исправляем здесь вкравшиеся в указанную нашу статью описки; отношение же чужих средств к собственным возросло со 167,4% до 318,5%; во Франции за 1872—1909 г.г. собственные капиталы 3-х крупнейших банков возросли на 340%, а чужие средства на 921,7%; в Англии собственный капитал (уплач. + резерв.) возрос за 1890—1913 г. на 21%, а депозиты на 92,1%; у нас за 1897—1912 г.г. собственный капитал возрос на 218,2%, а депозиты

1913 г., хотя могли бы взять теперь данные до середины 1914 г., и это потому, что для наших выводов это значения не имеет. При том 1912/13 год был годом высшего расцвета капитализма на Западе, после которого наступила там депрессия. Что же касается России, то о ней мы привели подробные данные за 1913—1917 г.г. в I томе нашего „Капитализма в России“, изд. 1925 г.

на 520%. В С.-А. С. Штатах число указанных банков возросло с 1895 по 1912 г. на 155,6%, капитал их на 89,7%, резервы и прибыль на 209,7%, а депозиты на 246% (среди последних публичные, сравнительно ничтожные до войны, возросли за это время с 13,2 до 58,9 миллионов дол., а „индивидуальные“ с 4,9 миллиарда до 17 млрд. дол.). И австрийские банки за 1890—1909 г.г. увеличили собственный капитал на 152,3%, а чужие на 368,6%, в крупных же и средних банках акционерный капитал возрос за 1900—1912 г.г. на 116,3%, а чужие деньги на 131,6%.

Эти данные ясно показывали ошибочность взгляда, что у смешанных банков, а тем более депозитных, существует тенденция к развитию собственного капитала на счет депозитов. То же самое показывают и данные позднейшего времени¹⁾.

2.

„Банки могут привлекать деньги непроизводительных классов и могут длительно использовать все растущее основное ядро этих денег лишь при том условии, если они за эти деньги уплачивают проценты, указывает Гильфердинг. Пока этих денег было не слишком много, банки могли это выполнять путем употребления их на цели спекулятивной

¹⁾ К концу 1924 года капитал и резервы всех акционерных английских банков (без Английского банка), частных банков, акционерных ирландских и северо-ирландских составили в общем 161,4 миллиона фунт. ст. а текущие счета и вклады—2.136,9 милл. фунт. ст. Отношение последних к первым равнялось 1.323,6%. В „big five“, пяти гигантских английских банках депозиты на 30/VI 1925 г. с начисленным процентом составили 1.509 милл. фунт. ст., что по отношению к собственному капиталу и резервам в 109,3 милл. равнялось 1.384%. К 30/VI 1924 года около 30 тысяч американских банков, обязанных отчетностью Контролеру денежного обращения (из них 8 тыс. национальных банков, а остальные государственные сберегательные, трест-компании и частные банки) имели 3.123 милл. долларов собственного капитала и 3.947 милл. резервов, всего собственных средств 7.070 милл. долларов, а депозитов (не считая, как и выше, межбанковские) 43.871 милл., т. е. отношение депозитов к собственным средствам (считая и резервы) составило 620,5%. По данным на 30/VI 1925 года 6 крупнейших американских банков при 248,6 милл. долл. собственных капиталов имели 3.309 милл. долл. депозитов. О положении дел в Германии в 1924 году мы приводим данные в дальнейшем изложении. См. также приложения, где приведены данные об английских, американских, французских и германских банках за 1919—23 годы по сравнению с 1913 и 1914 г.г.; (см. стр. 156—159

и оборотного кредита. С увеличением же этих денег с одной стороны, и уменьшением значения спекуляции и торговли, с другой стороны, приходилось эти деньги все больше и больше превращать в индустриальный капитал. Без постоянного расширения производственного кредита возможность применения депозитов, а с этим и уплата по ним процентов, давно упала бы гораздо глубже. Это и в действительности уже наблюдается отчасти в Англии, где депозитные банки обслуживают оборотный кредит и процент по депозитам минимален. Отсюда постоянный отлив депозитов для помещения в сферы промышленности посредством акций. Здесь публика делает непосредственно то, что делает банк, когда он является соединением индустриального и депозитного банка...“ („Finanzkapital“ стр. 355. Подчеркнуто нами А. Ф.-Е.).

Если бы эти замечания Гильфердинга были в основах правильными, то мы должны были бы наблюдать сокращение депозитов—и не только относительное—прежде всего в английских банках, где сильнее, чем где-либо, скопляется мобильный ссудный капитал страны. И это тем более, что публика здесь, как это и указывает Гильфердинг, непосредственно покупает промышленные акции. В действительности же в Англии, как и в других богатых денежным капиталом странах—С.-А. С. Штатах, Франции, депозиты сильно росли и процентные отношения их к собственному капиталу банков также росло. Казалось бы, если депозитов в банках „слишком много“, а сферы их помещения для целей оборотного кредита, по Гильфердингу, сокращаются, то и привлечение их банками было излишне. А между тем, именно за последние десятилетия до войны мы видим повсюду, и в частности в Англии, усиленное стремление банков к привлечению пассивов. До учреждения акционерных банков в Англии ²/₃ депозитов не оплачивались; после этого депозиты долгое время здесь оплачивались на один процент ниже официального учета, а со середины 80-х годов—на 1¹/₂%; но провинциальные банки, более заинтересованные в привлечении пассивов, платят здесь более высокий и постоянный процент. Временами наблюдалось, что, вследствие острой конкуренции, за депозиты уплачивалось на ¹/₂ и даже на 1% выше официального дисконта.

Что касается Германии, то именно за последние десятилетия—мы говорим опять таки о „нормальном“ т. е. довоенном времени, о послевоенном дальше—мы видим развитие депозитных касс и сильнейшее развитие конкуренции по привлечению вкладов, что гнало вверх процентные ставки¹⁾. В России для привлечения пассивов учреждались отделения даже в медвежьих углах, а для уменьшения высоких ставок по вкладам и текущим счетам, вызванных конкуренцией банков между собой, требовалось давление министерства финансов. Все эти явления не имели бы места, если бы у банков действительно существовала тенденция работать больше на счет своего собственного капитала и если бы депозитов было бы всегда,—а не периодически—„слишком много“, как это указывает Гильфердинг.

На III общегерманском банкирском съезде 1907 г. в Гамбурге было установлено, что лишь незначительная часть депозитов носит в Германии характер сбережений: $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ состоят из оборотных запасов крупных производительных капиталистов („кассы крупной промышленности и крупной торговли“). Это подтвердили сведущие лица и в анкетной комиссии 1908 г. То же самое и в Англии. В то время как раньше,—говорит Jaffé,—преобладали сбережения в качестве депозитов, теперь они—временно доверенные банкам деньги промышленных и торговых капиталистов. Только в провинции и Шотландии депозиты еще часто представляют чистые сбережения. И во Франции можно считать, что $\frac{1}{5}$ депозитов в крупных банках—текущие счета, а из этих текущих счетов большая часть состоит из кассовых денег торговцев и индустриальных капиталистов. Но и из вкладов часть следует отнести к средствам производительных капиталистов. И у нас, как известно, большая часть депозитов—

¹⁾ Не вдаваясь в разбор отдельных наиболее крупных германских банков мы должны указать, что развитие депозитов является в них делом довольно позднего времени. В 50—60-х гг. банки сознательно избегали привлечения депозитов, считая необходимым в интересах прочности работать на свои капиталы. Darmstadter Bank (Bank für Handel und Industrie), основанный в 1853 г., лишь с 1900 г. начал культивировать депозитные кассы и развивать эту операцию. То же самое и Schaffhaus Bankverein. Крупнейший же Deutsche Bank, хотя с самого своего основания (1870 г.) обращал внимание на депозитное дело, но начал развивать эту операцию заметно лишь в 90-х и 900-х гг.

представляли текущие счета... Таким образом вместе с понижением процентных ставок изменяется состав депозитов: непроизводительные классы помещают свои сбережения в сберегательных кассах или бумагах. В банках же концентрируются, главным образом, средства индустриальных капиталистов и торговцев. И более, чем когда-либо раньше, банки становятся кассирами капиталистического хозяйства.

Но работа на чужие деньги не является лишь отличительной чертой депозитных банков или смешанных. На чужие деньги работают и специальные кредитные учреждения, обладающие значительным собственным капиталом. Так, известные французские Banques d'affaires, занимающиеся гриондерством, эмиссией, финансированием экспорта и кредитных учреждений за границей, ведущие и регулярные операции, связанные с биржей: ссуды, репорты и пр., пользуются средствами синдикатов и различных иностранных национальных эмиссионных банков, остатками произведенных ими государственных займов и пр., и это преимущественно в форме текущих счетов. В 4-х главнейших таких французских банках числились к концу 1912 г., при акционерном капитале в 288 мил. фр. и резерве в 167 мил. франков, чужие деньги: кредиторы—907,7 мил. и акцепты—116,3 мил. франков. В Англии, где финансирование тесно связано с эмиссией, где деньги достаются на рынке при посредстве системы подписки, занимающиеся этим financial companies, ведущие и регулярную работу, добывают средства и продажей выпускаемых бумаг. Американские trust-companies, близкие по своим операциям к германским смешанным банкам, также имеют значительные депозиты. И, наконец, чужими деньгами пользуются здесь финансовые магнаты и трестовые короли. В их распоряжении для финансирования различных предприятий резервы контролируемых ими страховых обществ, банков и проч. Рокфеллеровский нефтяной трест обслуживается National City Bank, который в 1912 г. при 25 мил. долл. собственного капитала и 28 мил. резервов имел 205 мил. депозитов¹⁾, а посред-

¹⁾ По данным на 30/VI 1925 г. этот банк при собственных капиталах в 112,3 мил. дол. имел вкладов и текущих счетов на 926,3 мил. Bankers Trust Company: 50 и 402 мил. дол. 2 Equitable—34,7 и 407,4 мил. дол. в т. д.

ством влияния на ряд других банков управлял одним миллиардом долларов. В то же время Моргановский концерн представленный Bankers Trust Company, Equitable Trust Company и др. распоряжался $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ млрд. своих и чужих денег (Лянсбург).

3.

Анализ движения собственных капиталов банков за последние десятилетия до войны показывает, что хотя рост их повсюду заметно отставал от роста депозитов,—и это особенно в Англии и С. Штатах,—и отношение депозитов к собственным капиталам все возрастало тем не менее на континенте Европы—в германских, французских, русских и австрийских банках—эти капиталы все же представляли значительные суммы. Так, например, пять больших берлинских банков, составлявших вместе с другими менее значительными банками, связанными с ними внутренними интересами—путем владения их акциями или договором—пять крупных банковских групп, представляли по Риссеру, в конце 1911 г. собственный капитал в 2,7 миллиарда марок (из которых 608 миллионов резервного). Возникает вопрос: чем вызван был значительный рост собственных капиталов в германских банках и однородных с ними банках Франции, Австро-Венгрии и России?

В Германии—и не в ней одной—этот рост шел параллельно с процессом концентрации банков и с децентрализацией их предприятий. Он шел рядом с поглощением крупными банками частных банкиров и более мелких банков и с учреждением крупными банками многочисленных отделений, агентств, депозитных касс и меняльных контор. Этот рост шел параллельно с развитием регулярных операций—вексельного дела, акцептов, расчетных и условных счетов и ссуд,—которые развивались в свою очередь вместе с сильным развитием в Германии промышленности и торговли. Собственный капитал банков рос параллельно и развитию акционерного дела в промышленности и все увеличивавшейся, благодаря этому, связи между индустрией и банками путем контокоррентных отношений, грюндерства и эмиссии. Он рос вместе с развитием эмис-

сии не только индустриальных ценностей, но государственных и коммунальных. Акционерные банки—их консорциумы—сменили теперь банкирские дома, выпускавшие раньше правительственные и коммунальные займы. Он рос также в связи с ростом спекуляции, естественной спутницы капиталистического развития. Банки увеличивают свои капиталы и потому, что это увеличивает их кредит, привлекает пассивы. В Германии смотрят на увеличение собственного капитала, как на улучшение ликвидитета банков, усиление их прочности.

Увеличение собственного капитала во французских банках также объясняется отчасти тем, что и здесь на него смотрят, как на гарантийный фонд. Высота собственного средств должна—де стоять в известном отношении к обязательствам. Раньше это предписывалось здесь и статутами всех банков, что теперь оставлено. У нас, как известно, уставы всех банков требовали, чтобы общий итог принятых банками сумм во вклады и на текущий счет, перученных векселей, выпущенных облигаций и всяких других принятых на себя обязательств не превышал более, чем в 10 раз, а в некоторых банках—более чем в пять раз, собственные капиталы банка... И в Англии преобладало раньше мнение о необходимости известного отношения между собственным капиталом и чужими средствами банка—по Gilberty—1:5; сообразно этому происходило увеличение акционерного капитала. Теперь практика здесь от этого отказалась и основательно. Теория повсюду склоняется к тому, что собственный капитал является главным образом гарантийным фондом для акционеров, а не для вкладчиков. Отношение собственного капитала к обязательствам признается в Англии несущественным для определения степени солидности банка; для ликвидитета важна высота денежной наличности и качество помещения банковского капитала.

В своем анализе банковского капитала Гильфердинг сам указывает, что „как из деятельности посредничества в кредите, так из финансирования и спекуляции вытекает тенденция концентрации, а с ней и стремление иметь возможно большую часть капитала, как собственный капитал“. Но в конце концов теория сводится у него к тому, что банки

стремятся к увеличению собственного капитала главным образом потому, что „желают часть его закрепить в индустрии“, вложить „в элементы производительного капитала“ (стр. 210, 213). И в доказательство того, что „главным образом кредитование промышленности, участие в промышленных предприятиях посредством владения акциями и эмиссионной деятельности побуждает банк к увеличению собственного капитала“, Гильфердинг указывает на тот „факт, что чисто английские депозитные банки не увеличивают своего капитала, несмотря на гигантски возросшие обороты“. Но мы только-что видели, что причины увеличения собственного капитала банками и в Германии—не в эмиссии лишь и не в консорциальном участии, а в целом ряде факторов. Мы далее указали, что причина, и далеко немаловажная, незначительности собственного капитала английских депозитных банков заключается в том, что здесь „гарантийным средствам“, т. е. акционерному капиталу (уплаченному + обязательства акционеров) и резервам не придано того значения, что в Германии или в Австрии или у нас. Далее, несомненно, что на высоту собственного капитала банков в данной стране влияет и степень богатства ее денежными капиталами. Крупным лондонским банкам не за чем гнаться за депозитами: они текут к ним со всех сторон; им незачем увеличивать собственные средства для своих операций, так как и чужих у них достаточно и это только уменьшило бы дивиденд акционеров. Лишь провинциальные банки заинтересованы в Англии в привлечении пассивов. И в богатой капиталами Франции отношение собственного капитала к чужим средствам было бы ближе к английскому, депозиты были бы здесь гораздо выше если бы была развита, по примеру Англии, чековая система и масса средств не тратилась на денежное обращение. Иначе обстояло дело в Германии, в стране сравнительно бедной денежными капиталами, или у нас, где для получения средств, особенно в периоды стеснения, банкам приходилось увеличивать свои собственные капиталы путем привлечения иностранного капитала, и в Австро-Венгрии где депозиты особенно слабо развиты... Как правило можно указать, что развитие депозитного дела идет рука об руку с развитием капитализма,—и что, где страна

беднее капиталом, там собственные капиталы банков играют большую роль в банковом деле...

Подчеркивая постоянно стремление банков к увеличению собственного капитала для целей эмиссии индустриальных ценностей и захвата индустрии, Гильфердинг сам указывает, что возможность превращения чужого капитала в собственный имеет свою границу, образуемую „той частью имеющегося вообще в распоряжении капитала, которой можно располагать для капитального кредита. В этих границах проявляется тенденция развития банков превратить всю растущую часть ссудного капитала в собственный“ (212 стр.). Это однако довольно спорное положение. На денежном рынке для успешного проведения выпуска акций необходимо, чтобы налицо был соответствующий свободный капитал. Теория буржуазной экономики, правда, отделяет денежный рынок для долгосрочного кредита от краткосрочного,—для длительного помещения от рынка для оборотного кредита,—хотя между ними трудно установить границы и происходит постоянный перелив капитала с „краткосрочного“ рынка в „долгосрочный“. Но, спрашивается, почему в банковый капитал может быть превращена лишь та часть находящегося на рынке ссудного капитала, которая может быть помещена в индустриальные ценности, использована для „капитального“ кредита, почему и не та часть его, которая служит „оборотному“ кредиту,—платежному кредиту,—употребляя здесь термины Гильфердинга, тоже не совсем правильные. Именно по отношению к банковому капиталу эта граница меньше действительна. Денежный капитал, превращенный в банковый собственный, может служить одинаково и „оборотному“ и „капитальному“ кредиту.

„Банк может увеличить свой капитал только тем, что он превращает чужой в собственный“,—говорит Гильфердинг. И это неверно. Банк может увеличить свой собственный капитал, увеличивая резервный, а последний—на счет прибылей. Известно, что повсюду банки стремятся больше к увеличению резервного капитала: это наблюдается и в Англии, и во Франции, и в Германии, и у нас до революции. В Германии—стране „образцовой“ банковской системы—резервы возросли за 1886—1912 г.г. на 656%, между тем

как акционерный капитал возрос на 304%. Свой акционерный капитал банк увеличивает тем, что или увеличивает число своих акционеров банка, или старые акционеры приобретают его новые акции, вносят новые капиталы...

„Так как при развитой денежной системе все имеющиеся в распоряжении деньги собраны в банках, то увеличение банкового капитала означает прежде всего только то, что часть депозитов, имеющих в распоряжении банка, теперь посредством, например, выпуска акций превращается в собственный банковый капитал...“ Здесь сказались любимые, чреватые ошибками, прием Гильфердинга—оперирование спекулятивным методом. Превращать свои депозиты в собственный капитал непосредственно, конечно, ни один банк не может. На практике бывает, что дружественные банки, при выпуске кем-нибудь из них новых банковых акций, помещают в них свои депозиты, за что увеличивающий свой капитал банк оплачивает им, когда наступает их черед, тем же. Но не об этом здесь речь. Если же исходить из абстракции, что все свободные денежные средства собраны в банках—чего в действительности нет: и к С.-А. С. Штатам, и к Англии это может быть применимо с большими оговорками,—то выпуск акций, конечно, означает превращение части депозитов в собственный банковый капитал. И тогда, абстрагируя от всех других реальных условий, нельзя указать никаких границ для превращения депозитов в собственный банковый капитал... Но на деле увеличение собственного капитала банка наталкивается на целый ряд трудностей; осуществление увеличения зависит от целого ряда условий, общих выпуску банковых акций с эмиссией бумажных ценностей вообще и особых условий, связанных с деятельностью банков. Высота дивиденда, стремление удержать его на одном уровне, играет здесь большую роль ¹⁾.

¹⁾ Увеличение банкового капитала,—говорит Гильфердинг,—не является как в индустрии, предпосылкой увеличения прибыли. Скорее прибыль у банка—величина данная (стр. 213). И это не так. Увеличение собственного капитала и в банках ведет к увеличению прибыли (хотя бы и уменьшило дивиденд). Прибыль также не есть величина данная. То, что банки стремятся удержать свои дивиденды на одном уровне, еще не значит, что прибыль не увеличивается в связи с увеличением собственного капитала—акционерного

Однако, в теории Гильфердинга о росте собственного капитала есть та крупная истина, что для целей участия в индустриальных предприятиях, финансирования, грюндерства и спекуляции действительно более приспособлен собственный капитал. Дело в том, что депозитные банки по своему существу банки краткосрочного кредита. Вкладывать банковый капитал в основной капитал промышленного предприятия, закреплять его в индустрии, фиксировать на продолжительное время в индустриальных ценностях депозитные банки могут лишь с большим риском. Сопряжена с большим риском эмиссионная деятельность и не только индустриальных ценностей; очень рискованна и спекуляция на свой счет на фондовой и товарной биржах. А между тем банки и в Германии, и во Франции, и в Австрии, и у нас этим занимаются: они—банки в большей или меньшей степени спекулятивные. И вот, чтобы ослабить этот риск, они стремятся увеличить свой собственный капитал; насколько это рационально, насколько это действительная гарантия,—этого вопроса мы сейчас не затрагиваем.

Что высота акционерного капитала депозитных банков на континенте стоит в связи и со спекулятивной и эмиссионной их деятельностью, видно из того, что в Англии, где разделение труда между банками наиболее развито, торговые и кредитные банки, содействующие заокеанской торговле,—что сопряжено с риском,—и занимающиеся эмиссионным делом, работают в главной своей части на собственные средства. Таковы Merchant-Bankers, Foreign-Banks. Точно также и во Франции, где также существует разделение труда между банками, хотя и в меньшей степени, чем в Англии, банки, исключительно или преимуще-

и резервного. И почему Гильфердинг думает, что увеличения собственного капитала для целей оборотного капитала не нужно? Именно в странах, бедных капиталами, бедных депозитами, мы видим увеличение собственного капитала и для регулярной работы; мы это уже отметили. История германских банков это также хорошо доказывает, как и—другой страны. И как может Гильфердинг утверждать, что увеличение собственного капитала не ведет к увеличению прибыли, если сам же говорит, что увеличение собственного капитала дает возможность помещать его в индустрию, на цели спекуляции, и получать таким образом громадные барыши, что именно и ведет к увеличению прибыли?

ственно занимающиеся грюндерством, длительным финансированием предприятий и эмиссией, — так наз. *Banques d'affaires*, — имеют значительные собственные капиталы...

Мы оставляем здесь в стороне исследование других банковых пассивов: переучета, практикующегося германскими, французскими и др. банками в своих центральных эмиссионных банках, практикующегося и русскими (лондонские депозитные банки векселей не переучитывают), заграничного „пансиона“, учета банковых акцептов за границей, выдачи банками клиентам акцептов вместо наличных, ломбардирования векселей, у нас имевшего место кредитования в Государственном банке по сч. on call под векселя, процентные бумаги и товарные документы; — контокоррентных кредиторов и проч. Нас интересуют здесь общие цифры чужих и собственных средств, которыми оперируют банки. Обзор движения этих пассивов до войны показывает, что, хотя собственные капиталы и увеличивались, особенно на континенте и в смешанных банках, но в еще большей степени росли чужие средства. Оставалась в силе тенденция развития, указанная Марксом: развитие банков идет через развитие депозитов. Данные военного и послевоенного — как инфляционного, так и стабилизационного — времени показывают, что эта тенденция остается в силе до сих пор.

4.

Куда идут эти громадные средства, скопляемые в кредитных учреждениях? Ответ дает анализ их активов. Издешь прежде всего бросается в глаза повсюду сильное увеличение учетно-ссудной операции. В Германии эта операция по своим размерам в конце 1912 г. составляла около 47% по отношению к чужим деньгам, во Франции одна вексельная операция трех крупнейших банков составляла 64%, по отношению к кредиторам и вкладам, в С.-А. С. Штатах в этом же году учетно-ссудная составляла 82%, по отношению к депозитам. В Англии, где вексельная операция падала — в связи с эволюцией, переживаемой этой операцией по мере роста капитализма, в связи с постепенной потерей векселем значения во внутреннем обмене, как орудия обращения, — поднималась очень сильно ссудная операция; и за 1890-1912 г.г. учетно-ссудная операция возросла здесь

на 80%. Правда, отношение этой операции к депозитам упало с 71,8 до 66,2%, однако, из этого нельзя было вывести, что спрос на оборотный кредит здесь упал. В противоположность утверждению Гильфердинга, что „спекуляция теряет значение“, что „роль ее уменьшается“ (стр. 368), данные говорят, что она растет везде и что избыточные депозиты идут широкой волной в нее. Известен высокий уровень кассы английских депозитных банков; за период 1890—1912 г.г. он поднялся в банках на 131%; в эту кассу по балансам, кроме сумм по рубрике „Cash in hand“, входят крупные суммы по рубрике „Money at call and short notice“, а эти последние состоят большей частью из сумм, предоставленных косвенно спекуляции и бирже, и соответствуют германским статьям „репорт и ломбард“¹⁾.

Мы не можем здесь вдаваться в подробное исследование современной биржи и связанной с ней спекуляции, заметим лишь, что значение спекуляции растет по мере роста капитализма, как это указывали Маркс и Энгельс, а не падает, как это утверждает Гильфердинг, и раньше него утверждал Бернштейн. Приведем данные.

ОБОРОТЫ LONDON CLEARINGS ЗА 1839 — 1922 г.г.²⁾
(в миллионах фунт. ст.)

Годы.	Весь оборот.	Оборот в 4-ые дни месяца.	Оборот в ликвид. дни фондовой биржи.	В дни консольных расчетов
1839 . . .	954	49,1	99,6	36,0
1868 . . .	3425	155,1	523,3	134,6
1900 . . .	8960	372,5	1339,6	438,1
1912 . . .	15962	643,1	2362,2	725,3
1913 . . .	16436	662,3	2082,0	781,2
1914 . . .	14665	612,5	1481,8	515,6
1919 . . .	28415	1120,0	2316,4	1296,7
1922 . . .	37161	1451,8	2693,5	1732,5

¹⁾ 42 банка собственно Англии и Уэльса имели по балансу за 1912 г. в рубрике „at call etc.“ 111,6 миллионов ф. ст., а в рубрике „in hand“ и в Английском банке — 135,6 м. ф. ст., т. е. в кассе почти половина принадлежала суммам, питающим спекуляцию; в 11 крупнейших английских депозитных банках в первой рубрике значилось 69,3, а во второй — 86,8 м. ф. ст. (См. „The Economist“, May 17—1913. Banking Number).

²⁾ Таблица составлена за 1839 — 1900 г.г. по данным таблицы Jaffé (см. II изд. его книги „Das Englische Bankwesen“, s 357), а данные за 1912 и позже взяты из „The Economist“ Febr. 1913 и 1914 и 1923 г. Commercial History and Review of 1912, 1913 и 1922 г. Данные за послевоенное время не могут, конечно, быть прямо сравнимы с довоенными.

Из этой таблицы виден значительный рост оборотов фондовой биржи. Jaffé показывает, что средний оборот лондонского Clearing-House особенно велик в дни расчетов по этой бирже. В 1909 г. средний оборот всех дней равнялся 44,1 миллиона ф., в дни фондовой биржи он—88,7. „Продолжающееся амальгамирование провинциальных и лондонских банков,—писал Jaffé—грозит все большей опасностью торговле и индустрии тем, что связь банков с фондовой биржей становится все более близкой и дела принимают все увеличивающиеся размеры. Особенно с тех пор, как уменьшение учетно-вексельного дела побуждает банки давать другое помещение растущим с каждым годом доверенным им капиталам, эти сделки сильно возросли... Громадная опасность лежит в том, что в то время, как суммы, притекающие к вексельным маклерам, служат оживлению торговли и обмена, деньги, предоставляемые в распоряжение фондовой биржи, содействуют в первую голову развитию спекуляции“ (стр. 122). В провинции и Шотландии, вследствие слияния банков с лондонскими, все громче раздаются жалобы, что деньги, которые раньше в сельско-хозяйственных и фабричных округах предоставлялись в распоряжение торговли, теперь все больше текут в Лондон на дела спекуляции (стр. 123). На рост спекуляции в Англии указывалось и на III съезде германских банкиров. Это самодовольно подчеркивал в своей книге о банках и проф. Риссер. Но и в Германии было не лучше.

Как-раз за последние годы до войны мы видим сильный размах спекуляции на германском рынке, и это благодаря банкам. Закон о бирже 1896 г., запретивший сделки на срок, передвинул лишь спекуляцию с бумагами на срок на рынок сделок на наличные. Германские банки охотно ломбардировали биржевые бумаги, они охотно вкладывали свои деньги на ультимо и в репорт. Суммы репортных денег, идущих к профессиональной биржевой спекуляции, у берлинских банков со времени издания закона увеличилась более, чем в 5 раз. Французские банки как Лионский кредит, помещали большие репортные деньги в Берлине. На 31 декабря 1912 г. по ст. „ломбард и репорт“ под биржевые бумаги числилось в девяти берлинских крупнейших банках 936,5 милл. марок, что составляло 11,5%, всех

активов. Странно было слышать об упадке значения спекуляции, когда именно в Германии весной 1912 г. президент Имперского банка V. Havenstein и государственный комиссар берлинской биржи указывали на чрезмерную спекуляцию бумагами, как на причину стеснения на денежном рынке. Публика в Германии за последнее время до войны набрасывалась именно на бумаги с большими колебаниями. (См., напр., Al. Lansburgh „Spekulation am Kassamarkt“, Die Bank, 6. Heft 1912).

Парижская биржа—специальный рынок спекуляции. В 1800 г. официально котировались на ней шесть видов бумаг, в 1823 году началась котировка иностранных ценностей; вместе с провозглашением в 1867 году свободы акционерных обществ с ограниченной ответственностью количество котировавшихся бумаг быстро возросло. В 1885 году закон о сделках на срок еще более усилил спекуляцию, и в 1909 году было в обращении на парижской бирже бумаг ценностью в 130 миллиардов франков (E. Vidal)... Что касается дореволюционной России, где спекуляция за последнее десятилетие также подняла высоко голову при содействии банков, то данные нами приведены в книге: „Капитализм в России“, том I (изд. 1925 года) в главе „Наша биржа“. Здесь мы остановимся еще на С.-А. С. Штатах, где до войны была развита спекуляция главным образом американскими бумагами—федеральными фондами, акциями и облигациями трестов и особенно железных дорог,—где сделки на наличные репортируются ежедневно и биржа требует крупных денежных средств.

Данные о числе и ценности шер, проданных на нью-йоркской фондовой бирже с 1875 по 1909 г., показывают значительные колебания по годам, но все же рост спекуляции и особенно за десятилетие 1900—1909 г.г. ясен. Так:

Г о д ы . ¹⁾	Количество шер (в миллионах).	Приблизительная стоимость их (в миллиардах долларов).
1875	53,8	2,86
1880	97,9	6,81
1885	92,5	5,48
1890	71,3	3,98
1895	66,6	3,81
1900	138,4	9,25
1905	263,1	21,29
1909	214,6	19,14

¹⁾ National Monetary Commission, Statistics for the U. S. A. 1867—1909 Washington, 1910, page 9.

По данным Митчелля ¹⁾ средняя ежегодная ценность котировавшихся на нью-йоркской бирже в 1890—1899 г.г. равнялась 507,4 милл. долларов; в 1900—1909 г.г.—829,4 м.д. соответствующая ценность акций—8 милрд. д. и 19,3 миллиард. долл. Данные за 1910—13 г.г. показывают:

Г о д ы ²⁾	Количество шер (в милл.)	Ценность шер (в милрд.)	Ценность бон (в милл.)
1910 . . .	164,1	14,7	591,8
1911 . . .	127,2	11,5	795,0
1912 . . .	131,1	11,8	648,2
1913 . . .	83,5	7,4	471,0

Как сейчас обстоят дела с биржевой спекуляцией, видно из того, что за первую половину 1925 г. оборот на нью-йоркской бирже охватил 204,9 милл. акций; в октябре 1925 были на ней дни, когда оборот превысил 2 1/2 милл. акций, весь оборот за этот месяц превысил 53 1/2 милл. ³⁾ Что это значит видно из сравнения этих цифр с таковыми таблиц; до войны дни с оборотом в 1 милл. шер считались исключительными. (В беспечном по спекуляции 1919 г. оборот за первые 11 месяцев равнялся 296,8 милл. акций и в фазу подъема биржи был подряд 46 дней с оборотом в 1 милл.). Средний еженедельный курс индустриальных акций за октябрь месяц 1925 г. показывает здесь повышение более, чем на 10%, и в первый раз с 1881 г. было сделано предложение увеличить число биржевых мест на 25, а каждое место котировалось в это время в 135—145 тыс. долларов (в начале года 99 тыс.).

5.

С развитием кредитной организации употребление банками депозитов для долгосрочного кредитования усиливается. В частности это имело место и в Германии, несмотря на рост собственных капиталов банков. Необходимость такого помещения депозитов диктовалась не избытком депозитов, а существованием за последние десятилетия — мы говорим здесь о „нормальном“ довоенном времени — большого спрос

¹⁾ «Business Cycles», University of California. 1913, стр. 394.

²⁾ «The Commercial and Financial Chronicle». Bank and Quotation 31 мая 1914.

³⁾ См. Приложения: стр. 160, прим. 2.

на долгосрочном капитальном рынке ¹⁾. Вопреки Гильфердингу, как-раз погоня за депозитами и назначение высоких ставок по пассивам ²⁾ побуждали банки искать для них более рентабельное назначение, а это и представляет длительное помещение (Пленге, Гельферих).

Проф. Риссер в своей книге: „Die deutschen Grossbanken“, IV изд. 1912 г., отрицал утверждение, взятое, по его словам, из иностранных газет, что в консорциальные дела и спекуляции германскими банками помещены „какие-то чужие деньги или даже какие-то депозиты“. Он опровергает это тем, что общая сумма, числящаяся по статьям „участие в консорциумах ипотеки и ценные бумаги“ составляли в конце 1910 года для всех банков, с акционерным капиталом не менее одного миллиона марок, меньше половины их собственного капитала, т. е. акционерного + резерва. Таким образом, не может быть и речи об участии чужих денег, не говоря уже о депозитах, в этих активных операциях (стр. 456—7).

Действительно, данные и наших таблиц показывают, что и в конце 1912 г. отношение собственного капитала банков—3,7 миллиарда марок—к указанным статьям актива в 1,7 миллиарда марок остается то же, т. е. длительное и спекулятивное помещение денег составляло около 46% собственного капитала банков. Однако, ссылка Риссера все же неубедительна. Дело в том, что в банковских балансах существует статья „дебиторы“, по которой во всех этих банках значилось на 31/XII 1912 года 7,1 миллиарда марок, при чем в 9 крупных берлинских банках, — при собственном их капитале в 1,6 миллиарда и 1,1 миллиарда марок по статьям „участие в консорциумах, собственные бумаги и длительное

¹⁾ По данным Otto Schwarz: «Die finanzielle Stellung der europäischen Grossmächte» изд. 1913, Англия за 1891—1900 г.г. выпустила для внутренних целей бумаг на 17,4 миллиарда марок, Германия на 9,2 мил-рда м.; за 1901—1910 г.г. первая на 22,2 миллиарда, а вторая на 22 миллиарда марок.

²⁾ На международном статистическом конгрессе 1912 г. А. Неймарк между прочим указывал, что в Англии различные формы процента стоят теперь на очень высоком уровне, сходном с таковым 60-х годов прошлого столетия. Гильфердинг в своей книге также опаривает—насколько правильно, это другой вопрос—положение о тенденции процента к понижению. Но как связать это с его же замечанием, что, если бы не закрепление депозитов в индустрии, процент по ним в Англии «унал бы еще глубже?»

участие“, — числилось по этой статье 3,1 миллиарда, из которых покрытых 2,7 миллиарда. Характерно при этом, что размерами своих „дебиторов“ выделялись Schaffh. Bankverein и Mitteldeutsche Bank; тесная связь первого банка с крупной индустрией Рейнского и Вестфальского округов известна. — Так вот: отчеты банков говорят очень мало насчет этой статьи, но есть все основания считать, что в ней скрываются значительные суммы, помещенные в спекуляцию и командитирование предприятий; „покрытые дебиторы“ привыкли в Германии рассматривать как спекулятивные кредиты (Ad. Weber. Al. Lansburgh). И если расшифровать эту колоссальную цифру „дебиторов“ германских банков в 7,1 миллиард марок, то картина состояния их с точки зрения ликвидитета примет иной вид ¹⁾. Однако, — на это мы указывали и в 1913 г., — вопрос о депозитах вовсе не стоял тогда так остро, как это казалось многим критикам германской банковской системы, выступавшим с проектами реформирования этой системы. Использование депозитов для длительного помещения, что несомненно практиковалось тогда отдельными банками, вызывается современной кредитной организацией со всеми ее противоречиями, неизбежными в капиталистическом хозяйстве, движущемся в противоречиях ²⁾.

Анализ активов, в подробное рассмотрение которых мы не можем здесь входить, показывает, что в противоположность Гильфердингу центр тяжести отношений между банками и индустрией лежал и лежит в регулярной кредитной работе и именно в контокоррентных отношениях, что эмиссия лишь звено в ряду других операций

¹⁾ Статья «дебиторы», если оставить в стороне ее спекулятивные кредиты, особенно в столичных банках, может служить показателем развития контокоррентного кредита. Эта статья росла и в германских, и во французских банках. Но в то время, как в последних она была слабее учетно-судных операций, в германских она сильнее. Так, отношение векселей к кредиторам в германских банках было в 1913 году 35%, а дебиторов к кредиторам 58% (см. Приложение: таблицы на 152, 154 и 159 стр.).

²⁾ Спор по поводу двойственности деятельности депозитных банков старополемика о судьбе депозитов в смешанных банках велась еще в 60—70 гг. прошлого столетия. Следует иметь в виду, что тип смешанных банков весьма недавнего происхождения. В Германии он развился с середины 50-х годов, под сильным влиянием знаменитого *Crédit mobilier*. Однако, прототипом последнего и вообще родоначальником банков комбинированного типа следует считать бельгийское «*Société Générale*» (1822 г.).

и „далеко не главное“. Развитие индустрии создает новые формы кредита и делает их функциями банков, но сущность банков от этого не изменяется. В противоположность Гильфердингу участие в индустрии путем владения акциями, как банковая операция, уже пройденная ступень в развитых капиталистических странах. Это утверждает подавляющее большинство исследователей: Риссер, Вейдельс, Лифман, Кауфман и другие. И В. Зомбарт указывает, что „Anlagebanken“, т. е. банки, имеющие своей целью участие в капиталистических предприятиях, промышленных или торговых, существовали уже значительно раньше *crédits mobiliers*, т. е. современных смешанных банков, которые являются по своему существу спекулятивными. „Новая идея этих последних банков — не участвовать в индустриальных и других предприятиях и все же зарабатывать на них не посредством дивидендов, которые эти предприятия дают, но посредством дифференциальной прибыли, которую получают при выпуске акций. Этой идее современные банки служат, а не идее подчинения себе индустрии“.

6.

В виду того, что незнакомство с сущностью эмиссионной операции и владения акциями промышленных предприятий банками является источником заблуждений наших историков и экономистов, исследующих дореволюционное хозяйство России, мы остановимся здесь еще на этих статьях баланса.

Перед нами сравнительные данные шести берлинских крупных банков за 1924 и 1913 г.г., (см. стр. 70). Из этих данных видно, что хотя чужие средства и упали в 1924 году по сравнению с 1913 г., но еще более упали собственные, и отношение кредиторов к собственному капиталу (акционерному плюс резервному) возросло заметно: с 326 до 498%. Что касается активов, то мы видим сильное сокращение спекулятивных кредитов, репорта и ломбарда под биржевые бумаги, значительное сокращение портфеля собственных бумаг и консорциального участия. Остальные статьи, в том числе дебиторы, показывают вдвое меньшую сумму, чем в 1913 году. Следует также принять во внимание, что покупательная сила денег упала по сравнению

П А С С И В Ы¹⁾.

О Д Ы	Акцион. капитал.	Резерв-ный.	Кредит-оры.	Акцепты и чеки.	Другие пассивы.	Баланс	Авалы.
(в миллионах золотых марок).							
31/XII-13	1140.0	350.8	4851.8	1329.6	168.7	7838.8	561.3
31/XII-24	452.0	169.3	3091.9	21.7	54.2	3895.5	184.4

А К Т И В Ы.

Г О Д Ы.	Касса и тек. счет в эмис. банке.	Векселя и беспр. ор-дера каи-ны.	Репорт. и ломб. бар-жев. бу-маг.	Суды п/тов. и тов. докум.	Собств. ценн. бумаги.	
					Всего	Средств спекуля-тор. биржев.
(в миллионах золотых марок).						
31/XII-13 . . .	360,1	1775,9	760,1	509,8	396,5	112,7
31/XII-24 . . .	194,5	855,1	42,0	260,6	58,3	40,7

Г О Д Ы.	Консорци-альное участие.	Длительное участие в банках и общест.	Дебиторы контокоррент.		Банковье строения.
			ВСЕГО.	Из них не покрыт.	
(в миллионах золотых марок).					
31/XII-13	320.1	287.1	2948.7	740.6	130.7
31/XII-24	67.2	132.2	1478.4	692.8	159.5

¹⁾ Сводные данные: Deutsche Bank, Discontogesellschaft, Dresdner Bank, Darmstadter und Nationalbank, Commerz und Privat Bank и Mitteldutsche Bank. За отсутствием полных данных седьмой крупный банк—Berlin. Handelsgesellschaft—сюда не вошел.

с 1913 г. Сводный баланс этих банков на 1 января 1924 года, который мы не приводим, показывает, что статьи „ценные бумаги и консорциональное участие“ упали против довоенного времени сильнее всех остальных помещений, кроме репорта, а в 1924 году, несмотря на стабилизацию, продолжалась та же картина. Банки дали за этот год крупные доходы, солидные дивиденды, но воздерживались от новых дел потому,—объясняют некоторые немецкие экономисты,—что биржа отказывала, т. е. та самая биржа, значение которой, по мнению других экономистов, банки уже свели почти на-нет или, в лучшем случае, заставляют плясать под свою дудку... Банки воздерживались от новых дел, от торговли бумагами, от нового участия в консорциумах потому, что де „это было для них рискованно!“ Лянсбург в своем журнале «Die Bank» (май 1925 г.) утешает, что это все придет, но когда? Когда промышленность станет на ноги! Хорошие лидеры индустрии эти банки¹⁾.

„Что составляет своеобразие германских банковэто, по Лянсбургу, вкратце следующее: банки прокладывают мост между нуждающимся в приложении капиталом, находящимся в непрерывном новом образовании, и также непрерывным спросом на капитал со стороны индустрии тем, что они время от времени предлагают публике титулы на участие

¹⁾ За время инфляции произошла несомненно дезорганизация денежного рынка в Германии; появилось большое число новых банков и «банкиров» и еще больше «рыцарей кредита» крупных и мелких. По данным Лянсбурга в Германии сейчас 2500 новых банков и банкиров, 100 новых сельских и коммунальных банков и 20 жиро-централей, а всего с прежними около 5000 частных банковских учреждений, 150 официальных и более 21 тысячи кредитных обществ. Однако, рядом с процессом децентрализации в банковом деле продолжался и централизационный. Таково было слияние Дармштадтского банка с Национальным. Крупные банки продолжали поглощать провинциальные и увеличивать свои отделения. В настоящее время имеются в Германии 7 крупнейших банков, которые вышли из инфляционного периода основательно потрепанными, но все еще достаточно сильными. Так, сумма капиталов и резервов всех семи банков равнялась к началу 1925 г.—688,3 милл. марок, а депозитов—3,5 миллиарда марок. Но определенно выраженным был процесс централизации в Англии и Уэльсе во время и после войны. Так, число акционерных банков сократилось с 38 в 1914 г. до 26 в 1918 и 18 в 1924 г., в то же время число их отделений возросло с 5869 до 6285 и 8264. Рядом с этим сократилось и число частных банков: с 8 в 1914 г. до 4 в 1924 г. (См. Приложения: таблица на 159 стр.).

и долговые обязательства индустриальных предприятий а. в. промежутках, т. е. пока отдельные требования на капитал еще не достигли стоящего эмиссии размера или состояние рынка не благоприятно для эмиссии, они проворно сами заполняют брешь своим кредитом. Этот специфический германский образ действия имеет много недостатков; но и большие преимущества. Это так, но при чем тут „специфическая“ особенность германских банков? И о Эд. Яффэ Лянсбург мог бы узнать, что выпуском государственных займов банки и банкиры, работавшие преимущественно на свои капиталы и бравшие на себя реализацию правительственных займов, давно разрешали,—это не значит, что всегда удачно практически,—противоречия связанные с превращением краткосрочного кредитования в долгосрочное; они выступали таким образом исключительно в роли посредников и помещали и свои капиталы кратко-срочно...

Когда с сороковых годов прошлого столетия перед банками была поставлена задача финансирования крупных промышленных предприятий, железных дорог и проч., то пути, избранные банковым делом, в различных странах для этой цели были различны. В Англии и С.-А. С. Штатах банки занятые регулярными операциями, ограничивались краткосрочным кредитованием; оказание же основного кредита было предоставлено специальным кредитным учреждениям и лицам¹⁾. Во Франции же и Германии, и вообще на континенте, банки соединяли обычно регулярную с иррегулярной работой, краткосрочное с долгосрочным кредитованием. Рядом с оборотным они оказывали и основной кредит; основной же капитал, как известно, является наи-

1) В Англии местом размещения займов государственных и частных является биржа со своими маклерами-комиссионерами broker'ами outside и маклерами-торговцами jobber'ами или dealer'ами.—и банки содействуют этой торговле; связанной не только со спекуляцией, но и игрой. В Германии и Франции банки размещают выпускаемые ими бумаги в известной степени среди своих клиентов. Это больше относится к французским банкам с их большим числом отделений и многочисленной клиентурой. У французского населения и большая привычка вкладывать деньги в бумаги, что, однако, наблюдалось в повышенной степени и у немцев во время инфляционного периода, когда публика стремилась помещать обесценивавшиеся деньги в реальные ценности.

более подходящим базисом для выпуска акций и облигаций. Но в то время, как во Франции имеются специальные „учредительские“ или „синдикатские“ банки, германские, как объяснял американцам сенатор N. W. Aldrich, „коммерческие“ банки занимаются также в большей или меньшей степени эмиссией (underwriting) или синдикатскими делами¹⁾.

Различие банковских систем в отдельных странах обуславливается различными историческими и экономическими условиями развития в них капиталистического производства, но везде кредитные операции должны были в той или иной форме разрешить задачу приспособления долгосрочного кредитования к основной роли банков, как посредников.

„Старая немецкая практика оказания основного кредита, который часто был таким, когда он формально обозначал оборотный и был оказан в вексельной форме; тогда всегда оправдывалась, когда банк имел возможность некоторое время спустя перевалить кредит на плечи делающей сбережения публики. И она оправдывалась тем, что кредит таким актом передачи оказывался сравнительно краткосрочным и реализуемым“ говорит Лянсбург (Die Bank October 1925 г.). Хорошо, но что же это подразумевает? Во-первых, что банки для такой цели могли пользоваться и чужими деньгами, во-вторых, что они действовали, как посредники, в-третьих, что в выпуском бумаг они отнюдь не преследовали участия в предприятиях, а стремились к сохранению ликвидитета банка. Зарабатывали же они при этом вдвойне, оказывая предприятиям кредит деньгами и выпуская их акции. Эмиссия, таким образом, на высшей стадии развития банков отнюдь не является средством для достижения длительного участия в предприятиях и непосредственного распоряжения ими...

Это эмиссия, а владение банками дивидендными бумагами, крупными пакетами, представляемыми ими на общих собраниях предприятий, разве это не показывает участия банков в них? Так обычно и рассуждают поверхностно

1) Nelson W. Aldrich: An address on the Work of the National Monetary Commission в Экономич. клубе в Нью-Йорке, 29 ноября 1909 г.

знакомые с банковым делом и на Западе, и у нас. На деле же,—и это признают все серьезные исследователи,—„участие акциями в индустриальных предприятиях не является характерным и не есть обычная форма отношений к индустрии крупного банка“ (Ейделес). Лишь о средних и провинциальных банках можно, и то до известной степени, говорить, что они пользуются владением акций для обеспечения себе влияния в данном промышленном предприятии, но опять-таки как кредитные учреждения.

Как и эмиссия, так и участие путем владения акциями имеют значение, как вспомогательные средства для установления длительных регулярных кредитных связей между банком и предприятием, которые выражаются в форме контокоррентных отношений. Как правило следует признать, что участие банков акциями в индустриальных предприятиях не есть средство для осуществления задачи овладения индустрией, а преследует специально банковские цели. Длительное и влиятельное участие крупных задающих тон, банков в индустриальных предприятиях — это исключение. Командные высоты находятся в руках самих промышленников, отдельных или объединенных в картели, синдикаты, тресты и проч. концерны, управляющих своими предприятиями лично или большей частью через своих ставленников—функционеров.

Чем же объясняется нахождение на руках у банков крупных количеств индустриальных бумаг? Если оставить в стороне находящиеся у них в залоге клиентские бумаги (в ломбарде, на счетах on call там, где биржевые сделки как у нас, были на наличные; репортные бумаги в Германии или Франции, где сделки на срок существуют, так как и эти бумаги по существу залоговые, хотя юридически и купленные), то окажется, что собственные бумаги банков составлялись отчасти из помещения в выгодные бумаги свободных средств—что связано со спекуляцией, хотя и не всегда с игрой,—отчасти из оставшихся у них еще неразмещенными выпусков, отчасти же из участия в синдикатах по покупке акций, которые еще не удалось сбыть и т. д. И меньше всего банку нужно было длительно владеть крупным пакетом, чтобы обеспечить себе большинство на собрании того или другого интересую-

щего его индустриального предприятия. Банковская практика выработала много приемов для приобретения требуемых бумаг ad hoc. Пользование для этого и клиентскими бумагами, и без спроса,—нередкое явление. Подчеркнем еще раз: владение бумагами не есть еще действительное участие в предприятии, участие на общих собраниях не есть еще руководство индустрией. Все эти эмиссии, консорциональные участия, портфели собственных ценных бумаг объясняются полностью функционированием банков, как кредитных учреждений.

Резюмируем вкратце сказанное в этой главе. Банки работают большей частью на чужие деньги, они посредники кредита. Контокоррент и вообще регулярные операции используются ими для того, чтобы обеспечить себе эмиссии всякого рода (акционирование, увеличение капитала, санирование, слияние и проч.) и, наоборот, эти иррегулярные операции служат банкам для того, чтобы завязать продолжительные отношения между ними и промышленными предприятиями в форме контокоррента и вообще регулярной кредитной работы. Банки контролируют лишь концентрируемый в них и организуемый ими денежный капитал, а не индустриальный и торговый. Денежный капитал, помещенный в индустрию путем выпуска бумаг превращается в фиктивный капитал, которым банки и распоряжаются. Финансовый капитал, приносящий процент, не приобретает качеств индустриального и торгового. Короче, финансовый капитал не есть высшая организованная форма индустриального, как это представляет Гильфердинг.

VI.

Финансовый капитал и индустриальный во время инфляции в Германии.

1.

О тенденции банков к образованию картеля, который осуществил бы руководство национальным хозяйством можно было до войны встретить нередко рассуждения в немецкой литературе, но все же, как об отдаленной музике будущего (Шленге), пока утопии (Ад. Вебер). Не чтобы накануне войны германские крупные банки владели уже командными высотами и руководили индустрией как утверждал Гильфердинг, это тогда решительно отрицалось всеми знавшими практически банковское дело.

Так, когда редактор *Plutus*'а Бернгард—ученик А. Вагнера—заявил на Мюнхенском съезде банкиров в 1912 г., что „директора германских крупных банков... уже теперь в большей части руководители германского народного хозяйства“, то проф. Гельферих из *Deutsche Bank* при громком смехе всего собрания ответил ему: „Мы банкиры до сих пор не страдали манией величия. Руководители германского народного хозяйства! Взвесьте, что это значит. Я утверждаю, что даже наши государственное и имперское правительство со всеми своими орудиями власти, со всем аппаратом хозяйственной политики в руках, не в состоянии руководить германским народным хозяйством...“

И проф. Риссер тогда в своей книге о немецких банках писал: „Картина, которую представляют балансы банков должна по необходимости быть такой, какова картина

национального хозяйства, потому что банки кассиры его. Ибо не соответствует действительности, когда на одной стороне утверждается, а на другой опровергается, что „банки руководители предпринимательского духа нации“, следовательно, „национального хозяйства“ (IV изд. 1912 г. стр. 453—54). То же самое повторил Риссер и на съезде банкиров осенью 1925 года: „Положение германских частных банков, которым справедливо приписывают сильное участие в довоенном блестящем развитии нашего хозяйства, особенно индустрии, торговли, судоходства и муниципий, и тогда не было монопольным; и тогда банки не были единственными управляющими германским народным имуществом и не были „руководителями хозяйственного предпринимательского духа“. О монополии же банков вообще, и именно в сфере кредита, сейчас может идти речь меньше, чем когда бы то ни было“¹⁾.

Не подлежит никакому сомнению, что банки играли крупную роль в развитии германской индустрии и что в 900-х годах их отрицательное действие меньше сказывалось, чем во времена, рассмотренные Марксом. И это не только потому, что банки были более связаны судьбами индустрии и более заинтересованы в ней, но и потому, что к развитой и сильной крупной капиталистической промышленности они не могли применять тех хищнических и ростовщических приемов, как это делали банки в России, где промышленный капитал был слаб. Однако нельзя отрицать монополистических тенденций в банковом деле и содействия его развитию монополий в индустрии, как это пытался и в банковской комиссии 1908 г. затупевать проф. Риссер, полемизируя с Ад. Вагнером. Но у нас здесь вопрос о том: какой капитал был гегемоном в хозяйстве. И на это все заслуживающие внимания исследователи отношения банков к индустрии, будь то Бйдельс, Риссер, Вебер, Лифман, Е. Кауфман или

¹⁾ И у проф. Лифмана в его книге: *«Die Beteiligungs—und Finanzierungsgesellsch.»* II изд. 1913 г. мы читаем: «В противоположность широко распространенному взгляду я всегда оспаривал, что можно вообще говорить о растущем влиянии банков на германскую индустрию, как об общем явлении; и кто близко изучил историю эффективных банков в 50—70-х г.г., тот должен будет со мной согласиться» (стр. 561).

даже напумевший во время Рурской оккупации со своими статьями в «*Manch. Guardian Commercial*» о „Comité des forges“ француз Delaisi указывают, что тон и на континенте давала всегда индустрия, а не банки¹⁾.

2.

Война ясно показала, что о „слиянии“, „сращении“ банковского капитала с индустриальным, о „превращении“ таким образом промышленного капитала в финансовый могло быть речи. Была во многих случаях лишь личная уния. И стоило только индустриальному капиталу найти достаточный источник для своих финансовых потребностей в государственном казначействе, как он пошел отдельно не считаясь с банковским. Даже те экономисты, которые говорили о господстве до войны в Германии банковского капитала над индустриальным и утверждают теперь, что с наступлением стабилизации произошел опять поворот в эту сторону, и те признают, что во время войны индустриальный капитал сбросил с себя опеку банков. Больше того, все без различия направления и школ экономисты

¹⁾ Так, Риссер, которого нельзя упрекнуть в умалении роли банков, как он и умалет их монополистическую деятельность, пришел до войны к выводу: «Если ближайшими и может-быть существеннейшими основаниями концентрации индустрии, и именно тяжелой индустрии, были технические основания, вытекавшие из природы индустриального предприятия и крупного предприятия и из картелирования внутри индустрии, то эта концентрация все же подвергалась влиянию и спонсировалась и даже становилась возможной благодаря банкам и их концентрации». (стр. 580). «Развитие индустрии и индустриальная концентрация в сильнейшей степени действовала на развитие крупных банков и банковскую концентрацию. Шаг за шагом в каждой фазе и во всякое время банковского развития, и притом в текущей работе, так и в эмиссионном, учредительском и преобразовательном деле, в банковской деятельности внутри и за границей, можно доказать могучее влияние, и оно было показано нами. Особенно далеко шло влияние индустриального картельного движения и индустриальной экспортной политики как на объем, так и на быстроту банковской концентрации, и отдельные формы и пути, которыми совершалась эта концентрация. Однако, нужно и здесь подчеркнуть, что влияние индустриальной и банковской концентрации было почти всегда обоюдное и чередующееся» (стр. 611). Эта последняя оговорка не ослабляет значения предыдущих выводов, так как и в капиталистическом хозяйстве, как органическом целом, имеет место взаимодействие частей, в отдельных моментах.

в один голос говорят, что в послевоенный инфляционный период индустриальный капитал господствовал и в Германии над банковым. И сам Гильфердинг, как мы уже заметили, заявил в 1920 году, что „во время войны наступило развитие, напоминающее американское“. Об американских отношениях мы скажем далее, но сейчас спросим: как же это случилось, что единая, органически развившаяся, форма финансового капитала, явившаяся продуктом слияния, сращения банковского капитала с индустриальным, вдруг оказалась состоящей из двух или трех, если считать и коммерческий капитал,—самостоятельных элементов, которые пошли отдельно. Как это случилось, что банковый капитал „превратившийся уже по существу в индустриальный“ перестал вдруг быть последним и стал опять лишь банковским?

Скажут: с начала войны капитал остановился в своем развитии, остановилась и даже регрессировала денежно-кредитная система, на сцену в главной роли везде опять выступили центральные национальные эмиссионные банки... Все это так, но это отнюдь не объясняет, почему крупные банки—промышленники, владельцы ключей народного хозяйства, по Бернгардо-Гильфердингу, вместо того, чтобы занять руководящее положение при организации производства и обмена для военных целей, оказались на задворках в этом деле, и им была отведена, главным образом, роль слуг государственному кредиту. Как это, далее, случилось, что после войны, когда в связи с революцией перед Германией стала задача социализирования хозяйства, то вместо того, чтобы, следуя указанному Гильфердингу в его „Финансовом капитале“ рецепту, национализировать в первую голову шесть крупных берлинских банков, что должно было-де отдать сразу в руки социалистической власти все командные высоты индустриального капитала, тот же самый Гильфердинг, вместе с Каутским и другими, решили национализировать все, что угодно, только не банки? Да, все это случилось именно потому, что Бернгардо-Гильфердинговская теория спекулятивная, а не реальная. На деле никакого превращения промышленного капитала в финансовый не было, никакого сращения банковского капитала с индустриальным в единое

целое не было. И именно потому, что увидели, что на практике крупные банки прежде всего и, главным образом, посредники кредита, а не промышленники, что в сфере индустрии и в Германии царит индустриальный капитал, а не банковый, и опасались, что национализация банков, ослабив или даже сведя на-нет кредит, лишит социализацию индустрии могучего средства для своего осуществления, именно поэтому отказались от национализации банков. В том же духе высказался и буржуазный экономист К. Бюхер.

Сожительство, хотя бы под одной кровлей, банковского дворца, контор индустриальных предприятий и конторы банка, финансирующего эти предприятия, не есть еще сращение банкового и индустриального предприятий, не есть еще растворение, превращение двух тел в одно единое третье. Формы движения и функции индустриального и денежного, финансового капитала — различны и противоречивы, и никогда эти противоречия не развились так сильно, как во время войны, и еще более в первые годы после войны ¹⁾.

Мы могли бы привести сотни цитат из различных авторов для иллюстрации этого нашего утверждения, но ограничимся здесь выпиской из речи министра народного хозяйства Neuhaus'a, несомненно осведомленного чиновника, на открытии Общего Съезда германских банкиров в сентябре 1925 года.

„Банки были не только займодавцами, но советниками и помощниками (здесь не господами! А. Ф.-Е.), идущей в гору индустрии и разделяли в советах обществ влияние вместе с промышленниками и купцами, помогая друг другу в совместной работе. Во время войны индустрия выиграла по отношению к банкам в мощи и самостоятельности, вследствие барышей, полученных от военных поставок. В наступившем после инфляционном периоде это развитие усилилось. Индустрия рано перешла к продаже загранице

¹⁾ На это мы не переставали указывать в наших работах за время войны (см. «Мировая война и судьбы капитализма» в «Соврем. Мире» январь и февраль 1916 г. и ряд статей в «Новой Жизни» с осени 1917 до лета 1918 г.) и после войны (см. наши книжки: «Экономическая система К. Маркса» изд. 1919 г., «Современное положение мирового хозяйства» изд. 1920 г.; и «Кара Маркс и новейший социализм», изд. 1922 г.).

за девизы, и в течение 1921 — 22 г.г. все более пришла к тому, что и внутри начала сбывать товары, базируясь на девизные курсы в счетах на золотые марки.. Банки в это время не могли итти в ногу с индустрией. Как центры посредничества денежного оборота, они были сильнейшим образом связаны с обесценивавшейся маркой; товаром в их предприятиях были деньги... Это обесценивание захватывало равномерно как вклады в банках, так и оказанные ими кредиты, но все же и собственные капиталы банков подвергались обесцениванию...“ Результат был тот, что в золотых балансах на 1-ое января 1924 года „капитал банков в среднем упал до суммы, меньшей $\frac{1}{5}$ довоенного уровня, между тем, как индустрия отчасти благодаря барышам, полученным от предоставленных ей банками бумажных денежных кредитов, показывала значительно более благоприятное положение...“ (Заметим нашим инфляционистам, что это не значит, во-первых, что банки во время войны и инфляции не наживались, — участвуя в спекуляциях, содействуя отчуждению имущества и проч. — и, во-вторых, что индустрия за это время возросла; было перераспределение существующего в ней капитала, но этого мы еще коснемся далее. А. Ф.-Е.). „В это время влияние банков на индустрию было отеснено, и, наоборот, можно было наблюдать проникновение индустриального капитала в банковое дело путем учреждения концерн-банков и приема большинства акций старых банков... Со времени стабилизации страница опять перевернулась. Конъюнктура для индустрии исчезла после того, как счет на твердые ценности сделал ясной степень наступившего обеднения страны и исчезли все барыши, базировавшиеся на обесцениении денег. Многократно также обнаружилось, что приобретенные в инфляционное время реальные ценности и произведенные помещения капитала являются не в той мере продуктивными, какая должна была бы соответствовать затраченным средствам. Повсюду начал чувствоваться недостаток в потребном для дальнейшего ведения предприятий мобильном оборотном капитале“ ¹⁾...

¹⁾ См. отчет в «Berliner Tageblatt» № 436 за 1925 г. Сходное можно прочесть в статье W. Boes'a: Systemwechsel im Deutschen Bankwesen» в VII и VIII книжках «Die Bank» за 1925 г. и в статье Д-ра Melchior Paluy:

Стало общим местом в германской экономической литературе,—мы уже это отметили вскользь,— что во время инфляции производительный капитал стал господствовать над банками, в то время, как до войны имело место обратное явление. И это суждение возникло *post factum*, из оценки экономических последствий инфляционного периода: производительный капитал вышел менее пострадавшим. На деле же, и в довоенное время, и во время войны, и в инфляционное время производительный капитал оставался основной формой. При этом сравнение роли денежного капитала в довоенный, „нормальный“, и в инфляционный, „ненормальный“, периоды показывает, наоборот, что именно в последний период она была большая. Что результаты получились иные, это произошло от того, что в ненормальное

«Rebuilding the German credit system» в «International Banking half-yearly review», приложение к «Manch. Guard. Commercial» от 23 июля 1925 г.

Стоит, однако, привести несколько характерных мест из статьи W. Воеса: «За последние годы германская индустрия эмансипировалась от господства банков (тут господство! А. Ф.-Е.). Во многих случаях справедливо могли говорить о господстве индустрии над банками. Однако, за последнее время произошел довольно резкий поворот. Все еще представленные в советах индустриальных акционерных обществ банки — число мандатов руководящих личностей финансового мира даже возросло, несмотря на изменение соотношения сил — остались тем желанными финансовыми советниками и стали, наконец, снова необходимыми». (Так, так, большая, значит, цена была этому растущему числу мест банковских деятелей в советах различных индустриальных предприятий, на чем базировались экономисты различных направлений, доказывая руководство банками индустрией! Это число, оказывается, росло и тогда, когда роль банков падала! Впрочем, и история со Стигнесовским концерном показала, чего стоят эти банковские наблюдательные посты в смысле управления предприятиями. А. Ф.-Е.). «При этом имеет значение то,—продолжает г. Воес,— что банки всегда еще представляют надежные мосты к иностранному капиталу». (Да, они представляли во время инфляции очень удобные мосты и для отчуждения предприятий иностранцами, и для бегства капиталов за границу и проч. А. Ф.-Е.). «Правда, за последнее время германская индустрия искала и нашла прямую связь с заграницей. Но этот обход банков как и случайные старания достигнуть коллективных иностранных кредитов, в форме, финансовой самопомощи посредством индустриальных союзов, следует оценивать лишь как эксперименты, которые не симптоматичны и остаются эпизодами...». И г. Воес, и г. редактор Лянсбург выражают уверенность что в германском банковом деле все опять пойдет так, как в «хорошее старое время»; т. е. до войны...

время противоречия особенно обостряются, и действия их сказались и должны были сказаться сильнее всего на вторичной сфере, на движении денежного капитала. И это потому, что производство и в капиталистическом хозяйстве движется и независимо от денежного капитала. Основная форма движения все же восторжествовала: производительный капитал в конце концов децимировал денежный капитал и этим восстановил единство воспроизводственного процесса, хотя и на пониженном базисе.

Чтобы убедиться в правильности только-что сказанного нами, достаточно проанализировать, что являлось двигательной силой капитала в инфляционный период: прибыль, создаваемая в процессе производства, или прибыль, приносимая процессом обращения. Чем вызывался процесс концентрации капитала в этот период: ростом ли производства, накоплением создаваемых ценностей, или централизацией, сопровождающейся подчас сокращением капитала? Исходил ли этот процесс концентрации из сферы движения капитала, как собственности, т. е. движения приносящего процент капитала, или из потребностей капитала, как функции, т. е. из сферы движения производительного капитала?

Чтобы ответить на первый вопрос, достаточно вспомнить общий закон, наблюдавшийся повсюду при падающей валюте и при сильных колебаниях ее. На место нормы прибыли, высота которой определяется движением индустриального капитала, появляется новая форма — дифференциальная прибыль, которая определяется колебаниями валюты. Все расчеты покоятся, преимущественно, на разнице в ценности и в покупательной силе денег... Вот что мы читаем в хозяйственном обзоре 1922 г. в „Frankfurter Zeitung“:

„Исследование внутренней борьбы за марку, борьбы, которая в 1922 г. превалировала над другими событиями, дает ключ к явлению, которое сбивает с толку многих, и в особенности иностранных, наблюдателей германского хозяйства, а именно, что отдельные предприятия и целые группы в торговле, индустрии и не в последнюю очередь в сельском и лесном хозяйстве цветут и развиваются, могут увеличивать свое имущество реально в то время, как

народное хозяйство в целом подвергается обеднению. Развал валюты как-раз и вызывает неравномерное обнищание и сопровождается сильнейшей социальной перегруппировкой. В то время, как весь организм страдает от истощения, отдельные члены его разбухают за счет других членов, вдвое сильнее задетых болезнью...“ „Великий двигатель, который определяет в современном капиталистическом хозяйстве направление и темп, это успех“ (Erfolg). Мы бы сказали прибыль. „Этот успех имеет два главных источника: производительную работу и счастливую спекуляцию. Отношение между этими двумя факторами всецело изменилось разрушением валюты. Раньше эта продуктивная работа, которая может лежать не только в узкой области добычи сырья и производства фабрикатов, но и в сфере обмена и распределения благ и капиталов, эта работа играла главную роль, а спекуляция была второстепенным скромным игроком. (Весь последний абзац следует принять *sum grano salis*, но оставим это в стороне. А. Ф.-Е.). Теперь это стало иначе. Для успеха бесконечно многих предприятий является теперь решающим не столько производительность (Leistung), сколько счастливое покрытие девизами и товарными запасами, мощное отстаивание своих интересов в борьбе за установление цены, правильная позиция в добыче или помещении капитала. Финансирование имеет больший вес, чем техника. Чем больше колеблются ценности, тем больше растет возможность существования от использования или уравнивания этих колебаний. Торговля товарами, банки и биржи привлекают растущую часть всех рабочих сил на счет сферы непосредственного производства. Но перегруппировка по профессиям — это лишь одна сторона перегруппировки рабочей силы. Другая лежит внутри самих промышленных предприятий. Каждое крупное заведение имеет теперь свое девизное бюро“. Везде меняющиеся тарифные ставки раздули отдел личного состава. „Везде гораздо больше, чем прежде, штат занят калькуляцией цен, вычислением налогов и другими не непосредственно производительными работами...“

Из этой длинной выписки, которая может быть отнесена к любой стране, пережившей инфляционный период анало-

гичной силы, ясно, что в этот период не производительный капитал доминировал, что не производство господствовало над обращением, а наоборот. Регресс национального богатства и национального дохода, обнищание масс, и это рядом с ростом расточительности и обогащения немногих групп, происходили именно в силу, во-первых, противоречивых движений финансового капитала, т.е. приносящего процент, и промышленного, во-вторых, противоречий внутри самого финансового капитала между движением денежной и фиктивной его форм и, наконец, противоречий внутри производительного, приносящего прибыль капитала, между движением индустриального и коммерческого капиталов. Произошел разрыв связей в едином процессе, отдельные формы капитала развивали все более свое движение самостоятельно, и меновая ценность, получающая свое абсолютное выражение в деньгах, являющаяся связывающим звеном всего процесса воспроизводства, будучи оторванной от общественной потребительной ценности и став игрушкой в руках спекуляции, расплывалась весь строй до основания. Но законы природы остаются в силе и в капиталистическом хозяйстве, и оно может существовать лишь постольку, поскольку оно все же является общественной формацией, удовлетворяющей общественные потребности, хотя бы антагонистически, и потому самостоятельное движение ценности, в виде ли денег или денежного капитала, без отношения к производству бесконечно продолжаться не может. Раньше или позже наступает час расплаты, и денежный капитал оказывается пострадавшим больше всего за свое слишком самостоятельное хозяйничанье¹⁾...

¹⁾ Последствия этого периода до сих пор дают себя чувствовать в Германии. Так, в экономическом обзоре 1924 г. та же «Frankf. Zeitung» дала обстоятельную характеристику кризиса, разразившегося летом этого года и уничтожившего целый ряд предприятий промышленных и кредитных инфляционного периода. И в конце 1925 года мы видим, как лопаются в первую голову насаждения этого же периода. Очень характерна в этом отношении и статья А-ра Schäfer'a: «Probleme des Industrie-Führers» (ibidem № 28, сентябрь 1925 г.), в которой указывается, что нынешняя политика индустриальных предприятий носит явно дегенеративные следы инфляционного периода: вместо развития производительности культивируются различные спекулятивные и монополистические приемы. А у нас находится и сейчас экономисты, которые видят выход из экономических затруднений в отказе от существующей денежной

Характерными для высокого капитализма являются как мы уже отмечали, процессы концентрации и централизации. Интересно посмотреть, как отразился на них инфляционный период.

Как известно, по Марксу следует отличать концентрацию, связанную с накоплением, концентрацию, идущую вместе с расщеплением старых капиталов и образованием новых, т. е. с расширением капиталистического производства и его углублением, от концентрации, точнее централизации, уже существующих капиталов, экспроприации одного капиталиста другим, концентрации, являющейся лишь перераспределением уже существующих и функционирующих капиталов. Первая концентрация связана с ростом общественного богатства, вторая—централизация—может быть и при уменьшении его¹⁾.

Последний род концентрации и имеет обычно место в инфляционное время. И это при содействии кредитной

системы, которая, как бы она ни была несовершенна, все же бесконечно выше падающей инфляционной, к которой неизбежно должно привести «планирование» разных девальваций и тому подобных экспериментов, рассчитанных, в лучшем случае, на мигнуто улучшающий эффект. Во избежание недоразумений добавим, что сказанное здесь нами отнюдь, конечно, не означает, что мы хоть одну минуту защищаем все те приемы «регулирования» денежного обращения, которые практиковались у нас при параллельной валюте и практикуются при существующей двойной... На некоторые из них мы указывали в 1924 г. в нашей книжке «Деньги и кредит». И в частности постоянное перескакивание от инфляции к дефляции кредита и денег (употребление одной, как противоядие против другой) и способы валютной интервенции (умасливание, например, в тяжелое время «американки» вместо государственной централизации и распределения валюты) меньше всего можно считать правильной денежной и кредитной политикой. Однако, и это мы здесь подчеркиваем, куда хуже было бы, если бы позволили экспериментировать тем экономо-статистикам, которые свои проекты девальвации и инфляции мотивируют между прочим и тем, что у нас не капиталистическое хозяйство, а переходо-социалистическое (В. Громан). Законы денежного обращения Маркса, выведенные из простого и развитого товарного обращения, объявляются ими не действительными в нашем товарном хозяйстве, и в то же время выдвигаются, как «социалистические», проекты денежных манипуляций, заимствованные у Кейнса и рекомендуемые им буржуазному хозяйству. (Продолжение см. на стр. 160: приложения, примеч. 3).

¹⁾ М. Н. Покровский в своей статье: «К вопросу исторического развития

системы, которая, чем она развитее, тем более является могучим „социальным механизмом для централизации капитала“ (Маркс).

„В то время, как кругом происходит массовое умирание инфляционных концернов, в различных местах германского хозяйства наступают первые признаки новой концентрационной политики, которая будет, повидимому, иной, чем типичное образование концернов в период инфляции. И иной быть должна, если хочет вывести германское хозяйство из ложной организации прошедших годов и из нынешнего кризиса в новые, более здоровые и продуктивные условия. Не финансово-политической, не спекулятивной „акционерно-искусственной“, и не средством бегства капитала от налогов, следует быть этой концентрационной политике; она должна стремиться к производственно-политическим и предпринимательски-экономическим целям“. Здесь мы имеем совершенно правильное противопоставление д-ром Пиннером аномальной концентрации инфляционного периода нормальной,—централизации, вызванной интересами только финансовыми, концентрации, продиктованной интересами производства¹⁾.

Как известно, ярким представителем этого инфляционного концернирования явился Стайнес. Магнат индустриального капитала, он в инфляционный период выступал больше, как типичный финансист, и именно поэтому его наследники потерпели поражение, как индустриалисты.

России» («Под знаменем марксизма» апрель 1925 г.) стараясь показать, что «по концентрации производства Россия начала XX века стояла выше Германии», смешал централизацию с концентрацией и не заметил, что по Марксу «прогресс централизации абсолютно не зависит от высоты роста общественного капитала». Но к этому вопросу мы еще вернемся в главе о финансовом капитале в России.

¹⁾ Dr Pinner: «Sterbende Konzerne—auflebende Konzentration» Berliner Tageblatt от 5—XI—1925 г. Целый ряд исследователей указывают теперь, что в Германии вертикальное концернирование приняло ненормальный характер и что на очереди стоит оздоровление концентрационного процесса последнего десятилетия путем отбора стоящих на высоте современной техники предприятий. Гильфердинг же, в своем программном докладе на Гейдельбергском съезде, говоря вообще о трех ступенях концентрационного процесса капитала и в частности о росте концентрации в Германии за последнее десятилетие в горизонтальном и вертикальном направлениях, не нормальноности в этом процессе в период инфляции не заметил.

„Личная уния“ финансового капитала и индустриального, олицетворявшаяся Стайнесом, не слила их воедино, не устранила внутренних противоречий их движения; „единный“ интерес и „общая точка зрения“ не разрешили их противоречий, не помешали краху как-раз тогда, когда возвращалось „нормальное“ время. Не подлежит сомнению, что во время войны и после нее германская индустрия, и в первую голову тяжелая, получив крупные денежные средства непосредственно от казны—и за поставки, и в возмещение за отчуждение люксембургских, лотарингских и саарских предприятий, и за потери при оккупации Рура,—стала менее зависимой от кредитования ее банками. Более того, для промышленников, как Стайнес, которые обладали не только большими организаторскими способностями, но еще более крупными гешефтмахерскими—и не только в сфере экономики, но и политики—открылась в инфляционное время полная возможность проявить эти свои таланты на поприще спекулятивного использования как своих собственных крупных средств, так и еще более чужих, базируясь на различии между движением денег, как ценности и как покупательной силы. И это, конечно, меньше всего вело к развитию национального производства, к увеличению национального накопления капитала, а сводилось к поглощению, к апроприации этого рода магнатами существующих капиталов, ослабевших экономически и технически. И это имело тем более место, что во время все растущей инфляции новое строительство встречает препятствие во всем большем вадорожании материала, и гораздо дешевле приобретение существующих предприятий. Т. е. происходит именно централизация на основе перераспределения. И совершенно естественно, что в такой период, когда центр тяжести в спекулятивных сделках и в бегстве от денег, концерны возникают уже не из органической потребности производства, а из чисто случайных покупок. Концерны Стайнеса и состояли из таких разнородных, не связанных органически между собою частей. К слову сказать, в конце 1916 и в начале 1917 года у нас появились свои „стайнесы“, правда меньшего калибра, которые постигли ту же мудрость и скупали предприятия с бора и с сосенки при помощи денег, скопленных в банках...

Стайнес в таких операциях выступал, как финансовый т. е. денежный капиталист, и отнюдь не как конкурент банков, а при прямом содействии их. Вздорно, поэтому, утверждение экономиста из „Neue Freie Presse“ от 13 августа 1925 года, — да и не его одного, — что одной из причин краха Стайнеса была та, что приемники его продолжали исходить из принципа, что „производительный капитал первичный, а финансовый вторичный, между тем как после стабилизации наступил поворот“. И после стабилизации производительный капитал остался первичным. Оскар Вассерман, директор Deutsche Bank, рассказал на последнем банкирском съезде, как Стайнес действовал. Он кредитовался в 22 банках и при том крупнейших; кроме 45 миллионов золотых марок, разрешенного ими ему кредита, Стайнес „без их ведома занял в Германии и за границей гораздо более крупные суммы“. И это, запомним, несмотря на сидение банковских директоров в наблюдательных советах различных его промышленных предприятий. Стайнес обошел банкиров, как финансист¹⁾...

¹⁾ Ложность представления, что крах Стайнеса был результатом борьбы между крупными банками и магнатом промышленности из-за господства над индустрией, доказывается уже тем фактом, что замешанные банки не приобрели ни одного из попавших в беду предприятий, что операции с бумагами совершались банками не с целью поставить себя на место Стайнеса, а для ликвидации срочных обязательств на 155 миллионов; банки думали только о том, как бы спасти себя, как кредитные учреждения... Со свойственной ему наблюдательностью, хотя часто поверхностной, Лясбург объясняет крах Стайнеса следующим образом: «Стайнес покрывал потребности в финансах для своего пестрого концерна путем краткосрочного кредита и тогда, когда инфляция пришла к концу и надежда на автоматическое освобождение от долга больше не было. Он это делал, имея в виду возобновлять кредиты до тех пор, пока биржа позволит ему фундировать долг путем выпуска акций и облигаций. Он поступал так, как обычно поступал в Германии в деле финансирования промышленности, и как добрый десяток лет тому назад практиковал тоже в широком масштабе его рейнский коллега Тиссен. Как крупная политическая сила он мог быть уверен в том, что всегда достанет кредит, если не дома, то за границей, чтобы прождать тяжелое время. Он умер. Его приемники этой силой не обладали... («Die Bank», Juli 1925). Нас интересует в этом объяснении, во-первых, то, что Стайнес и по Лясбургу действовал тут, как финансист. Только не банк здесь комбинировал, кредитую краткосрочно с намерением в будущем фундировать индустриальный долг эмиссией, а магнат промышленности Стайнес, который подобно Тиссену до войны «распоряжался банковскими деньгами, как своими», на что жаловался Лясману в свое время один из директоров «Deutsche Bank». Во-вторых,

И пусть экономисты не представляют банки в инфляционный период в несчастном положении. Они были очень деятельны и во время войны, и во время инфляции, но как спекулянты деньгами, бумагами и товарами. Именно во время инфляции при содействии банков выпускались различного рода акции, привилегированные, запасные, многоголосые, или как там они ни назывались; практиковались выпуски чисто махинаторского свойства¹⁾. Что в результате этого „отделы ценных бумаг в самих банках оказались запустелыми“, что „германская биржа производит удручающее впечатление“, как это указывает, например, профессор Hirsch в „Berl. Tageblatt“ от 15—IX—25 г., что публика отшатнулась теперь от биржи и что фиктивный капитал предприятий, оценивающихся в сорок миллиардов, стоит лишь десять миллиардов марок,—это именно результат хозяйничания финансового капитала, в нашем смысле, а отнюдь не производительного капитала.

в этом объяснении лишней раз показывается роль биржи: зависимость и манов капитала от ее состояния, а она в Германии и сейчас еще далеко от нормального. Так, в октябре 1925 г. были снова введены на германских фондовых биржах, после одиннадцати лет перерыва, сделки на срок; и обороты по этим сделкам оказываются мизерными...

¹⁾ По предварительному подсчету из 1595 обществ с основным капиталом в 11,2 миллиарда марок 860 обществ с капиталом в 6,3 миллиарда марок выпустили привилегированные акции, дающие в отличие от старых прежде всего привилегированное право голоса... (См. подробные данные «Wirtschaft und Statistik», II November-Heft 1925 г.). Заметим и здесь, что выпуски акций отнюдь еще не означают помещение нового капитала в индустрию. Часто выпускаются акции для того, чтобы дать старым акционерам нажить на новых выпусках и в гораздо большей степени чем на дивидендах. Так, старые акционеры имеют возможность реализовать свои права на получение новых выпусков по низкой цене, которые котировались на рынке высоко. И этим широко пользовались в Германии в инфляционное время. «Vogelitz» от 9 декабря 1922 года рассказывает, что накануне на бирже котировалось одиннадцать таких «прав» официально от 660 до 7.000 процентов выше номинала. В первом квартале 1922 года было выпущено акций и паев на 15,7 миллиарда марок, во второй — на 17,4 и в третьем квартале 14 миллиардов. По официальной котировке курсы акции были: в июле 698, в августе 846 и в сентябре 905 раз выше довоенного времени, т. е. средний курс за старые акции, служившие предметом торговли в третьем квартале — был 816 раз больше довоенного времени, а средний выпускной курс новых акций равнялся 136,4%. «Из этого видно, что барыши акционеров только в одну четверть года исчислялись десятками миллиардов», что не имело, конечно, ничего общего с помещением капитала.

VII.

Финансовый капитал и индустриальный в С.-А. Соединенных Штатах.

1.

В силу особых условий исторических, экономических и политических в Америке капитал, как собственность, еще значительно связан с функциями в процессе воспроизводства, т. е. в производстве и обращении. В Германии же, не говоря об акционерных предприятиях, и в фамильных обществах 2-го или 3-го поколения действительно управление большей частью отделено от представляющего, что не всегда плюс, особенно за последнее время, когда при отборе управляющих обращают внимание больше на их „связи“, чем на опытность. В Америке, как известно, организации, объединяющие целые отрасли, вначале имели форму трестов. Таковы были образования нефтяного или табачного треста. Когда трестам начали ставить препятствия, то на сцену выступили: с одной стороны, слияние обществ, а с 1899 г. — контрольные общества, объединяющие предприятия путем выкусов специальных бумаг. В таких бумагах фиктивный капитал более, чем в акциях, приближается к чисто денежному капиталу. — В смысле получения больших учредительских барышей организация контрольных обществ, конечно, превосходит слияние или учредительство новых акционерных обществ, так как комбинации с централизацией ценных бумаг безграничны. „И особенно опасны, — пишет Лифман, — сделки с бумагами Holding Company тем, что они совершаются в столь круп-

ных размерах на чужие деньги, что крупные капиталисты и спекулянты могут пустить в ход при своих спекуляциях капиталы национальных банков, трестных компаний или страховых обществ, капиталы которых должны были бы быть помещены в первоклассные бумаги". А это вместе с распыленностью американского банковского дела имеет своим следствием то, что неудачные результаты таких спекуляций отражаются сильно на всем денежном рынке.

Контроль, в американском смысле, владение акциями, фиктивным капиталом, опасен, если различные финансовые манипуляции совершаются в интересах личных, но „он может быть полезен в народно-хозяйственном отношении, если организаторские таланты используют его, чтобы придать предприятиям целесообразную организацию. Однако, крупные капиталисты в большинстве случаев не думают о том, чтобы влиять на производственные отношения индустрий, которые они контролируют. Если при крупных консолидациях и трестированиях это стоит на первом плане, то толчок к этому дают обычно руководящие лица из самой индустрии, как Рокфеллер при создании Standard Oil Co, Карнеги при создании его Steel Company, Вестингауз с его предприятиями и др. Только там, где дело шло о достижении монополистической цели, там играли главную роль крупные капиталисты, которые сами не были заняты в индустрии, на первом плане—Морган, так как именно в таких случаях стоящая вне индустрии личность легче всего могла примирить борющиеся, может быть, равные силы“.

Такое вмешательство связано, конечно, с крупными заработками, да вообще финансисты интересуются промышленностью вовсе не для руководства ею, а для выгодного помещения своих средств в соответствующий фиктивный капитал, т. е. исключительно как капиталисты-собственники. „Когда крупные финансисты Морган, Шифф, Бельмонт,—рассказывает далее Лифман,— контролируют целые отрасли предприятий, то это не значит, что мобильный капитал господствует над всем производством. Такой взгляд для Америки так же ошибочен, как тот, что наши — германские — банки достигли господства

в индустрии и управляют ею по своей воле. Это может быть в отдельных случаях, и особенности у попавших в нужду или вновь учрежденных предприятий, но, как правило, этого нет. Верно, однако, и совершенно естественно, что с увеличением фондового капитализма возросло значение доставания денег для индустрии: деятельность финансирования. В этом отношении крупные финансисты Америки обеспечили себе монополистическое положение в многочисленных индустриях в большем объеме, чем это было у наших—германских—банков; и средством для этого был именно контроль, то обстоятельство, что можно достигнуть контроля над целыми отраслями со сравнительно малым капиталом. Эти люди обеспечили себе монополию во всех финансированиях крупных комплексов предприятий или целых отраслей индустрий и, так как это дает им всегда крупные барыши, то они эти возможности финансирования искусственно увеличивали, основывая все новые общества, Holding Companies, и всячески перераспределяя контролируемые бумаги между ними. Не овладение индустрией, как таковой, некоторыми немногими капиталистами, но использование этого влияния для все более новых, приносящих прибыль, учредительских и финансовых операций, в этом лежит опасность контрольного общества“ (Beteiligungs—und Finanzierungsgesellschaften. II изд. 1913 г. стр. 327—328). Мы имеем, таким образом, констатирование и Лифманом, что американские миллиардеры, оперировали в таких случаях, как финансисты, а не как промышленники. И здесь нет „слития“, нет „сращения“ этих функций.

„Акционерством только, привлечением дивидендов,—продолжает Лифман,—никто из этих людей, которые не действовали в индустрии, не накопил бы своего состояния. И не то, что крупные части капитала народного хозяйства находятся во владении немногих,—неблагоприятное распределение имущества,—есть недостаток контрольного общества—я вообще скорее готов принять, что фондовый капитализм действует благоприятнее в этом отношении, чем эпоха чистого кредитного капитализма... Не самые богатые люди Морган, Вейергаузер, нынешний Рокфеллер, Клари и др. самые опасные, но те, кто обладают возможностью

с немногим капиталом получить крупные финансовые барыши. Опасность контрольного общества не в собрании крупных капитальных масс в немногих руках, но в том, что плохое фондовое и акционерное законодательство дает людям возможность с малым капиталом и малым риском приводить в замешательство целые отрасли предприятий путем финансовых операций“.

Здесь нам не важно неудачное взваливание Лифманном всех бед на плохое законодательство. Лянсбург, например, теоретически куда выше этого мнящего себя Рикардо нашего времени Лифманна, когда по поводу именно американских дел говорит, что пока существует частная собственность и акционерный принцип, остается возможность „распоряжения крупными комплексами капитала посредством небольшого, но компактного владения акциями“, а с этим и возможность злоупотреблений. Нигде банковое дело так не децентрализовано, не ограничено в своих операциях, не подчинено так правительственному надзору, как в Америке (30.000 банков). „И тем не менее простой факт, что в Америке существует несколько миллиардеров имело своим следствием, что распыленное на атомы и всячески ограниченное банковое дело стало безвольным орудием в руках трестов“. («Die Bank» № 5 от 1912 г. «Der Money Trust»).

Богатый фактический материал о С.-А. С. Штатах, приводимый Лифманном, — и в этом ценность его работы и с этой стороны она нас только интересует — ясно, таким образом, показывает, что между движением финансового капитала и индустриальным глубокое противоречие, что там, где и различные экономисты — марксисты увидели „слитие“, на деле имеет место функционирование одного финансового капитала. Только в тех случаях, где централизация предприятий является результатом, вызывается потребностью производства, она нормальна. Но в таких случаях всегда индустриальный капитал господствует, а не финансовый. В тех же случаях, где централизация диктуется преимущественно интересами финансовыми, там процесс обычно болезненный, и произведенная централизация принимает нормальный характер только тогда, когда она в конце концов приспособляется к потребностям промышленного капитала и базируется на нем.

Различие движений приносящего процент капитала, в денежной и фиктивной формах, и индустриального нигде так ярко не может быть прослежено, как в С.-А. С. Штатах, где концентрационный процесс в индустрии и развитие акционерного дела достигли громадной высоты. Для этого достаточно познакомиться с историей известного стального треста U. S. Steel Corporation, о возникновении и развитии которого имеются данные не только самого треста, но и правительственного расследования, связанного с поднятым в свое время против него процессом. Мы берем „нормальный“ период его истории довоенное время.

Концентрационные и централизационные процессы, приведшие к образованию нескольких крупных групп в стальной индустрии, объединившихся в 1901 г. в трест, начались с 1889 г. Одни из этих групп образовались путем концентрации производства, стоявшей в связи с процессом накопления в самом предприятии, и присоединения к нему конкурирующих предприятий (так, Carnegie Steel Co), другие группы образовались путем централизации, объединения, конкурирующих предприятий. Эти процессы объединения вызвали стремление к созданию предприятий, которые с одной стороны имели бы в своем распоряжении источники сырья — железные рудники, уголь и пр., а с другой стороны охватывали самый процесс производства с низших до высших его ступеней: от добычи чугуна до производства стальных товаров.

К этому процессу трестирования толкала конкуренция, возросшая особенно с депрессией начала 90-х годов, конкуренция, которую путем pools, т. е. соглашений насчет цен устранить нельзя было; тем более, что эти соглашения, и вследствие своей незаконности, слабо связывали договаривающиеся стороны и были недолговечны. Усилившийся с 1898 г. процесс централизации привел, таким образом, к образованию нескольких крупных групп — трестов, борьба между которыми становилась все опаснее и неопределеннее по своему исходу. На такой ступени конкуренции монополия выступает спасительницей: борьба почти равных сил сменяется соглашением. Так и случилось

в 1901 г., когда угроза войны между Carnegie Steel С-о и принадлежавшей к Моргановской группе National Tube С-о побудила финансистов, связанных кредитом со стальной индустрией, выступить в качестве посредников, тем более, что предвиделись крупные барыши. Они их и получили: так, при окончательном расчете в мае 1903 г. учредительский синдикат получил чистыми 46 мил. долларов и на 4 мил. привилегированных акций (по данным правительственного комиссара—62,5 мил. дол.).

Денежный рынок был в 1901 г. благоприятен для учредительства. Биржа после победы Мк. Кинлея на президентских выборах находилась в бешеном настроении. Однако учредители переусердствовали и напустили столько воды, что пришлось долго ждать, пока она рассосалась. При основании треста было выпущено привил. акций на 510,2 мил. дол., номинальных, обыкновенных акций на 508,2 и бон на 303,5 мил. дол. (сюда вошло на 65 мил. дол. привил. и на столько же мил. дол. обыкновенных акций, полученных учредителями). Карнеги получил львиную долю: за свои старые акции на 96 мил. дол. номин. он получил бон на 144 мил. дол., а за другие акции на 64 мил. дол.—на 98,3 мил. дол. привил. и 90,3 мил. дол. обыкновенных акций; за старые бонны на 159,5 мил. было им получено столько же новых, и в придачу 1,2 мил. дол. чистоганом.

Согласно „Report of the Commissioner of corporations of the Steel Industry“, July 1911 г., Н. Smith'a, все 508 мил. обыкновенных акций и $\frac{1}{5}$ — $\frac{2}{5}$ привил., в общем на 720 мил. дол., по номиналу (котировались обыкновенные акции на 50% ниже), представляли воду, т. е. не представляли реального капитала. Стальной трест оценил свое имущество в 1902 г. в 1,457 мил. долл., между тем как Bureau of Corporations оценил его в 1901 г. в 682 мил. (расхождение объясняется, главным образом, различием в оценках владений рудой: 100 и 700 мил. долл.). Допустим, что правительственные данные о состоянии треста в 1901 г. были верны, и посмотрим, каков был дальнейший ход производительного и фиктивного капиталов в нем. В 1907 г. Бюро корпораций произвело новую оценку треста, вместе с присоединенными к нему за эти годы новыми предприятиями, и оказалось, что

реальное имущество достигло уже 1078,8 мил. дол. (по оценке треста за этот год имущество составило 1.652 мил. дол.); 31/XII 1910 г. реальное имущество по оценке Бюро равнялось 1.187 мил. дол., в то время, как фиктивный капитал составлял 1.468 мил. дол. (из них акций на 868 мил.; в 1903 г. была сделана конверсия: вместо снятых 150 мил. привилегированных акций было выпущено на 150 мил. бон).

Из этих официальных данных явствует, что за прошедшие круглым счетом 9 лет вода с 720 мил. дол. уменьшилась до 281 мил. дол., и то, если считать по номиналу. На деле же обыкновенные акции котировались в это время на 55% ниже, т. е. воды в фиктивном капитале уже почти не было. Далее, в то время, как фиктивный капитал за эти 9 лет и по номиналу возрос только на 4%, производительная способность треста с 1/IV 1901 г. по 1/I 1911 г. возросла в отношении производства стальных болванок с 9,4 мил. тонн до 18 мил. тонн, продуктов доменных печей с 7,4 до 16,2 мил. тонн, вальцовых и др. готовых фабрикатов с 7,7 до 14,6 мил. тонн, и портланд-цемента с 0,5 до 8,1 мил. тонн. Нет ничего удивительного, что при таком ходе вещей стальной трест креп и технически, и в финансовом отношении, что сказалось уже во время кризиса 1907 г. И когда в 1911 г. правительство подняло против него процесс, то это вызвало протест, потому что разрушение этого треста было бы, в отличие от других, связано с регрессом производительным, так как должны были бы быть распущены и подчиненные этому контрольному обществу группы, организованные производственно. Всего этого Гильфердинг не заметил, интересуясь историей этого треста лишь со стороны выдачи или невыдачи дивидендов и махинаций с прибылями.

3.

История этого контрольного общества опровергает и ту теорию Гильфердинга, по которой „учредительская прибыль есть разница, получающаяся от превращения приносящего прибыль капитала в форму приносящего процент капитала“. Эта капитализованная разница,—утверждает Гильфердинг,—присваивается учредителями при акционировании предприятий на вечные времена, и

капитал дает уже только процент. „Разводнение не имеет ничего общего с учредительской прибылью, которая при учреждении каждого акционерного общества происходит из превращения производительного, приносящего прибыль капитала, в приносящий процент фиктивный“ (стр. 125). Это абсолютно неверно, как мы уже имели случай отметить. Производительный капитал не „превращается“ в фиктивный, не превращается в приносящий процент капитал, как утверждает Гильфердинг. Он продолжает существовать рядом и вместе с этой новой приобретенной им формой; у индустриального капитала теперь двойная и раздельная форма существования, реальная экономическая и фиктивная юридическая. Как и раньше, производительный функционирующий капитал приносит прибыль, а не процент. Эта прибыль за целым рядом отчислений, — и крупных тантем, — раздается в виде дивиденда акционерам. Дивиденд есть прибыль в форме процента, что не одно и то же, что процент, так как в дивиденд входит обычно и предпринимательская прибыль. То, что капиталист-собственник, как денежный капиталист, как владелец фиктивного капитала, получает прибыль, а не только часть ее (процент) в форме процента, то, что капитал, как „чужая собственность, противостоящая всем действительным участникам процесса производства“, получает не только процент, но и прибыль, хотя бы в форме процента, это-то и характеризует высшую стадию капитализма и показывает, что она переходная стадия. Но это не уничтожает того факта, что эту прибыль-дивиденд создает функционирующий производительный капитал.

Маркс говорит, что с развитием капиталистического производства и ростом накопления часть общественного капитала „прилагается и рассчитывается, как % приносящий капитал, но не в том смысле, в каком капиталист, ссужающий деньги, получает и довольствуется процентом“, а „в том смысле, что эти капиталы, хотя и вложены в крупные предприятия, отбрасывают по вычете всех расходов большие или меньшие проценты, называемые дивидендами“ (III том „Капитала“, ч. I, стр. 221). Слово „проценты“ не должно здесь вводить в заблуждение, так как Маркс тут же говорит, что эти предприятия не входят

в уравнение нормы прибыли потому, что приносят прибыль меньшую, чем средняя норма прибыли.

Итак, реальный капитал в акционерных предприятиях дает прибыль, которая распределяется, как дивиденд на номинальный капитал, а фиктивный капитал, капитализированный из существующего % прибыль, естественно дает только %. Производит, поэтому, странное впечатление, когда Гильфердинг, приведя (на 124 стр. своей книги) таблицу курсов ряда бумаг и получаемых по ним дивидендов и вычислив, сколько это составляет процентов на представляемый этими бумагами фиктивный капитал, считает это доказательством, что акционированный капитал приносит процент, а не дивиденд. Ведь ценность фиктивного капитала, курсы приведенных им бумаг определялись дивидендами, капитализированными из существующего процента, при чем исходным пунктом была прибыль, принесенная производительным капиталом...

У Гильфердинга вместе с распространением господства акционерного дела, дивиденд все больше приближается к проценту, акция все больше приближается к облигации¹⁾. И это согласуется у него же утверждением, что акция лишь титул на доход, а не и свидетельство на реальный капитал, хотя и во время инфляции можно было наблюдать, как при

¹⁾ Что это не соответствует действительности видно, из следующих выводов, к которым пришел Митчелль на основании исследования колебаний курсов бон и акций в С. Штатах за 1890 — 1909 г.г.: 1) Боны, как правило, устойчивее в цене, чем акции или товары, показывая более высокие минимума в 1890 — 99 г.г. и более высокие максимума в 1900 — 1909 г.г. 2) Боны поднимались, когда акции и товары падали в фазы депрессии, следовавшие за кризисами 1893 и 1907 г.г. 3) Боны достигли высшего уровня в 1901 — 1902 г.г., между тем как обыкновенные акции и товары поднимались еще выше в 1906; 1907 и 1909 г.г. 4) В то время как уровень, на котором колебались боны, несколько выше в 1900 — 1909 г.г., чем в 1890 — 99 г.г., нет такого заметного контраста у акций. 5) К концу периода (в 1909 г.) цены бон показывают мелкие потери или скромные выигрыши по сравнению с 1890 г., между тем как все серии акций показывают крупные выигрыши. Даже индекс цен товаров показывает большее движение вперед, чем среднее бон. Большая устойчивость курсов облигаций объясняется тем, что дивиденды изменяются, процент же твердых 10 облигаций, которые он исследовал, показывал тот же самый доход 4,06% на их номинал ежегодно с 1890 г., и это в то время, как средний дивиденд 10 акций колебался ежегодно, достигнув минимума 5,38% в 1897 г. и максимума 7,7% в 1907 г. (стр. 203).

падении денежного капитала акции росли в ценности именно потому, что они представляли реальные ценности, которые переоценивались вместе с обесценением денег. И все эти утверждения базируются у него на чисто спекулятивной теории, отождествляющей ссудно-денежный капитал с фиктивным, а последний, приносящий процент, с производительным, приносящим прибыль.

Каковы бы ни были махинации владельцев контрольных пакетов стального треста, они, как собственники, распоряжались лишь распределением созданной уже производительным капиталом прибавочной ценности, оперируя, как финансисты. Руководители этого контрольного общества присваивали себе львиную долю прибыли, но самый размер прибыли зависел от условий, в которых функционировал производительный капитал и от его собственного физического объема, а этот последний, как мы видели, рос быстро при почти постоянстве фиктивного капитала. О какой капитализированной на вечные времена учредителями предпринимательской прибыли может идти речь при таких условиях?

Что норма прибыли вместе с ростом органического состава капитала имеет тенденцию к падению, это несомненно, но вместе с ней должна неизбежно пасть и норма процента, а не происходить уравнение их. И именно понижение нормы прибыли и дает толчок к централизации и монополии, как к средствам увеличения размеров прибыли. Разводнение влияет на размер дивиденда, но сумма прибыли зависит от функционирующего при данной конъюнктуре реального капитала. Если одни перекапитализированные тресты дают слабые дивиденды на те или иные свои акции (мы говорим те или иные, потому что не всегда обыкновенные акции в худшем положении), то другие нормальные или недокапитализированные тресты дают крупнейшие. И это мы видели до войны (о военном времени нечего говорить), как в С.-А. С. Штатах, так и в Германии. Так, Standard Oil Company за 1901—1911 г.г. выдавал в среднем ежегодно 40% на капитальные акции, табачный трест за 1905—1911 г.г. выдавал на обыкновенные акции от 20 до 40%, а на привилегированные 6%. Стальной трест выдавал все время 7% на привил., и если не считать бездивидендных 1905 и 1906 г.г., то за 1901—1912 г.г. обыкновенные акции давали от 2 до 5%, при чем

5% за последние 3 года... В Германии дивиденды трех трестобразных обществ анилиновых красок (Badische Anilin, Elberfelder Farbwerk и Berliner Anilin) составляли в среднем за 1902—1911 г.г.: 259—300% и 196%! (См. I. Singer: «Das Land der Monopole», Berlin, 1913 г.).

Взглянув вскользь на историю стального треста с точки зрения своего „финансового капитала“, Гильфердинг увидел только одну сторону: махинации, связанные с движением фиктивного капитала, и оставил совершенно без внимания совершавшееся рядом с этим иное движение производительного капитала. Между тем именно последнее показывало степень развития общественных производительных сил, которые в своем движении рано или поздно должны вступить в конфликт с движением фиктивного капитала, выражающего частно-монопольные имущественные отношения.

4.

Комиссия по денежным трестам в С.-А. С. Штатах конца 1912 года установила, что 18 концернов, из них 6 частных банковских фирм—именно: Morgan, Kuhn-Loeb, Blair, Speyer, Kidder-Peabody, Lee Higginson—и 12 банковских институтов, при посредстве 180 членов фирм 746 наблюдательных постов в советах, контролируют 134 общества, — из них 41 банк; 31 железную дорогу и 28 производственных предприятий — с общей капитализированной (номинальной) суммой в 25 миллиардов долларов, при чем один Морган контролирует 10 миллиардов... Лишь 98 из этих наблюдательных постов падает на эти 28 индустриальных предприятий с капиталом в 3,9 миллиарда долларов. „Отсюда следует, — говорит И. Зингер, — что сплетение (Verquickung) Haute Finance с индустрией никоим образом не такое большое, как это можно было бы принять из колоссальных цифр...“

С целью выяснения отношения этих финансовых трестов к индустриальному капиталу С.-А. С. Штатов, мы, с своей стороны, приведем таблицу, показывающую число всех индустриальных предприятий, размеры капиталов их, число обществ (corporations), ценность производства и число служащих во всех предприятиях, и отдельно в обществах, в 14 главных группах индустрии за 1909, 1914 и, заодно, 1919 годы;

то же самое — в рудниках и каменоломнях, не входящих в эти группы, за 1909 и 1919 г.г. Данные взяты нами из «Abstract of 14 Census of U. S. A. 1920» (Depart. of Commerce, Bureau of the Census, Washington 1923):

Годы.	Число предприятий всех родов в 14 главных группах.	Из них корпораций.	Капитал в миллиардах долларов во всех предприятиях.	Ценность производства в миллиардах долларов	
				во всех предприятиях.	в корпорациях.
1909	268.491	69.501	18.4	20.7	16.3
1914	275.791	78.152	22.8	24.2	20.2
1919	290.105	91.517	44.5	62.4	54.7

Годы.	Число служащих в миллионах.		Число предприятий в рудниках и каменоломнях.	Капитал в миллионах долларов.	Ценность производства в миллионах долларов.	Наемн. служ. в тысячах.
	во всех предприятиях.	в корпорациях.				
1909	6.6	5.0	21.268	3.380	1.238	1.065
1914	7.0	5.6	—	—	—	—
1919	9.1	7.9	21.280	6.955	3.158	1.088

Если мы возьмем для 1912 г. средние данные за 1909 и 1914 г.г., то окажется, что капитал всех предприятий в 14 главнейших группах индустрии равнялся 20,6 млрд. дол., а с рудниками около 24 млрд дол. Контролировали эти денежные тресты фиктивный капитал индустриальных обществ¹⁾ на сумму 3,9 млрд. по номиналу (по курсу меньше, так как обыкновенные акции, вошедшие в эту сумму, котируются обычно ниже номинала). Эти денежные тресты, имея контрольные пакеты, владели, в смысле распоряжались, фиктивным капиталом, капиталом-собственностью.

¹⁾ Корпорации в громадном большинстве представляют акционерные предприятия. Таблица ясно показывает рост значения этих корпораций в национальной промышленности, все растущую концентрацию производства в них. На этих вопросах мы однако не можем здесь останавливаться.

28 индустриальных предприятий, но отнюдь не были единственными собственниками их. Так, в эти 3,9 млрд. фиктивного капитала вошел и Стальной трест со своим 1,5 млрд. бумажных ценностей по номиналу, между тем это общество насчитывало в начале 1911 года свыше 100 тысяч зарегистрированных собственников его привилегированных и обыкновенных акций, при чем около 90% этих собственников имели не более ста акций каждый.

Но контролировать фиктивный капитал еще не значит — как мы уже не раз подчеркивали — действительно контролировать-распоряжаться производством этих предприятий. Этот вопрос остался открытым и в комиссии. Что данные о денежных трестах ясно показывали, это „концентрацию контроля над деньгами и кредитом“ в руках немногих вождей — финансистов. Это и констатировало большинство комиссии. Денежные тресты сомненно влияли и на производство, и особенно на контролируемые ими железные дороги страны. Но это, повторяем, не есть контроль в смысле руководства и управления процессом производства.

5.

„Выгоды, которыми пользуется в Америке не большая группа крупных финансистов, — писал в 1913 г. Митчелль, — не ограничиваются лишь большими возможностями предвидения приближающихся перемен (в цикловом движении капитала: благодаря связям и средствам в их руках наиболее скорая, полная и точная информация; сейчас осведомляют всех спец. институты. А. Ф.-Е). Они в известной степени могут также контролировать события, которые предвидят; эта способность возникает, главным образом, благодаря возросшей централизации силы предоставления или сжатия кредита. С одной стороны, рѳс крупных корпораций сделал промышленные предприятия стратегического значения зависимыми больше от столичных рынков — денежных (ссудных) и ценных бумаг — чем от местных банков и инвесторов. С другой стороны, крупные банки, страховые общества и финансовые учреждения (investment houses), господствующие над финансовыми рынками Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Берлина, развили близкие

между собой отношения, и могут быть контролируемы несколькими небольшими группами финансистов... Этим людям дана поэтому большая мера власти над оказанием банковых ссуд (займов), выпуском (floating) новых бумаг и ценами обращающихся бон и акций. Эту власть они могут применить, если сочтут нужным, для напряжения сил, порождаемых просперитетом. Если они задерживают, например, значительные суммы денег, они уменьшают резервы банков и ускоряют этим сжатие кредитов (downward revision) с чего и начинается кризис. Если они блокируют корпорации с целью воздержания от проведения займа, необходимого для погашения срочных обязательств, то они принуждают к назначению конкурсных управлений, понижают цены акций и вызывают недоверие со всеми его дальнейшими последствиями...⁴⁾

„То немногое, что известно о внутренне-скрытых действиях „высоких финансов“, показывает, что свою силу они не применяют с той беспощадностью, в какой их подозревают. Несомненно, что многие крупные дельцы отступили бы от мысли произвольного усиления кризиса ради собственных целей (Маркс и Энгельс приводят как раз обратные примеры для Англии своего времени, А. Ф.-Е.). Более того финансисты, имеющие наибольшую силу над кредитом, часто сами сильно заинтересованы в индустриальных предприятиях и боятся потерять дивиденды в период депрессии, который последовал бы за кризисом. Третье препятствие это—владение долларом, как твердым мерилом ценности. Дельцы так привыкли считать доллар постоянным и приписывать все изменения в ценах колебаниям ценностей благ, что они неохотно идут на то, чтобы денежная прибыль была сделана не из изменения в общем уровне цен (а из изменения ценности денег. А. Ф.-Е.). Наконец, даже среди самых высоких финансовых кругов, централизация силы не зашла еще так далеко, чтобы гарантировать единодушное действие“¹⁾.

⁴⁾ «В Нью-Йорке, например, имеется несколько групп могучих финансистов; каждая группа, более или менее крепко сцементированная фамилными узлами и деловыми интересами, переживает время от времени перемены в персонале в своем престиже, но особенно в своих отношениях к другим подобным ей группам. Обычно каждая группа действует более или менее независимо, и

Эта длинная цитата из книги Митчелля „Business Cycles“ в высшей степени интересна. Перед нами экономист, который скорее склонен переоценивать влияние кредита на движение промышленного капитала. И что же он говорит о финансовом капитале, т. е. о владельцах и распорядителях крупнейшими денежными средствами в стране, где централизация этих средств достигла неслыханных размеров, что же он говорит нам о руководстве этими финансовыми магнатами национальным производством? Ничего. Он говорит о том, что финансовые магнаты, будучи лучше информированы о наступающих изменениях в конъюнктуре, могут использовать ее в своих финансовых интересах, оперируя опять-таки в какой сфере? В сфере производства? Нет, в сфере финансов, в сфере национального и интернационального кредита, оперируя как финансисты, а отнюдь не как промышленники. Ни о каком „слиянии“, „сращении“ функций промышленников и денежных капиталистов здесь нет речи. Здесь говорится о вмешательстве в национальное производство ради личных финансовых интересов.

Митчелль рассказывает нам, что на деле крупные финансовые дельцы действуют не так злостно, как можно было ожидать от них. Не будем копаться в истории происхождения американских миллиардеров. Спрашивается: чему приписать эту сравнительную совесть „высоких“ финансовых бандитов? Митчелль приписывает это отчасти тому, что они сами боятся пострадать от своих комбинаций. По этому поводу заметим, что и выступление крупных банков во время биржевых эпидемий в роли благотельных интервенционистов, — это можно было наблюдать в Зап. Европе; и у нас до революции, — тоже объяснялось тем, что эти коллективные финансисты, имея собственные бумаги и чужие в качестве обеспечения кредитов, боялись больше потерять от падения цен на них, чем выиграть на различных спекулятивных махинациях на понижение. Мы не говорим уже

часто одна группа ввязывается в жестокую борьбу с каким-нибудь соперником. Иногда эти споры вызывают тяжелое расстройство в деловом мире... В другое время недостаток согласованного действия — несчастный фактор, так как ослабляет контроль, который единичная сила может применить на финансовых рынках» (стр. 589—590).

о том, что депрессия на бирже отражается на комиссионных и эмиссионных заработках. Сколько бы ни говорили гг. экономисты о руководящей роли финансовых магнатов или банков, на деле ни смена фаз в промышленных циклах, ни продолжительность их не определяется их кредитными, вообще финансовыми операциями. Между тем, дивиденд-прибыль остается главным элементом ценности бумаг, а он-то и колеблется вместе с изменением фаз циклового движения индустриального капитала¹⁾. При том и состояние денежного—капитального—рынка зависит от этих фаз...

Митчель, далее, указывает, что сдерживающим злостные операции фактором является и заинтересованность финансистов в твердости доллара. Митчель здесь констатировал факт, сам не поняв всей глубины его значения. Финансовый мир своим тонким практическим нюхом чувствует вернее, чем большинство экономистов, особенно новейшей формации, сознает это своим теоретическим мышлением, что интересы всей денежно-кредитной системы, а тем более развитой, требуют сохранения устойчивости денег, этого абсолютного представителя ценности, олицетворяющего общественный характер богатства.

Устойчивые деньги это золотые деньги, и они база кредита. Митчель указывает, что этот задерживающий фактор отпадает по мере того, как „постоянные колебания в уровне цен постоянно показывают, что доллары—переменные единицы, из колебаний которых можно извлекать барыши“... „Перемен-

¹⁾ При подеме имеет место повышение дивидендов, растут и виды на повышение доходов от бумаг; и в нормальное время это преобладает над движением денежно-судного капитала. Но сильное стеснение на денежном рынке часто денежный кризис, и в фазе подема промышленного капитала может и действительно понижает курсы акций, в силу значительного повышения процента и выбрасывания бумаг на рынок для мобилизации. Мы остаемся здесь в стороне спекуляции в смысле игры, которая использует моменты подъема или понижения и усиливает их. Спекуляция у нас здесь, как элемент торговли бумагами и товарами. Но не только дивидендные бумаги зависят от циклового движения индустриального капитала. В период жестокой депрессии положение в бонн,—говорит Митчель,—увеличивается, в то время как спекуляция с акциями падает или слабо растет по сравнению с предыдущей бои. Когда дела оживляются, то увеличивается продажа как бонн, так и акций, но бонн скорее. Прежде чем просперитет достигает максимума, продажа бонн уменьшается, и то время как продажа акций продолжает восходящую извилистую прямую. Когда кризис приближается, продажа бонн падает быстро, между тем, как продажа акций падает медленно или даже увеличивается (принудительная А. Ф. Е.). Наблюдения ясно показывают, что эмиссия бумаг считается именно с условиями денежного рынка, и все их искусственно задерживается в выборе момента, а сила в возможности выждать момент и до этого спра-

ные единицы“ чего? Ценности или покупательной силы? Что покупательная сила денег меняется сдвижением фаз цикла, капиталисты и раньше видели, и это принималось ими во внимание в их калькуляциях с ценами, так как покупательная сила денег это ведь лишь иное выражение для уровня цен товаров. Ценность же денег,—нормальных, золотых,—в течение смены фаз цикла остается обычно постоянной, и устойчивость этого мерила ценности, денег, очень важна для капиталистического мира, базирующегося во всех своих расчетах на ценности, которая не есть схоластическое, выдуманное понятие, как это рисует себе вслед за стародавним Балли новомодный Кассель, а довольно реальное существо. И это потому, что ценность, чем чаще и острее становятся революции цен, тем более дает себя знать „автоматическим движением, действующим с силой элементарного естественного процесса по отношению к калькуляциям и предположениям отдельных капиталистов“. (Маркс II том „Капитала“).

Понятно поэтому, почему различные проекты „научных манипуляций“ с деньгами: будь то американца Ирв. Фишера или англичанина Кейнса—встречают довольно

встречают своим средствам, т. е. располагаемым ими без рынка, что конечно могут лишь крупные финансисты. На этом-то и построена система синдикатов для финансирования. Совершенно ясно, что положение иное, когда кривая биржи идет вверх и продавец бумаг диктует цены и—когда вниз, и покупатель хозяин положения, когда на денежном рынке свободно и когда он стеснен. Синдикаты банков и финансовые магнаты могут влиять на биржу в отдельных случаях, но не тогда, когда движение носит массовый характер...

Чтобы покончить здесь с пресловутым названием роли биржи и с зависимостью экономической конъюнктуры от банков, приведем еще следующий пример. В 1913 году капиталистический мир на Западе переживал депрессию; это сказалось на движении денежного рынка, на состоянии бирж, эмиссии и проч., как в Германии и Англии, так и в С.-А. С. Штатах. И вот что мы читаем насчет эмиссионной деятельности дивидендных бумаг в Германии в обзоре этого года в „Conrad's Jahrbücher“ (47 Band, III Heft—1914). Сократился прежде всего выпуск иностранных акций, который в 1912 году был очень высок и преизобил таковой даже высоко конъюнктурного 1899 г. Эмиссия ограничилась главным образом увеличением капитала в некоторых крупных индустриальных обществах, именно в электрических и в нескольких транспортных обществах. „Это развитие ясно указывает влияние конъюнктуры. В то же время оно показывает, что банкам, при сильном удорожании денег и неблагоприятных биржевых обстоятельствах, стало труднее прервать краткосрочные кредиты, оказанные индустрии, в акции и облигации... Банки сами, в виду тяжелых обстоятельств на капитальном рынке, должны были в общем воздержаться от увеличения своих собственных средств“ (стр. 963). И здесь, таким образом, признается факт зависимости и германских банков от биржи, последней в свою очередь от промышленной конъюнктуры, а не от кредитной политики банков, которая по Миласу. Шунпетеру, Гану и др. может делать экономическую погоду, т. е. конъюнктуру.

холодный прием среди капиталистов старого и нового мира. И это тем более, что и американцы основательно обожглись на спекуляциях с чужими и инфляционными деньгами...

Что же касается контроля финансистов над кредитом, то опять-таки опыт особенно послевоенного времени показал и американцам, что за инфляцией кредита, сопровождающейся безумными спекуляциями,—в первые три четверти 1919 года С.-А. С. Ш. представляли сплошной игорный дом,—следует дефляция его, и это не по желанию тех или других кругов, а в силу железной необходимости, и тогда после кутежа наступает похмелье и для г.г. магнатов капитала. Анализ движения американского капитализма за время после войны показывает, что кредит, и в частности банковый, шел за движением промышленного капитала и товарных цен, и с запаздыванием (проф. Friday), и руководить ими уже и поэтому не мог¹⁾.

¹⁾ Ряд американских экономистов указывал на то, что кризис 1920/21 г.г. не был бы так жесток в С. Ш., если бы была место своевременная дефляция кредита; поздно, мол, выступил Reserve Board с повышением процентных ставок. Данные, однако, доказывают, что Reserve Board повысил процент осенью 1919 года, а промышленный бум продолжался до весны 1920 г., когда перелом в ценах на мировом рынке показал, что имелось дело о Scheinkonjunktur или по английски *phant prosperity*, т. е. с видимым, а не настоящим перспективитом. И то же время банки подождали в С. Ш. расширить свои кредиты до осени 1920 года (см. доклад W. M. Peterson на 34 съезде американских экономистов в декабре 1921 года: «Crisis of 1920 in the U. S. A»). Так как теория управления движением промышленного капитала путем регулирования денежного теперь в моде не только у американцев, но и на континенте, то приведем здесь довольно дельные возражения, сделанные Касселем и английским «The Economist» в Banking Number от 21 октября 1922, в статье: «Bank figures and policy». Кассель в своей книге: «Money and Foreign Exchange after 1914» надется, что можно обеспечить большую устойчивость оптовых цен тем, что он называет «новым законом правильной банковской политики». Регулируя процент, мы определяем размер банковского кредита и движение цен. Но политика, исключающая силу только в нормальное время (мы и это отрицаем А. Ф.-Е.), как-раз терпит крушение в то время, когда она больше всего нужна, и опыт последнего ненормального времени показал, что влияние официальных ставок на увеличение и сокращение кредита несомненно очень слабо,—если вообще может быть доказано, что оно имело эффект. Великий банкир, что банковские ставки были подняты в ноябре 1919 года, а движение цен вверх продолжалось до марта 1920 года и затем сменилось двумя годами падения в то время, как сокращение банковского кредита только теперь началось. Очень может быть, что падение цен весной 1920 г. было психологическим результатом предшествовавшего несколько месяцев повышения ставок. Но если бы это даже и было так, то оно произошло не вследствие сокращения банковских кредитов, ибо они продолжали расширяться долгое время спустя. Любопытны и следующие данные: за год с 23 VI-1921 г. до июля 1922 г., ставки в Англии упали с 6 до 3½% и было значительное сокращение банковых кредитов (на 30,2 миллиона фунт. ст.), а повышение цен blasts своим отсутствием... Прекрасная теория!

VIII.

Банковский капитал на внешнем рынке.

(Роль иностранного банкового капитала).

1.

Банковский капитал действует, как известно, не только внутри данной страны, но и в сфере международных ее отношений. И вот в этой-то последней сфере большинство исследователей, в том числе и Ейдельс, и Риссер, и Ад. Вебер и др., выдвигает роль банков на первый план и представляют их не только в качестве функционеров денежного капитала и кредита, но и как промышленников и купцов. Здесь банковый капитал оказывается у них соединенным с индустриальным; по Гильфердингу это „слитие“; здесь, значит, мы имеем сферу действия финансового капитала в его смысле. И это относится как к французским и бельгийским *banques d'affaires*, так и к австрийским и германским смешанным банкам, да и к другим банковым учреждениям и других стран...

Немецкие экономисты в качестве иллюстрации такой деятельности банкового капитала обычно приводят предпринимательскую деятельность Deutsche Bank в нефтяном деле. Недавно еще, в связи с объединением двух крупных нефтяных обществ, оставшихся после войны у Deutsche Bank и Discantgesellschaft, газета „Vorwärts“, вспоминая историю германской нефтяной индустрии, писала: „Эта одна из интереснейших глав германского финансового капитала... Двадцатилетняя (до войны) учредительская деятельность Deutsche Bank, которая по своей разносторонности и единственному в своем роде развитию, как в техни-

ческим, так и в коммерческих отношениях, не нашла себе равной, представляла попытку сломать европейскую монополию Standard Oil Co, т. е. Рокфеллеровский трест“ („Erdölkonzentration und ihre Geschichte“, № от 20 сентября 1925 года)...

Мы все-же придерживаемся того взгляда, что и в международных отношениях соединение функций банкового и индустриального капитала в одном лице, здесь ассоциированном денежном капиталисте, банке, не есть тенденция развития капитализма. Поскольку соединение функций банкира и промышленника или купца имеет здесь место, и не как единичное явление, оно и здесь — временное, переходное явление: движение капитала и за границей ведет в конце концов к отделению деятельности приносящего процент капитала, в денежной и фиктивной формах, от индустриального. И в международных отношениях банковый капитал, вообще денежный, видит свое назначение в развитии преимущественно финансовых, в нашем смысле, операций, а не индустриальных. Постараемся доказать правильность этой точки зрения. Так как и в данном вопросе Ейдельс является лучшим теоретическим выразителем противоположного нам взгляда, то мы его прежде всего и разберем.

„Три момента важны при внедрении крупных банков в иностранную индустрию: 1) Собственная инициатива и собственная сила, с которыми банки выступают вперед. 2) Конкуренция между банками, с которой и начинается вступление в чужую область, которой оно отчасти было вызвано, и сближение банков во время их действия.... 3) Способ действия: как банк здесь учреждает общество, увеличивает существующие и при этом участвует, принимает... как банк в короткое время приводит в движение все необходимые индустрии силы технического, финансового и торгового свойства и таким путем, какой едва удался бы индустриальному предприятию или меньшей финансовой силе...“ Способность крупного банка выполнить в совершенстве все необходимые функции индустриального учреждения доказана на деле, — заявляет Ейдельс. В этой способности и мы не сомневаемся. Мы охотно допускаем, что функции промышленника или купца может в случае необходимости, или в известных условиях,

с успехом выполнить любой крупный банк, а не только Deutsche Bank, и в любой отрасли, а не только в нефтяной. Но не в этом дело, а в том, является ли это необходимостью и правилом в капиталистическом хозяйстве. Да, это правило, отвечает нам и Ейдельс; это именно и наблюдается в деятельности банков за границей и потому, что роль банков там иная, чем внутри страны. Послушаем, как он аргументирует это.

„Помещение свободных денежных средств за границу для более выгодного их увеличения, как оно выражается и во взятии на себя иностранных займов, и в участии в индустриальных предприятиях, является более самостоятельным спонтанейшим помещением капитала, чем посредничество капиталами, которое банк выполняет внутри страны. Здесь существуют индустрии, которые нуждаются в поддержке своих денежных и кредитных дел и в предоставлении им капитала для возможного увеличения их предприятий, которые, однако, в подавляющем своем числе состоят из прочно укрепившихся и медленно возросших предприятий. За границей же предприятия должны или быстро создаваться, или быть переведенными во владение иностранного капитала. В первом случае центр тяжести в содействии при помощи кредитного и капитального посредничества, во втором — в самостоятельном помещении капитала; там — индустриальным предприятиям, здесь — финансовыми кругами; там банк постепенно расставляет сеть вокруг индустрии, здесь с самого начала господствует над предметом планомерно им созданным. Инициатива, с какой банк выступает, способ, каким он вступает в сношения с индустриальным предприятием, и результат, к которому ведет его отношение к индустрии, должны быть поэтому в обоих случаях различны. В индустриальной деятельности банков за границей существуют, таким образом, условия, которых нет во внутренних индустриальных отношениях“ (стр. 197).

Остановимся на этих рассуждениях. Известно, что чем развитее страна капиталистически, тем больше она выступает на мировом рынке в роли поставщика капитала в виде ли приносящего процент капитала или производителя, приносящего прибыль. Одни страны поставляют больше в одной форме, другие в другой. Так, до войны

Франция торговала больше денежным капиталом. Были у нее и посредники в этой торговле (Швейцария). Ссуда денежного капитала, не только в виде государственных займов, а непосредственно и на торгово-промышленные цели это спутник капитализма с дней его юности. Напомним роль голландского денежного капитала в развитии английской индустрии, английского—в развитии германской и американской. Эта поставка ссудно-денежного капитала, или иначе кредитование краткосрочное и долгосрочное, сопровождалась и сопровождается обычно и вывозом товаров из стран кредиторов как фабрикатов, так и средств производства, что, конечно, выгодно их индустрии. И поскольку банки участвовали в размещении иностранных государственных займов, они этим могли содействовать и индустрии своей страны, которой перепала часть этих займов, иногда и львиная, в виде заказов. Банки помогали индустрии, выполняя международные платежные функции, а также кредитуя экспорт фабрикатов или импорт сырья. Но кроме экспорта ссудного шел экспорт производительного, в смысле приносящего прибыль, капитала, и это на первых порах для помещения в транспорт, торговлю и банковское дело. И в этом банки, принимали живое участие. Однако, во всех этих случаях они ясно оставались в роли кредитных учреждений.

Вейдельс сам указывает, что роль германских банков, принимавших участие в железнодорожном строительстве различных стран, различная по своему значению в С.-А. С. Штатах или в Румынии, сводилась все более к роли простых денежных займодавцев по мере того, как происходило огосударствление этих дорог, как, например, в России, Швейцарии или Румынии, или страна становилась более крепкой капиталистически, как С.-А. С. Штаты. На этой стадии ясно, что центр тяжести финансовых операций банков лежал именно в выгодном помещении капиталов в иностранные бумаги; и в этом отношении облигации русских железных дорог были сильно любимы немцами.

Но нас интересует та стадия капитализма, когда банки участвуют в создании и развитии промышленных предприятий за границей, тем, что сами или через посредство финансовых обществ участвуют в учреждении, расши-

рении, слиянии, преобразовании и пр. таких предприятий или помогают в этом индустриальным предприятиям своей страны. Банки могут содействовать созданию или расширению индустриальных предприятий за границей путем доставки лишь денежных средств прямо или косвенно, т. е. из имеющихся в их распоряжении средств или путем обращения к открытому рынку—эмиссией акций или облигаций. Они могут взять на себя и предпринимательские функции. История, однако, показывает, что и в Германии банки вступили на путь индустриальной иностранной политики лишь тогда, когда она стала страной развитого промышленного капитализма. Этого не может отрицать ни один исследователь, и прямо говорят многие (укажем, например, на Ад. Вебера). И это уже должно было навести на мысль, что в международных отношениях капитала главенствующее значение на высшей стадии развития капитализма принадлежит не финансовому, а промышленному капиталу.

Если, — говорит Вейдельс, — дома промышленник более компетентен потому, что в центре стоят технические вопросы, в которых банк ничего не понимает, то за границей банк уже дома, имеет свои отделения, владеет международными платежными средствами и стоит, может-быть, в связи с правительством страны, благодаря взятому на себя займу. Все это верно; можно даже добавить с большой дозой вероятности, что германские банки, например, были у нас „в связи с правительством“ не столько благодаря займам, сколько—близости к воротилам наших банков и частным деловым сношениям с некоторыми из членов правительства и с придворной камарильей. Что германские банки при этом помогали и своим промышленникам, это допустимо. Да, „связи“ играют вообще большую роль в буржуазном мире, опять-таки и внутри Германии не менее, чем вне, на что слышатся жалобы особенно сейчас в германской периодической печати. Что ищущему за границей приложения индустриальному капиталу часто приходилось опираться на связи денежного капитала, это происходило уже потому, что иностранный капитал начинал повсюду орудовать прежде всего в сфере обращения, в качестве купеческого или ссудно-денежного капитала. И финансовый капитал выступает в отсталой стране пионером уже потому, что создать банки

и биржу и работать на поприще капитализации земельных доходов, как выражался Николай—он, легче, чем преобразовать само производство, превращать его в капиталистическое, на что указывал и Маркс именно на счет России.

Несомненно, что между условиями, в которых приходится действовать денежному и индустриальному капиталу внутри и вне данной страны, есть разница. Однако, то, что роль банков в грондерстве и участии в индустриальных предприятиях за границей отлична от их внутренней, объясняется в значительной степени тем, что стадия, пройденная банками внутри своей страны в области этих операций, еще продолжается у них в финансируемой ими бедной капиталами отсталой стране. Известно, что чем страна была слабее капиталами и в Западной Европе, тем большую роль в насаждении у нее крупной промышленности играли банки: в Австрии, например, больше чем в Германии...

2.

И в сфере международной деятельности банковского капитала есть разница между отношением колонии к метрополии и отношением двух крупных самостоятельных стран, из которых одна слабая индустриально привлекает иностранный капитал другой с целью развития собственной промышленности. И, наконец, отлично положение двух крупных капиталистических стран, из которых одна кредитруется у другой, более богатой денежным капиталом. Чтобы покончить с последним случаем, меньше нас здесь интересующим, укажем на отношение нынешней Англии к Германии. Несмотря на запрещение эмиссии иностранных займов на лондонском рынке, введенное в начале 1925 г., перенос — долгосрочный — английского капитала в среднюю Европу продолжался (Краткосрочное кредитование не находилось под запретом). И совершался этот перенос не прямо, а через посредство двух Investment Trusts, созданных в 1924 году для финансирования континента Европы. Согласно отчетам этих обществ, ими было за год инвестировано около 1,8 миллиона фунт. ст., при чем значительная часть капитала (около 650 тыс. в одном обществе) была истратена на покупку акций предприятий; были предоставлены также долгосрочные кредиты, обеспеченные и ипоте-

кой, ряду предприятий. Заработали эти общества за год изрядную сумму. На годовом собрании (2/IX 1925 г.) одного из этих обществ председатель прямо заявил, что если запрет иностранных займов будет снят, то его общество, „благодаря своим ценным связям в Лондоне и на континенте, будет в состоянии взять на себя финансирование хороших европейских бумаг и получать выгоды от их доходов“. И „Таймс“ — 27/VIII 1925 г. — писала, что „учредительство подобных обществ имеет своей целью извлечь выгоду из высоких процентных ставок в средней Европе...“ Ясно для всякого, что здесь английский финансовый капитал преследует финансовые цели, а отнюдь не руководство германской индустрией. Да это ему и не удалось бы...

Отношение стран кредиторов и должников, и не только самостоятельных и развитых стран, но и бедных и даже колоний, к странам-кредиторам, вовсе не такое безапелляционно беспомощное, как это рисуется нашим молодым экономистам. Противоречивые условия капиталистического мирового хозяйства таковы, что и в „нормальное“ время, т. е. довоенное, отнюдь не всегда было в интересах страны-кредитора получение обратно ссуженного, т. е. приносящего процент, капитала. Долгосрочные государственные займы обычно замерзают за границей, увеличиваясь еще на счет новых займов для уплаты %% по ним. Что же касается экспортного производительного капитала, то помещенный в индустрию за границей он в большинстве случаев там и оставался... Более того, он увеличивался за счет произведенной им там прибыли.

А. Лянсбург, подметив в последней книжке своего журнала целый ряд — далеко не все — противоречий в международном движении капитала, выставляет в качестве „поучительных“ тезисов, во-первых, что оказанный внутри кредит укрепляет, оказанный за границей ослабляет работающую на экспорт индустрию; во-вторых, что внутренний кредит обеспечивает все плоды достигнутого им промышленного успеха, внешний лишь часть. „Если, заканчивает он, —лучшие колонии внутренние, то лучшие индустриальные кредиты внутренние кредиты ¹⁾...“

¹⁾ „Die Gezetzmissigkeit der internationalen Kreditbeziehungen“, Die Bank, December 1925.

Лянсбург здесь выставляет односторонние положения об экспорте капитала, аналогичные тем, которые выдвигаются сплошь и рядом противниками импорта капитала на том-де основании, что иностранный капитал, какое бы приложение он ни получил, имеет паразитический характер. Лянсбург недостаточно оценивает то, что именно внутренняя противоречивость капиталистического хозяйства, невозможность приложить при данных условиях капитал внутри и побуждает искать колонии вне и оказывать внешний индустриальный кредит. С другой стороны, не видят, что именно недостаток капитала побуждает данную страну обратиться за помощью к загранице, если она не хочет остаться в роли зависимого придатка или двигаться, в лучшем случае, черепашьим шагом в то время, когда другие страны идут семимильными шагами.

Мы не можем здесь вдаваться подробно в теорию иностранного капитала. Это мы сделаем во втором томе нашего „Капитализма в России“. Заметим, однако: совершенно ошибочен взгляд, что империалистический монополистический капитализм в одних странах не совместим с развитием национального капитализма в других странах. При старой колониальной политике иностранный капитал оперировал преимущественно в сфере обращения, в сфере торговли, транспорта и кредита, разоряя аграрнокультурные страны и лишь в известных условиях медленно вызывая к жизни в них собственное капиталистическое производство. При новейшей же колониальной политике, свойственной империалистической стадии капитала, иностранный капитал действует в отсталых странах и в сфере производства, насаждая в них быстро крупную индустрию.

Казалось бы, что развертывающаяся на наших глазах борьба колоний и полукolonий за национальную экономическую независимость, имеющая своею опорой появление в них крупной индустрии, а с ней и промышленного пролетариата, должна была бы заставить задуматься и подобных экономистов. Но вся беда, что они настолько верят в теорию „слития“ приносящего процент капитала с производительным, производящим прибыль, в теорию единого финансового капитала, что не видят того, что как-раз разделение индустриального капитала на реальный и фиктивный,

что именно растущее отделение капитала-собственности от капитала-функции и делает развитие национального капитализма в империалистическую эпоху возможной. Эти „марксисты“, толкующие авторитетно о „денационализации“ промышленности в России в довоенное время, не имеют понятия о том, что Маркс писал во втором томе „Капитала“ именно в связи с раздвоением основного капитала:

„То обстоятельство, что средства производства прикреплены к месту, корнями прочно сидят в почве, указывает этой части основного капитала особую роль в экономике наций. Они не могут быть посланы за границу и не могут циркулировать на мировом рынке, как товары. Титулы на собственность на этот основной капитал могут меняться, он может быть продан и куплен, и постольку идеально циркулировать. Эти титулы могут даже циркулировать на чужих рынках, например, в форме акций. Но переменой лиц, которые являются собственниками этого вида основного капитала, не меняется отношение неподвижной, материально фиксированной, части богатства в данной стране к подвижной части его“ (стр. 133). Это раздвоение капитала и сделало столь легкой у нас после октябрьского переворота национализацию—здесь в двойном смысле—и иностранных предприятий. Интернациональные, империалистические, монополистические капиталисты остались со своим финансовым, фиктивным, капиталом, капиталом-собственностью на руках; страна же, национальное хозяйство, осталось с производительным капиталом, капиталом-функцией...

3.

Гильфердинг сам указывает, что „прямое участие во включении (в капиталистическую орбиту. А. Ф.-Е.) индустриально отсталых или слабее развившихся стран падает на долю тех, индустриальное развитие которых, поскольку оно касается технической и организаторской сторон, достигло высшей формы. К таким странам прежде всего принадлежат Германия и С.-А. С. Штаты, и во второй линии Англия и Бельгия. Другие страны со старым капиталистическим развитием экспортируют капитал больше в форме ссудного капитала, чем в форме развития фабрик. Это ведет к тому, что, например,

французский капитал, голландский и в большой степени и английский, становятся ссудным капиталом для индустрии под американским и германским руководством“ (стр. 422).

Итак, и по Гильфердингу, когда дело касается фактов, оказывается, что капитал большинства старых капиталистических стран действует на мировом рынке больше, как ссудо-денежный капитал; Германии же и С.-А. С. Штатов преимущественно, как индустриальный. Дело здесь не в классификации стран, которая несколько хромает, а в том, что и, по Гильфердингу, в мировом хозяйстве оказывается не слитие, а разделение функций денежно-ссудного и производительного капиталов, разделение труда между развитыми капиталистическими странами в экспорте капиталов, при чем страны-финансисты прислуживают странам промышленникам. Куда же делся пресловутый финансовый капитал, как слитие всех форм капитала в единую на высшей стадии развития капитализма во всякой стране?

Анализ экономических причин мировой войны привел нас в свое время (см. наши статьи в „Современном Мире“ за 1914—16 г.г.) к выводу, что основы, главные условия ее лежали в антагонизме мировых промышленных стран и что инициатором ее была мировая промышленная страна Германия; это конечно не исключает того, что непосредственные причины, обострившие положение, лежали в антагонистических международных интересах и отсталых стран. Вступление после этого в войну третьей мировой промышленной державы—С.-А. С. Штатов, а также многочисленные материалы экономического и политического характера, ставшие известными с тех пор, убеждают нас теперь еще больше в правильности точки зрения, что и в империалистическую эпоху гегемоном остался промышленный капитал, и что он, а не финансовый, т. е. приносящий процент, капитал, более его заинтересованный в сохранении интернациональных отношений, обострил в мировом хозяйстве противоречия до того, что они могли быть разрешены только насильственно—войной. ¹⁾ То, что „оздоровляющий“ кризис

¹⁾ В нашей литературе это верно подметил в своих, в общем теоретически поверхностных, но богатых фактическим материалом, книгах об империалистической войне М. Павлович. См. его работы „Империалистическая борьба за великие ж.-д. пути“, „Интернационал смерти“ и др.

может превратиться в катастрофу для европейского капитализма, этого буржуазия, конечно, не ожидала.

Война и еще более послевоенное время обострили сильнее всего именно противоречия, свойственные движению различных форм капитала; и производительный капитал—как мы это неоднократно указывали—лишь путем децимирования денежного мог выйти из тупика (см. наши книжки: „Современное мировое хозяйство“ 1920 г. и „Карл Маркс и новейший социализм“, изд. 1922 г.). Казалось, что после всех пережитых событий теория „слития“ различных форм капитала,—„единой формы капитала“, короче, Гильфердинговский „финансовый капитал“ похоронен навеки, на деле же он теперь особенно в почете. Повидимому, события в истории действительно повторяются дважды, и то, что в первый раз является трагедией, во второй становится фарсом (Гегель, Маркс).

IX.

Финансовый капитал в России.

1.

Перейдем теперь к рассмотрению, хотя бы вкратце, роли иностранного монополистического капитала в России, в деятельности которого „новейшие“ исследователи сделали у нас ряд „открытий“...

Мы слышали выше от Гильфердинга, что главное руководство иностранной индустрией в мировом хозяйстве принадлежало в первую декаду нынешнего столетия Германии и С.-А. С. Штатам, другие же страны помогали им больше денежно. Достаточно, однако, поверхностного взгляда на статистику нашего акционерного дела, чтобы увидеть, что роль С.-А. С. Штатов у нас до войны была сравнительно ничтожна; что же касается Германии, то она среди иностранных государств играла у нас главную роль в сфере обращения, именно во внешней торговле, была посредницей и в поставке нам иностранного денежного капитала в сферу производства, и именно в отраслях, в которых сама участвовала, превалировала в электрической и химической отраслях, но руководящей роли в нашей индустрии никоим образом не играла.

До 90-х годов, т. е. в первый, по Эйделссу, период иностранной деятельности германских банков, когда прилив иностранного капитала происходил у нас главным образом в железные дороги, большая часть займов были сделаны нами в Германии. Но любопытно, что в нашем „Главном железнодорожном обществе“,—основанном

в 1857 году,—в котором участвовали банкиры всех главнейших европейских стран, руководящая роль принадлежала знаменитому *Crédit Mobilier*, именно бр. Перейрам. Однако, способ строительства у нас железных дорог, где предпринимателями являлись частные общества, а государство не только снабжало их средствами, но брало на себя и риск по обеспечению их доходами, этот способ делал у нас эти общества зависимыми от государства. Внешняя политика, как это неоднократно указывали и Маркс и Энгельс, была долгое время сильной стороной самодержавия. Интересы экономические, и внутренние, большею частью приносились в жертву политическим. Постоянное вмешательство в хозяйство страны, опека над индустрией и транспортом, стремление к расширению казенного хозяйства и пр., входили как неотъемлемая часть в программу деспотического правительства. Но сила необходимости заставляла и это правительство в его же интересах создавать и выращивать русскую буржуазию (Энгельс). „Что в России, в силу обширности ее территории, национальную ассимиляцию, которой она уже частью охвачена, легче провести“, это признавал и Гильфердинг. Что национализация проводилась на деле, на это указывал и Б. Брандт в 1899—901 г.г. В своем обширном труде „Иностранные капиталы“, об этом писал и д-р Ишханьян в своей книге: „Die ausländische Elemente in der Russischen Volkswirtschaft“, изданной в 1913 году, подтверждая в этом отношении взгляд, высказанный нами в книге: „Современное хозяйство России“, изд. в 1911 г., хотя наша работа осталась ему, по видимому, неизвестной¹⁾.

Но обратимся ко второму периоду, начавшемуся в 90-х годах, когда по Эйделссу и другим экономистам германский банковский капитал и начал свою широкую индустриальную политику, а по Гильфердингу германский капитал играл руководящую роль в этой области в мировом хозяйстве.

¹⁾ Иностранному капиталу у нас мы посвящаем значительно измененную главу в готовящемся нами к печати II томе „Капитализма в России“, но взгляд наш на все возрастающее национализирование нашего довоенного капитализма остается без изменения.

Данные о России ¹⁾ показывают, что как раз в период расцвета „финансового“ капитала в Германии, в 1890—1910 г.г., она играла у нас в промышленности меньшую роль, чем Франция и Бельгия. Приток к нам капитала из последних стран обогнал германский именно в период нашего подъема 90-х годов; и во время подъема 1910—14 г.г. германский капитал опять-таки шел позади французского и английского. За период 1900—09 годов мы переживали застой; этого тепер никто не оспаривает, в свое же время нам пришлось это доказывать против многих. Приток иностранного капитала за этот период сократился; так, за 1894—1900 г.г.

¹⁾ П. В. Оль в своей работе: «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России», изд. 1925 г., дает следующую таблицу, которую мы приводим в сокращенном виде.

Иностранный капитал.
(в миллионах руб.)

Годы.	В е с ь.			В т о м ч и с л е:					
	Акцион.	Паевый.	Итого.	Франция.			Германия.		
				Акц.	Паев.	Итого.	Акц.	Паев.	Итого.
1880	91,5	5,7	97,2	26,8	4,6	31,4	29,8	—	29,8
1890	186,2	28,5	214,7	61,4	5,2	66,6	68,8	10,2	79,0
1900	761,9	149,1	911,0	210,1	16,0	226,1	197,4	21,9	219,3
1915	1939,3	266,6	2205,9	594,4	93,5	687,9	399,0	37,1	436,1

Годы.	В т о м ч и с л е:								
	Англии.			Бельгии.			С. Америка.		
	Акцион.	Паевый.	Итого.	Акц.	Паев.	Итого.	Акц.	Паев.	Итого.
1880	29,0	1,1	30,1	1,7	—	1,7	—	—	—
1890	29,8	5,5	35,3	17,1	7,5	24,6	2,3	—	2,3
1900	102,8	34,0	136,8	220,1	76,5	296,5	8,0	—	8,0
1915	491,5	43,9	535,4	230,4	88,3	318,7	114,0	—	114,0

сумма иностранных капиталов в России возросла, по Олю, с 210 до 911 миллионов, в 1909 г. она составила 1243 миллиона и в 1914 г. 2125 мил., т. е. за первые шесть лет она возросла на 343%, за следующие 9 лет на 36,4%, а за позднейшие пять лет на 71%. Ослабление роста иностранного капитала за 1901—09 г.г. видно и из того, что приток его в горно-промышленные предприятия, излюбленные его места, составил за это время 195,9 милл., а убыль 148 милл. рублей!

Обжегшись во время кризиса 1900—02 г.г., иностранный капитал насторожился, начал перестраиваться: в нашей индустрии начались процессы санирования, слияния, синдицирования, короче: проявился процесс централизации на почве существующих капиталов, пострадавших заметно ценностно. Кризис 1900—02 г.г. ударил сильно и по бирже, и по банкам. И хотя денежный капитал движется у нас самостоятельнее по отношению к индустрии, чем на Западе, и это именно в силу слабости нашего капиталистического производства и действия денежного капитала у нас в докапиталистических формах, тем не менее этот период застоя оказал свое действие и на наших банках, что видно из следующей таблицы.

Активы и пассивы наших акц. коммерческих банков ¹⁾.

На 1 января	1890	1893	1900	1909	1914	1916
Число банков	34	34	39	34	47	50

в миллионах руб.

Основной капитал	110,0	118,5	188,4	222,1	585,0	646,3
Вклады и текущие счета	230,1	285,4	547,9	976,8	2539,0	3931,1
Суды срочные и бессрочные под % бумага	163,7	192,2	274,5	286,5	998,0	1011,0
Ценные бумаги, принадлежащие банкам	37,0	55,2	108,6	114,1	314,9	690,4
Корреспондентские счета	122,9	150,0	281,9	418,4	1471,2	2346,2

¹⁾ Сводные данные «Комитета съездов акц. ком. банков». Петроград, 1917 г.

Иностранный капитал в акц. компаниях России ¹⁾.

(В миллионах руб.)

Весь иностранный основной капитал	179,4	201,1	664,1	988,7	1706,6	1939,3
Из них иностранного основного капитала в кредитных учреждениях	30,0	30,5 ²⁾	56,5	94,0 ²⁾	213,1 ²⁾	236,7
Весь иностранный облигационный капитал	18,9	35,9	117,8	198,6	259,5	266,6

Эти данные и более подробные, которых мы не приводим, показывают, что и банки за период промышленного застоя несколько перестроились, и в них имел место процесс централизации. За 1903—07 г.г. не появилось ни одного нового банка, и в то же время число банков сократилось за 1900—1909 г.г. с 39 до 31. Но стоило только начаться новому оживлению, как открылся ряд новых банков и в столицах, и в провинции: на 1/1—1914 г. число банков равняется уже 47 ³⁾. Данные ясно показывают, что деятельность наших банков за годы застоя, когда, по утверждению наших молодых исследователей, финансовый капитал—в гильфердинговском смысле—захватил у нас командные высоты, была слабой. Так, ценные бумаги, принадлежащие банкам, и ссуды срочные и бессрочные под %-%-ые бумаги показывают за 1900—08 г.г. определенный застой. Основные капиталы, стоявшие на месте в 1900—1905 г.г., мало изменились и за 1906—1908 г.г., а все собственные капиталы банков испытали за 1900—1905 г.г. уменьшение вследствие

¹⁾ См. П. В. Оль «Иностр. капиталы etc».

²⁾ Его же любезно предоставленные нам данные, до сих пор им не печатанные.

³⁾ Иной экономист увидит в централизации банков у нас в 1901—09 г.г. доказательство реконструкции их с целью «завладения руководством» индустрий. На это заметки, что даже в Германии, где банки были не чета нашим, были теснее, чем в других странах, связаны с индустрией, и там они вели и ведут свои дела согласно интересам банковского капитала, а не индустриального. Даже в тех случаях, когда концентрация банков—увеличение капитала, поглощение других банков—совершается под влиянием промышленности и в интересах расширения своего влияния на промышленность, и тогда этот процесс совершается и там в первую голову под углом и с точки зрения

сокращения запасных и прочих капиталов: с 275,2 милл. на 1/1—1900 г. они упали до 256,2 на 1/1—1903 г.; на 1/1—1906 г. они составили 272,7 милл. рублей. Слабо продвинулись за весь период и корреспондентские счета; в частности лоро, которые особенно в 1906 и 1907 г.г. были в застое. Но зато возросли депозиты, испытав значительные колебания во время войны и революции; это их увеличение стояло в связи с увеличением количества денег при застое промышленности и неурожаях. И слабая деятельность наших банков за этот период бросается особенно в глаза, если взглянуть на заметный рост тех же счетов за время подъема 1893—1899 г.г. и нового подъема 1910—1914 г.г. (Военный период с его инфляцией кредита и денег мы оставляем здесь в стороне).

2.

Было бы странно отрицать участие наших банков на протяжении 1890—1914 г.г. в грондерстве, акционировании предприятий, в санировании, слиянии и синдицировании акционерных предприятий, было бы странно отрицать и владение их отдельными промышленными предприятиями и даже группой их в той или иной отрасли—сахарной, цементной и пр.—далее их содействие патронируемым ими предприятиям не только в финансовом, но и в торговом

интересов банковского дела. Вся история таких выдающихся по своему влиянию на индустрию банков, как Deutsche Bank и Discontogesellschaft, история их соревнования, это показывает. Не редко личные интересы держателей крупных пакетов банковских акций превалировали над деловыми. Очень часто различного рода слияния и соединения бываюи и в силу тяжелого положения того или другого банка. Если бы и германские банки не были по существу своему кредитными учреждениями, то, конечно, Deutsche Bank, Discontogesellschaft, Darmstadter Bank не писали бы в своем официальном выступлении против сына Стиннеса: «Точка зрения, что задача германских банков поддерживать предприятия, находящиеся в стесненном положении все равно по какой причине, путем оказания им кредитов, несостоятельна. Не зачем подчеркивать, что если бы банки следовали этому взгляду, то они в короткое время подорвали бы полностью свой собственный кредит». Это верно. Самостоятельные кредитники à la директор Nahn,--а их и у нас расплодилось уйма,—слышат здесь и от практиков, что банки могут постольку оказывать кредит, поскольку сами его получают, а не из банковских пальцев.

отношении ¹⁾). Но что следует решительно отвергнуть, это „слитие“ у нас функций банковского капитала и индустриального, руководство банками нашей индустрией, распоряжение ею банковым капиталом, будь то нашим, или иностранным.

На основании не выдерживающих никакой критики статистических приемов и рассуждений утверждается теперь в нашей литературе, что „иностраный финансовый капитал распоряжался ³/₄ всей русской банковской системы“. Между тем, ни одно сведущее лицо не станет этого говорить ни об одном банке, исключая разве Русско-Азиатского; даже о Спб. Частном этого нельзя сказать, хотя большинство его акций и было в руках французов. Наши банки были в связи с иностранными, кредитовались у них и были постольку от них зависимы. Иностранные финансисты были также членами многих наших крупных банков и

¹⁾ И у нас, как и за границей, можно констатировать случаи вмешательства банков в самое предприятие, в его реорганизацию, и это обычно тогда, когда предприятие попадает в финансовую нужду. Но это аномальное, а не типичное явление. Были у нас случаи покупки банками предприятий с целью перепродажи их, но это уже были махинации с целью наживы господ правителей. Можно привести пример, когда крупный банк был у нас владельцем даже гостиницы на курорте, но смелно было бы на основании этого превращать банки в держателей гостиниц... В силу особой роли нашего Государственного банка, во время кризиса 1900—1902 г.г. попало «в казенную администрацию так много частных предприятий, что можно было бы составить целое министерство казенного управления частными предприятиями» писал тогда проф. Ходский в своем жур. «Народное хозяйство», (№ 7 1903 г.)...

В критике деятельности наших банков и биржи, которой были посвящены нами ряд работ до революции, мы естественно подчеркивали в первую голову отрицательные стороны этой деятельности, однако никогда не забывали и ее положительные стороны; мы только всегда указывали их действительную цену. То же самое и в книге: «Капитализм в России», изданной в 1925 г. Но апологию деятельности наших банков, мы предоставляли нашей буржуазной экономике, которая не скупилась на похвалы. Для примера достаточно привести цитату из брошюры проф. А. Зака: «Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности», вышедшей в начале 1914 г.: «Я не буду, — пишет А. Зак, — говорить здесь о колоссальном значении русских акционерных коммерческих банков, развивающих с грандиозной быстротой свои операции по финансированию нашей промышленности, ибо об этом беспорядном и общественном факте влияние распространяться» (стр. 65). Некоторые молодые экономисты — коммунисты думают, что открывают Америку, когда утверждают теперь нечто подобное.

постольку принимали участие в их делах ¹⁾). Но чего наши новейшие исследователи не знают—это не меньшей, а большей зависимости наших банков от государственного банка, т. е. от казны. Они не знают того, что именно в тяжелые времена этот последний был их главной опорой и защитой их и от нажимов иностранного финансового капитала ²⁾). Наши банки именно потому, что имели двух сюзеренов, могли в лице своих правлений и советов действовать самостоятельно, используя в своих интересах, смотря по обстоятельствам, то того, то другого, а то и обоих. И иностранцы-акционеры охотно шли на все, лишь бы им были обеспечены хорошие дивиденды...

¹⁾ Как мы отметили еще в «Современн. Хозяйстве России» в 1911 году, после кризиса 1900—02 г.г. иностранный капитал, экспортируемый с производительной целью, т. е. с целью принесения прибыли, предпочитал идти к нам в банки, что давало ему возможность использовать накопившиеся в них средства для финансирования и действовавших у нас иностранных промышленных и торговых предприятий. Но характерно, что приток иностранного капитала и в акционерный капитал банков усилился лишь с 1909 года, когда страна, благодаря повторным урожаям, заметно увеличила свои собственные денежные средства и меньше всего нуждалась в таком помещении иностранных средств.

Вот более подробная табличка собственного акционерного капитала наших банков, участия в нем иностранного капитала, всех капиталов наших банков и депозитов их:

	На 1 я в а р я . 1900	1903	1906	1909	1914
Основной капитал	188,4	185,8	193,6	222,1	585,0
В том числе иностранный капитал	56,5	60,0	67,0	94,0	213,1
Весь собственн. кап. (основ. + запасы и пр.)	275,2	256,2	272,7	312,0	836,5
Вклады и текущие счета	547,9	613,3	671,4	976,8	2539,3

²⁾ На 1 января 1914 г. размер открытых кредитов нашим кредитным учреждениям в государственном банке составил 611,4 милл. руб., из них 85% падало на коммерческие банки. Остаток по переучету и перезалогу в этих банках, показывающий размер задолженности в государственном банке, был на 1 января 1914 г.—334,7 милл. руб. Статья «корреспонденты в о с т р о», на которой числилась задолженность банков за границей, показывала в это же время 455,1 милл. руб., но сюда входят и другие банковские счета. Наши банки охотнее кредитовались у загранпечных потому, что это было выгоднее: процентные ставки ниже, но стоило только денежному рынку на Западе ухудшиться, как возрастали их требования к государственному банку.

С самым решительным видом заявляется теперь, что у нас накануне войны создалась „финансовая система“—по Гильфердингу—благодаря тому, что „иностранный банковый капитал, охватывая русские банки, получал в свое владение и распоряжение русскую промышленность“. „Антятовский банковский капитал становился монопольным вершителем судеб нашей крупной промышленности“ и т. д. (Н. Ванаг: „Финансовый капитал в России накануне мировой войны“. Москва, 1925 г.). „В руках банков у нас было 86% всей добычи нефти, 76,9% всей добычи каменного угля, 85,8% всей металлургии“—повторяет вслед за Ванагом доверчиво и М. Покровский. А между тем это ошибочно в корне.

Если бы даже данные Ванага о том, что акционерный капитал в нашей металлургической промышленности, находившийся в руках банков, составлял 87,9% всех акционерных капиталов, вложенных в эту отрасль, что в руках банков было 81,3% акционерного капитала, вложенного во всю русскую железную промышленность, 79,8% всех акционерных капиталов, вложенных в южные каменно-угольные предприятия и т. д., были бы верны, то это отнюдь еще не доказывало, что банковый капитал „распоряжался“ нашей металлургией в указанной степени, что банки „распоряжались“ всеми паровозостроительными заводами, 96% судостроительных, 68% прочих машиностроительных заводов, что он „монополизировал“ 60% всей нефти, 80% добычи меди и проч. и проч.¹⁾.

¹⁾ Это повторяется и в полной всякой галиматии рецензии некоего В. Богданова на мою книгу «Капитализм в России», в «Большевике» за ноябрь 1925 г. Мы совершенно не упоминали бы о ней, если бы она не появилось в распространенном органе. Развязно приписывается нам в этой «критике» взгляд о тождестве движения капитализма у нас на Западе, между тем, как начиная с «Очерков реалистического мировоззрения», изд. в 1903 г., мы не переставали указывать на отличительные черты в развитии капитализма у нас. Не внял же только князь Ленина «Различие капитализма в России» (2 изд.), но даже брошюры его «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (изд. 1923 г.; см. хотя бы ей 61-62 стр.) этот рсцензист объявляет мещанщеской ересью и народнической lamentацией подчеркиваемий нами регрессивный процесс в нашей деревне до революции 1905 г. Но зато он повторяет, как последнее слово науки, хотя бы теперь у нас басни о гигантском росте капитализма и о доминирующей роли финансового капитала у нас до мировой войны. Большой, повидимому, слез по истории своей собственной партии, он не выдал никогда и глава даже заключительной главы моей книги:

Быть собственником акций данного предприятия не значит еще, как мы указывали, распоряжаться реальным капиталом его, быть капиталистом функционером, управлять процессом производства и товарного обращения. Эту роль выполняют руководители синдикатов, трестов и отдельных промышленных и торговых предприятий; и это не одно и то же, что сами производительные капиталисты. Еще в 1836 г. Уге писал, — читаем мы у Маркса в III т. „Капитала“, — что „душой английской индустриальной системы являются managers, а не индустриальные капиталисты“. Это становилось все больше правилом и на континенте с развитием акционерного дела. Здесь действуют общественные функционеры от „управляющего до чернорабочего“, но в интересах частной собственности. И на высшей ступени капитализма монополия не устраняет всесильной конкуренции, — вопреки утверждениям Гильфердинга, — они продолжают существовать рядом; „организационные тенденции“ не „преодолевают анархии“; она продолжает в общем и целом господствовать: планомерность только частичная¹⁾. И ни о каком общественном контроле над всем процессом воспроизводства, тем более со стороны денежного — финансового — капитала, речи быть не может.

Но было бы неверно, если бы мы сказали, что наши банки были собственниками акционерного капитала в той или другой отрасли в указанных пропорциях. Мы поэтому сознательно сказали: имели на руках, — можно было бы употребить и слово „владели“ в смысле: было в их распоряжении — так как значительная часть представленных бан-

«Современное хозяйство России», вышедшей в 1911 г., и не появившись ровню ничего в предисловии к моей книге: «Капитализм в России» (1925 г.), он представляет меня как старого меньшевика, который пришел к большевистскому взгляду на октябрьский переворот! И т. д.

¹⁾ «Само собой понятно, — пишет Энгельс в одном примечании к III тому «Капитала» (1 часть 97 стр.), — что эксперименты (с картелями и трестами фабрикантов целых крупных сфер производства для регулирования его, а с эмити цен и прибылей) могут быть проведены лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая буря должна их опрокинуть и показать, что если производство нуждается в регулировании, то, конечно, не класс капиталистов призван это сделать».

ками на собрания акционеров бумаг отнюдь не им принадлежала а их клиентам. Мы видели выше,—и это относилось и к русским банкам,—что о связи банков с промышленностью можно судить главным образом по их регулярной кредитной работе с предприятиями, что эмиссия лишь временное явление, что по количеству представленных банком акций нельзя судить о доли его как собственника и еще меньше о степени его участия, да еще длительного, в индустриальном предприятии. Банки, как правило, идут на собрания акционерных промышленных предприятий, как кредитные учреждения, заинтересованные, как торговцы деньгами и бумагами, а не как промышленники. Нужно научиться самому читать банковские балансы, а не читать их как это делают некоторые молодые наши экономисты, по указке различных „биржевок“, бывших в значительной своей части на содержании, а то часто и шантажировавших банки и крупные акционерные предприятия накануне общих собраний...

Каким образом у наших банков оказывались крупные пакеты акций различных предприятий, видно из следующего сообщения, сделанного нам одним осведомленным долголетним банковским деятелем, пожелавшим быть неназванным.

Во время последнего подъема до войны группа лиц из высшей администрации наших крупных банков: Русско-Азиатского, Международного, Частного и Русско-Торгово-Промышленного, вместе с целым рядом подручных им крупных и мелких финансовых дельцов, биржевых маклеров и проч. организовали под лидерством Путилова довольно сплоченную компанию с целью постоянного образования банковских синдикатов по покупке и сбыту акций тех или других предприятий. Задача вождей этих банков состояла, однако, вовсе не в обогащении их банков, а прежде всего и главным образом себя самих. Облюбовав акции какого-нибудь предприятия, эти господа скупали их втайне через посредство своих людей и на средства, конечно, своих банков. И когда эта предварительная операция была закончена, они приступали к составлению официального синдиката из своих банков, которым и сплавляли приобретенные ими пакеты и, конечно, по повышенным ценам. Сливки,

таким образом, были сняты; при этом главари делились, обычно не скупясь, своими барышами со всей шайкой... (Синдикатские делишки числились в банках обычно на счетах лоро). Таким образом банки оказывались владельцами крупных пакетов акций различных предприятий, которые они, с своей стороны, старались сбыть с прибылью публике. Но это уж требовало вмешательства биржи, которая, как мы указывали, отнюдь не всегда послушна банкам. С целью приманки публики к той или другой бумаге пускались в ход различные средства как финансового, так и торгово-промышленного характера. На общие собрания банки шли развернутым фронтом, с размещенными между собой и даже среди своих служащих бумагами. И когда путем слияния, санирования или других преобразований, а также посредством заказов, полученных благодаря различным связям, удавалось поднять дивиденды или вызвать надежды на их поднятие и бумаги еще поднимались, их спускали... Лидеры, таким образом, всегда оставались в барыше, банки часто, но далеко не всегда, публика же, особенно провинциальная оставалась почти всегда в дураках. Заодно заметим, что эту банду—следует указать, что эта была главная, рядом с ней действовали и другие—связывала не только общность цели: обирание публики и банков... В силу того, что у нас один банк мог владеть акциями других (в С. А. С. Штатах, например, этого нет), создавалась зависимость одних банков от других. Путилов главенствовал и потому, что директора-распорядители некоторых других банков были или его ставленниками, или от него зависели. Были ли французы, главные акционеры Русско-Азиатского Банка, в лице своего представителя г. Верстрата, в курсе всех махинаций председателя правления этого банка Путилова, мой собеседник не знал, но сомневается, чтобы он все знал... Из сказанного видно, насколько по представленным на общих собраниях различных индустриальных предприятий банками акциям можно судить о „распоряжении“, „о руководстве“ ими индустрией.

3.

Никакого „слития“, никакого „сращения“ иностранного банковского, вообще приносящего процент, капитала с фун-

гирующим у нас производительным капиталом, как правило, не было. Иностраный финансовый капитал, в нашем смысле, распоряжался своим фиктивным капиталом, своим капиталом-собственностью, на денежных рынках и биржах Парижа, Лондона, Брюсселя, Берлина и, если хотите, Петербурга, но это не значит распоряжаться и руководить русским капиталистическим производством.

Совершенно неверно также утверждение, что монополистический капитал начал свою эру у нас после революции 1905 года: он действовал и до нее и сыграл свою роль в подготовке ее. В связи с кризисом 1900—1902 г.г., который столкнул наш капитал лицом к лицу с ослабленным внутренним рынком, промышленный капитал пошел у нас по линии наименьшего сопротивления, заключавшейся в использовании до крайних пределов существующего уже рынка, путем монополизирования его ограниченным кругом крупно-капиталистических предприятий. Тон задавала железная промышленность, став обеими ногами на путь синдицирования... (См. наше „Современ. хозяйство России“ изд. 1911 г.).

Централизационное течение в первую декаду 900-х г.г. у нас явилось результатом, главным образом, слабости нашего промышленного капитализма, узости нашего внутреннего рынка, а не следствием накопления капитала и результатом концентрации его. Концентрация и связанное с ней улучшение техники стояло в связи со свертыванием промышленности в те годы. „Централизация происходила посредством простого перераспределения существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала“. Происходила „централизация капитала без роста его абсолютной величины“ (Маркс, „Капитала том I“). Монополия у нас и создавалась на базисе такой централизации и связанной с ней концентрации.

Наши „новейшие“ исследователи это отрицают. В 90-х годах, утверждают они, шел определенный процесс концентрации производства, но он еще не достиг той высоты, когда она переходит в монополию. „Все зависит от перехода количества в качество, т. е. от размеров этой концентрации“, приводят они слова Ленина. Так, но когда же эти

размеры были у нас достигнуты? Во время застоя 1900—1908 г.г.? Вот тут-то и обнаруживается все ложное положение этих „новейших“ исследователей. Им приходится отрицать монополистическое движение у нашего капитала до революции 1905 года. Им приходится утверждать, что „количество перешло в качество“ во время застоя накопления, сочинять „гигантский рост“ нашего капитализма после этой революции и т. п.

То, что в организации нашего монополистического капитала принял участие развитой иностранной, то, что у нас при этом были пущены в ход совершеннейшие комбинаторские приемы, что приложил руку и иностранный и наш банковый капитал—это не изменяет характера нашего монополистического капитализма, определяемого условиями, в которых он работал. Насажение у нас в 70-х годах акционерных железнодорожных обществ, банков и других выспших ростков европейского капитализма—еще не превратило нашу страну в капиталистическую. Точно также и наш монополистический капитал в 900-х годах, несмотря на свои высокие формы, носил все же характер доимпериалистический. И в этом не было преимущества для страны; это доказывало ее капиталистическую отсталость и слабость...

В отличие от Запада, где денежный капитал был подчинен промышленному, у нас, в силу нашей отсталости,—как мы это постоянно в своих работах указывали—денежный капитал задавал тон. Связанный с Западом, организованный по последнему слову банковской техники, он оперировал больше в сфере обращения, и если банковый капитал вмешивался в производство, то в большинстве случаев ростовщически паразитарно.

Объективный анализ, а не тенденциозный, основанный на махинациях со статистикой, прикрываемых саморекламой о применении новых методологических приемов или использовании новых, а на деле ничего не стоящих архивных материалов,—что, к сожалению, можно встретить за последнее время в нашей экономической литературе,—показывает с несомненностью, что после циклового движения промышленного капитала в 1891—1900 г.г. мы за период 1901—1908 г.г. переживали застой, и это в то время, как

мировой капитал переживал новое мощное цикловое движение. С 1909 года мы, опираясь на внутренние средства, полученные от выгодной реализации на мировом рынке повторных — стихийных — урожаев, начали новый цикл движения, но он по темпу был вдвое слабее такового 90-х годов, и эта слабость тем более бросалась в глаза, что нам приходилось нагонять потерянное за период застоя. С 1900 по 1910 г. мировая добыча чугуна возросла на 60—62%, наша на 4,6%, с 1900 по 1913 г. мировая — на 92—95,8%, наша — на 59,4%. Это значит, что в 1910—1913 г.г. мы шли скорее мирового хозяйства в его целом, но все же не нагнали по терянному; мы продолжали отставать и значительно¹⁾...

Тем не менее создается легенда о гигантском ходе нашего капитализма до войны и утверждается вслед за проф. Гриневецким, что в этом гигантском подеме нашей промышленности сказались результаты аграрной реформы Сто-

¹⁾ Для иллюстрации новой методологии в статистике и экономике, применяемой некоторыми из наших молодых исследователей, укажем на следующее. Постановив себе задачу доказать «гигантский рост» нашего промышленного капитализма до войны, развитие в нем высшей ступени системы финансового капитала, и таким образом доказать объективную возможность перехода у нас до войны к государственному социализму. С этой целью сравниваются Россия и Германия, и чтобы показать более быстрый рост капитала у нас берется для России (с Финляндией) период 1909—1913 г.г. и сравнивается с однородным периодом 1896—1900 г.г., а для Германии берется тот же перевод 1909—1913 г.г., но сравнивается с однородным 1903—1907 г.г. и выходит, что у нас добыча чугуна возросла за это время на 62%, в Германии же на 42%! (Г. Меерсон: «Подъем рус. промысл. etc» В. К. А. № 12. 1925 стр. 139 и др.). В одном случае берется промежуток времени в тринадцать лет, в другом шесть, и на том основании, что у нас во время 1901—1909 г.г. не было однородного периода для сравнения: мы пережили выстой! Но тогда нужно было сравнивать и у Германии 1909—1913 г.г. с периодом 1896—1900 г.г. который был и для нее однородным... Умалчивается о том, что в Германии за 1903—1907 г.г. добыча чугуна возросла на 55 процентов, в С. Штатах на 45%, а у нас ровным счетом нуль, и в то же самое время громко провозглашается, что «мы в 1909—1913 г.г. стояли на первом месте по темпу промышленного развития», так как у нас за эти годы добыча чугуна возросла на 57%, в Германии на 48%, а в С. Штатах на 20%. Нам незачем напоминать о том, что по темпу роста нельзя судить о самых размерах роста. Но если даже держаться темпа, то выйдет, что добыча чугуна у нас в 1909—1913 г.г. возросла на 53%, а в 1896—1900 г.г. на 103%, т. е. темп роста упал почти вдвое...

лыпина (М. Покровский). Но языки все-таки перемешались у новейших исследователей—старых и молодых. Казалось бы: раз замешался Столыпин, то можно было ожидать дальнейших разговоров о развитии национального хозяйства, национального капитализма. Но громко кричащие молодые исследователи-денационализаторы, и старик М. Покровский колеблется: он то национализатор, то денационализатор¹⁾.

4.

Курьезное впечатление производят наши молодые из ранних исследователи своим открытием, что об иностранном капитале у нас нельзя судить только по числившимся иностранным предприятиям. Это знали официальные и неофициальные экономисты, подвизавшиеся в периодической печати министерства финансов, не хуже сотрудников различных „биржевок“, на которых так любят ссылаться эти „молодые“. И в объяснительной записке к росписи на 1915 г.,— как известно, коллективном труде чиновников различных ведомств—можно прочесть, что накануне войны в торгово-промышленные акционерные предприятия было помещено у нас около 4 миллиардов рублей, в том числе 587 м. р. в иностранные общества. Но тут же указывается, что иностранные капиталы вложены во многие предприятия, действующие на основании русских уставов. Так, в течение 1909—12 г.г. увеличение капитала русских обществ составило свыше 850 м. р., при чем из них около 320 м. р. было

¹⁾ В «Очерках истории русской культуры» М. Покровский толкует национализацию русского капитализма в смысле независимости его от парского казначейства. «Русская буржуазия стала экономически, а стало-быть и политически, независима внутри, но зато она все более входила в шеренгу европейского капитализма». Верно, что русская буржуазия снижалась все более с Западом, но это отнюдь не означало денационализации капитализма. Что же касается зависимости от казны, то она оставалась до последних дней старого режима. И подъем промышленности 1910—1914 г.г. объясняется не только стихийно появившимися урожаями, но и помощью казны: железнодорожным стропительством, средства на которое доставались при помощи правительств; судостроительная программа и проч. Все это, конечно, несколько не мешало нашей буржуазии становиться все сильнее внутри, использовать государственную машину в своих интересах, и во время войны промышленная буржуазия стала, как известно, у нас вождем либеральной буржуазии.

реализовано за границей; „в 1913 году наблюдалось приблизительно такое же соотношение“. Но чего не видят наши „молодые“, а знали чиновники, это то, что реализованные за границей акции сбывались с течением времени обратно в Россию. Об этом умалчивается может-быть и потому, что тогда им пришлось бы признать и рост за последние десятилетия до войны внутреннего национального денежного рынка. А признав это, им трудно было бы свести концы с концами в теории денационализации нашего капитализма и господства в нем иностранного денежного капитала. И вот объявляется не имеющим никакого значения значительный рост денежных средств—вкладов, текущих счетов и сбережений—в наших кредитных учреждениях, совершенно игнорируется, а может-быть просто не знают, ослабление именно в пятилетие до войны зависимости нашего денежного рынка от иностранных и в сфере краткосрочного кредита (что проявилось и в движении официальных процентных ставок: осенью 1910 г. они стояли у нас ниже германской и английской, а девальвация денег у нас в 1912 г. внушала опасения даже отлива денежных капиталов за границу). Совершенно не придается, далее, значения тому факту, что за 1909—1913 г.г. при общей сумме выпуска бумаг в 5,6 миллиарда только 1,7 миллиарда было реализовано за границей. Умалчивается тот факт, что из всех видов выпущенных бумаг, включая сюда и бумаги кредитных учреждений, и промышленных предприятий, и железных дорог и др. только эмиссии железнодорожные реализовались большею частью за границей: так, за 1908—1912 г.г. из 5,2 миллиарда выпущенных ценностей было реализовано за границей 1,5 миллиарда, железнодорожных же бумаг было выпущено 728 мил. р., из них за границей 558 мил. р. (см. Стат. Ежегодник за 1914 г. изд. Совета Съездов представителей промышленности). Наоборот, наши заграничные железнодорожные займы выдвигаются, как доказательство все растущего господства у нас иностранного банкового капитала. Так пишется история! Но это не все.

В доказательство денационализации нашего капитализма, господства у нас интернационального финансового капитала, определявшего и нашу внешнюю политику, приводятся найденные в архивах данные, что французская

биржа ставила накануне войны условием реализации наших железнодорожных займов постройку стратегических дорог. Что же это: новость, что при предоставлении нашему правительству займов иностранные финансисты ставили, и не без влияния своих правительств, различные политические условия не только внешние, но и внутренние? Весной 1906 г. при выпуске контр-революционного крупного займа вся иностранная печать трубила о том, что были выставлены требования, чтобы финансы у нас были поставлены под контроль Думы. Но „требования и обещания“ это одно, а исполнение—другое; последнее зависит от международного соотношения сил и не только экономических...

Что империалистический иностранный капитал, давая займы, ставил политические условия, и не только российскому правительству, это было очень хорошо известно довоенной экономической литературе. Так, в „Банковой Энциклопедии“, изд. в 1914 г., в статье Eug. Kaufmann'a о французских банках можно было прочесть следующее: „Воззрение, что реализация иностранных займов не должна рассматриваться исключительно с народно-хозяйственной точки зрения, а является средством для приобретения политического влияния, при помощи которого можно достигать тех же политических выгод, какие раньше получались при помощи военных предприятий, ни в одном государстве, кроме Англии, не проводится на практике с такой силой, как с недавних лет во Франции“.

Однако, между русским правительством и, скажем, турецким все же была разница в том, что оно пошло на „авантюру мировой войны на поводу“ у антантовского капитала (М. Покровский) добровольно, а не как турецкое нехотя, по указке германского капитала, предоставившего ему накануне войны заем, в котором ему было отказано во Франции, считавшейся с Россией... Что в суждении об отношении нашего правительства к иностранным биржам требуется осторожность, а не рубка с плеча, видно и из следующей цитаты из статьи д-ра Luff'a, появившейся в июне 1913 г. в „Die Bank“. „Россия изучила внутренние слабости могучих бирж, их неустойчивость и зависимость от настроения, механизм их движения. Она познала, что даже

ее слабое само по себе положение может стать сильным и даже доминирующим, если она обеспечит себе большое непосредственное влияние на денежном рынке; она познала, как можно приобрести дружбу крупных банков, именно тем, что им предоставляются деньги хотя бы в виде текущих счетов до востребования. Она познала, как путем агентурной сети в различных важнейших биржевых местах за границей, которая руководится и информируется из одного центра, можно влиять на настроение бирж. Если России удавалось всегда получать все новые миллиарды на сносных условиях и поддерживать свои займы на сравнительно высоком курсе, то этим она обязана была своей традиционной, очень искусной, внешней денежной и биржевой политике". Здесь многое пересолено, но наши новейшие исследователи пересаливают в другую сторону еще больше...

Беспристрастный анализ должен показать всякому исследователю совершенную ошибочность взгляда, что „накануне войны империалистической, франко-английский и в некоторой степени германский финансовый капитал монополизировал“, и тем самым денационализировал, русскую промышленность, распоряжаясь и руководя главными отраслями нашего производства (Ванаг, Галицкий и др.). Нет данных и для утверждения, что в период после революции 1905 года промышленный капитал у нас, „сражаясь с банковым капиталом и быстро развиваясь, достигает в последний период под'ема до войны высшей стадии и становится системой финансового капитала“. Контроль и распоряжение финансовым капиталом и управление индустриальным, как мы уже неоднократно подчеркивали, вещи различные. И в развитых капиталистических странах, где промышленный капитал достиг высших организационных форм, и там он, вопреки Гильфердингу и его ученикам, не руководится, не направляется и не регулируется банковым, финансовым капиталом, но лишь эксплуатируется в своих частных интересах монополистическим капиталом, промышленным и финансовым¹⁾. Действительный контроль над про-

¹⁾ Любителям архивных данных мы рекомендуем характеристику руководителей финансового капитала во Франции, данную Кокондесом в записке комитету финансов в начале 1906 г. (см. «Красный архив» т. III (X), 1925 г.).

изводством может быть только непосредственный общественный. Тем ошибочнее говорить о руководстве, о распоряжении капиталистической промышленностью в стране, где оперировали скопом и врассыпную отсталые формы капитала, где царили в деревне докапиталистические отношения и где экономический процесс во всем его целом шел примитивно стихийно.

Приспособление интернационального капитала к условиям и потребностям данной страны означает экономически национализацию его. А „самобытные“ политические и экономические условия, в которых приходилось действовать, к которым приходилось приспособляться интернациональному капиталу в интересах своего самосохранения, были у нас настолько сильны, что ему приходилось плясать под чужую дудку больше, чем под свою. Из всех иностранных капиталов империалистический германский сохранял больше всего свое лицо как в сфере обращения, так и производства¹⁾. И все же капитализм в России, и особенно в сфере движения денежного капитала, носил несомненно национальный характер. Что это так, иллюстрируется и следующим эпизодом и из истории нашего банкового дела.

Как-раз во время войны, когда, казалось бы, антантовский капитал должен был совсем заполнить Россию, — что старался в самых мрачных красках нарисовать старик Луио Брентано в 1918 году в своей брошюре: «Russland der Kranke Mann», — когда, казалось бы, банковый капитал, который, по уверению „новейших“ наших исследователей, так еростился „к кануну войны с нашим индустриальным, что у нас создавалась система финансового капитала“ в Гиль-

¹⁾ Что между капиталами различных стран, помещенными в нашей индустрии, существовало известное разделение труда, что они специализировались у нас на различных отраслях, это известно. Так, англичане шли преимущественно в нефтяные и золотопромышленные предприятия, французы и бельгийцы в горную и металлургическую промышленность, немцы в хлопчатобумажную, электрическую и химическую. Из иностранных капиталов германский носил у нас наиболее выраженный колониальный характер и по системе организации отделений, функционирующих у него на родине предприятий, и по стремлению к захвату наиболее прибыльных существующих и уже отраслей крупной промышленности, и по добыче сырья — руды — с целью вывоза...

фердинговском смысле, когда, казалось бы, согласно схеме этих исследователей, банковый капитал должен был в первую голову находиться в монопольном владении и распоряжении антантовского капитала, как раз в это время — в конце 1916 и в начале 1917 г. — три россиянина: елабужский купец-миллионер Стахеев со своим приказчиком Батолиным и рыцарь кредита киевский сахарозаводчик Ярошинский завладели крупнейшими нашими банками: первые два Волжско-Камским и Спб. Соединенным, последний — Русским для Внешней Торговли, Международным, Русским Торгово-Промышленным и Киевским Частным Коммерческим. И это с какой целью? С целью руководства нашей промышленностью? О нет, просто, чтобы по примеру своих предшественников грабить эти банки.

5.

История наших банков вовсе не входит в программу наших работ. В наших руках нет и необходимых материалов: ценные архи-секретные архивы банков, повидимому, пропали. Но если писать историю их, то во всяком случае не по „биржевкам“. История наших банков заслуживает самого серьезного внимания. Если даже не копаться в ней, а лишь поверхностно коснуться истории некоторых наших крупных банков, то окажется, что эта история не только грабежа, но и более серьезных преступлений...

Наши руководители крупных банков вместе с различными биржевыми маклерами и аферистами мелкими банкирами, прямо или через посредство „темных лиц“, безусловно сильно влияли на высший аппарат нашего государственного правительственного механизма. Не Распутин правил последние годы самодержавия, как это представляет и М. Покровский: он был орудием и в руках нашей плутократии, что поиял и дипломат Палеолог. Но не доказывает ли это роль финансового капитала у нас, скажут нам. Какого? спросим мы. Гильфердинговского, или денежного капитала, капитала, приносящего процент? Если последнего, что несомненно, то это об'яснялось нашей промышленной отсталостью. То, что у нас наблюдалось, свойственно и новой, и старой фи-

нансовой аристократии, которая, как Маркс о ней отзывался, одновременно и лакей, и господин коронованных особ...

Чтобы иллюстрировать всю ученическую наивность писания истории наших банков по „биржевым известиям“, как это сделал Ванаг, противопоставим его рассказам характеристику одного и краткую историю другого банка, слышанные нами от компетентных лиц.

Спб. Частный Банк стал с начала 90-х годов — он был старейшим нашим коммерческим банком, спекулятивным банком, — участвовал постоянно в различных учредительствах и эмиссиях и был посредником между различными русскими предприятиями и иностранными капиталистами. Но был ли он „достаточно компетентен для суждения о жизнеспособности тех дел“, которые синдикаты иностранных банков хотели финансировать, как заявил председатель правления этого банка на одном собрании своих акционеров, это более чем сомнительно. Этот банк то и дело попадал в грязные истории, нуждался постоянно в средствах и слыл у своих собратьев не под именем „Частного“, а „несчастливого“ банка. И этому — то банку, как представителю иностранного финансового капитала у нас, Ванаг отводит роль одного из вершителей судеб русской промышленности!

Другой банк, Русский Торгово-Промышленный, был учрежден в 1889 году преимущественно французами, имевшими виды на получение концессии по постройке сибирской железной дороги. Когда это улыбнулось, то он был сплавлен в начале 1893 года в русские руки. Сначала в руки довольно аферистических членов правления и совета прогоравшего тогда, и скоро прогоревшего, Российского Торгового и Коммерческого Банка, но затем в более чистые руки, что дало возможность поставить его на прочную ногу. В 1911 году произошел в нем переворот: банк переходит „в английские руки“, как это можно прочесть не только в „биржевках“, но и в более серьезных работах, например, у Оля. На деле же большинство акций этого банка были скуплены подставным лицом Путилова английским маклером и промогатором Криспом при пособничестве директора кредитной канцелярии Давыдова, этого „хранителя государственных интересов в сфере кредита“! Для обеспече-

ния же себе необходимого большинства на общих собраниях банка был произведен новый выпуск акций, что вовсе не требовалось интересами дела банка. Это не редко практиковалось в акционерном деле, что следовало бы также иметь в виду нашим исследователям, выдающим во всяком увеличении основного капитала наших банков показатель увеличения потребностей банков в средствах для „управления“ промышленностью...

Директором-распорядителем нового правления Петропари,—так назывался этот банк сокращенно,—был сделан ставленник Путилова некий Кон, а нежелательные солидные элементы должны были уйти из высшей администрации. И этот вассал верно служил своему сюзерену, предоставляя средства своего банка Путилову и Русско-Азиатскому Банку. Сам же Крипп заложил полученные им акции в английских банках.

Кто был этот господин, которого Ванг со слов „биржевки“ представляет крупным английским финансистом, видно из следующего эпизода. Когда с началом войны банки и окружающие их торговцы деньгами и бумагами оказались в Англии в тяжелом положении, то они обратились за помощью к своему правительству. Ходатайствовал и Крипп, ссылаясь на свою международную деятельность, но получил отказ. Когда в парламенте был сделан запрос по поводу таких случаев, то был получен ответ, что тем, кому следовало оказать содействие, это было сделано, а на вторичный вопрос, как различали дела тех или других лиц, был дан с правительственной скамьи ответ: по запаху...

В результате иммобилизации средств банка, из-за помещения их в различные аферы, банк в начале войны оказался в тяжелом положении, что вызвало самоубийство председателя правления этого банка Зурова. Пакет Криппа, благодаря связям заправил, перешел в залог к нашей кредитной канцелярии, и Путилов, подобрав опять свободно гулявшие акции банка, создал новое правление во главе с бывшим управляющим государственного банка Коншиным. Этот обнищавший отставной чиновник, войдя в банк в сопровождении очень сомнительной компании из захудалых титулованных господ в январе 1915 года, умудрился выйти из банка в конце 1916 года с состоянием в 12 мил-

лионов рублей, передав путем темных кредитных операций банк в руки новой компании „бандитов“...

Мы должны вообще указать тем, кто считает последний год до февральской революции годом „высшего расцвета“ наших банков, что в действительности 1916 и 1917 годы были годами высшего расцвета в наших банках различного рода спекуляций, махинаций, короче говоря, всякого рода экспроприаторских операций... Следует заметить, что и в других странах, в том числе и в Германии, банки опустелись за время войны морально гораздо ниже, чем они были в довоенное время. Наши же, и в первую голову крупные банки, накануне их национализации представляли собой в большинстве случаев авгиевы конюшни, в которых „хозяйничали“ авантюристы...

X.

Заключение.

1.

Очень заманчиво представлять теорию движения капитализма Маркса, как подтверждающую „точным научным анализом“ то, что было лишь „догадкой, хотя и гениальной, Сен-Симона“, как это делает Ленин в заключении своего „Империализма“, критикуя Шульце-Гевевица¹⁾. Но это более чем рискованно.

Маркс, как мы видели, отвергал банковские иллюзии Сен-Симона и сен-симонистов. Теория же „финансового капитала“ Гильфердинга, наоборот, сен-симонистская по своему существу. „Гениальная догадка“ Сен-Симона о руководящей роли банков до сих пор не оправдалась. Оправдалась, наоборот, теория противоречий движения банковского и производственного капиталов, противоречий, которые все

¹⁾ Шульце-Гевеиц в своих «Grundr. des Soc. Oekonomie» говорит: «Если продумать до конца развитие тех тенденций, которые мы видели, то получается, что денежный капитал нации объединен в банках; банки связаны между собой в картель; капитал нации, ищущий применения, отливается в форму ценных бумаг. Тогда осуществляются гениальные слова Сен-Симона». И он дитирует предсказание последнего, что анархия производства должна будет уступить место организации и регулированию производства, соответственно потребностям общества, регулированию со стороны специального учреждения... «Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда в круг своих задач. Это—банки», говорил Сен-Симон. «Мы далеки,—замечает по этому поводу Шульце-Гевеиц—от, осуществления слов Сен-Симона, но мы находимся уже на пути их осуществления: Марксизм иначе, чем представлял себе Маркс, но только по форме иначе».

растут и ширятся по мере того, как ход капитализма, отделяя все больше функции процесса воспроизводства от капитала-собственности, с одной стороны, обобществляет в антагонистической форме самую эту собственность, а с другой, обобществляя производство, делает капиталиста все более лишним, как функционера¹⁾.

Из фактора, содействующего развитию производительных сил общества, материального богатства его, буржуазные имущественные отношения становятся тогда все больше тормозом. Основной закон существования буржуазного общества перестает удовлетворять потребности всего общества на данной ступени развития производительных сил. И именно концентрация денежного капитала, капитала-собственности, в руках немногих, будь то ассоциированных капиталистов или отдельных магнатов капитала, распоряжающихся денежным капиталом всего общества в своих частных интересах, облегчает задачу экспроприации этого механизма концентрации и распоряжения общественным денежным капиталом в пользу всего общества. Но эта экспроприация аппарата банковского или других финансовых организаций, заведующих общественным денежным капиталом и распределяющих его, отнюдь не означает огульной экспроприации частного капитала-собственности, уничтожение кредита и проч. Она означает использование кредитного механизма в интересах всего общества: собственный капитал этих финансовых учреждений незначителен по сравнению с тем капиталом, которым они распоряжаются. Экспроприация этих аппаратов, далее, отнюдь не означает еще овладения механизмом контроллинга и регулирования общественного производства и обмена. Эти функции может выполнить лишь специальный планирующий аппарат национального, государственного, масштаба, который, будучи организован на централистических и децентралистических

¹⁾ Отличительная черта капитализма в С.-А. С. Штатах, где производительные силы так сильно развиты, где органический состав капитала, т. е. «ценностный состав капитала, определяемый техническим составом его и отражающий его изменения», так высок, где концентрация и централизация капитала достигли высших ступеней—это, как мы уже отметили, та, что здесь капитал-собственность все еще сильно связана с функциями в процессе воспроизводства. Это и делает американский капитал более прочным, чем европейский...

началах, объединяет в своем лице учет и контроль, осуществляющиеся в отдельных отраслях производства и обмена, и в качестве общего регулятора и распределителя средств производства и рабочей силы, соответственно потребностям общества, базируется непосредственно на производстве и обмене. Кредитное дело, включая сюда и банки и биржу, являясь и в этот длительный переходный период моментом в воспроизводственном процессе, служит лишь вспомогательным механизмом для приобретения и распределения как средств производства, так и готовых продуктов, соответственно производительному и личному потреблению общества ¹⁾.

2.

Если бы гильфердинговская теория финансового капитала была верна, то это дало бы козырь в руки современной англо-американской экономической школы, которая считает возможным и ищет путей для достижения регулирования движения производительного капитала, дающего прибыль, путем регулирования движения денежного капитала, приносящего процент. Подобно тому, как английская *sutgers school* первой половины XIX века думала, что можно путем регулирования денежного обращения по ее рецептам,

¹⁾ Стоит привести здесь и следующее место из III тома II части «Капитала» (стр. 147 немецк. изд.): «Не подлежит никакому сомнению, что кредитная система (к ней Маркс причисляет и акционерное дело — см. том III, часть I, стр. 423 — что делает и Ад. Вагнер в отличие от других) будет служить могучим рычагом при переходе из капиталистического способа производства в способ производства ассоциированного труда, однако, лишь как элемент в связи с другими крупными органическими переворотами в самом способе производства. Наоборот, и в связи с чудотворственной силой кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного незнания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм... Пока существует капиталистический способ производства продолжает существовать приносящий процент капитал, как одна из его форм, а образует на деле основу его кредитной системы. Здесь опять-таки ясно сказано: финансовый капитал является основой кредитной системы, одной из форм капиталистического производства, а отнюдь не единой формой капитала и никоим образом не контролером, руководителем, управляющим, всем общественным воспроизводством капитала.

т. е. организовав соответственно центральное эмиссионное учреждение и оперируя в нем сообразно открытым ею — ошибочным — законам денежного обращения ¹⁾, можно устранить промышленные кризисы, т. е. цикловые движения промышленного капитала, так нынешние американские экономисты, а с ними и подавляющее большинство западно-европейских, думают, что контролируя денежную и кредитную системы, и в частности управляя движением процентных ставок, можно распоряжаться ходом общественного и индустриального капитала...

Маркс и Энгельс высмеивали современных им *Wetter-künstler* — делателей погоды. Регулярно возвращавшиеся кризисы показали, что они были правы. Нет основания думать, чтобы нынешние наблюдатели экономической погоды на Гарвардской, Лондонской и других обсерваториях, и более или менее удачно предсказывающие перемену ее, строя на основании своевременно получаемых ими богатых статистических данных кривые и руководясь определенными, эмпирически установленными, законами движения капитала в различных его формах, чтобы эти наблюдатели были более счастливы и смогли открыть средство делать экономическую погоду в капиталистическом хозяйстве. И в этом позволительно тем более сомневаться, что они ищут ключ к разрешению загадки в производной сфере, в денежно-кредитной системе.

3.

„Империализм по своей экономической сущности монополистический капитализм“ — говорит Ленин. Это верно. Но далее: Империализм это — „переходный или вернее умирающий капитализм“ (см. его „Империализм“, стр. 120—124) Вот это — то неточное выражение, и дает повод многим „малым сим“ плодить ошибку за ошибкой.

Монополистический капитализм — высшая фаза развития капитализма; на этой стадии развития он должен достигнуть

¹⁾ См. нашу книжку: «Деньги и кредит» («Новые идеи в экономике», № 8 изд. 1925 г.

зенита, после которого наступает закат. Но вопрос в том, достиг ли он уже этого кульминационного пункта? Современный империализм ведет свое существование с 90-х годов прошлого столетия и особенно ярко проявился с начала нынешнего. До мировой войны капитализм достиг небывалых высот; мировая война отбросила его назад в Европе, но дала ему дальнейшее развитие вширь и вглубь в других частях света. В послевоенное время наблюдается, правда, медленное и крайне болезненное, но все же восстановление его и в Европе. За последние два-три года имеет место несомненный возврат к „нормальным“ денежным и кредитным отношениям, как в отдельных странах, так и в международной сфере. Более того, в мировом хозяйстве происходит несомненный прогресс производительных сил и в производстве, и в обмене, по сравнению с довоенным временем. Нет, поэтому, основания для решительных утверждений, что капитализм не сможет раздвинуть в ближайшем будущем и своих производственных отношений так, что они дадут ему возможность использовать эти производительные силы в сфере производства и обмена. И, сделав зигзаги, монополистический капитализм достиг бы тогда на командующих мировых хозяйственных высотах высшего положения, чем до войны...

Дело, конечно, не в том, назвать ли эту фазу сверхимпериализмом или просто империализмом. Важно следующее: монополистический капитализм — это высшая форма стихийного движения капитала; в этой форме он достигает зенита и умирает ¹⁾. Но форма эта может проделать еще ряд цикловых, спиральных и все расширяю-

¹⁾ Мы говорим стихийного, несмотря на увеличение и в нем планомерности, ва что, как мы видели, указывал и Энгельс в 1891 г. Но эта планомерность может быть в капиталистическом хозяйстве только частично, как это неоднократно указывал Маркс; этот взгляд разделяли и Энгельсом. Так, в его работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» он говорит: «Если потребовались тысячелетия для того, чтобы научиться учитывать заранее отдаленные естественные последствия нашей направленной на производство деятельности, то еще труднее нам давалась эта наука в отношении общественных последствий этой деятельности... Но и в этой области мы постепенно научились путем долгого, часто жестокого опыта, путем собирания и анализа исторического материала, нено учитывать посредственные наиболее

щихся, движений в мировом масштабе, прежде чем уступить место высшей, планомерной, общественно-контролируемой, форме движения экономической жизни...

4.

Соответственно изложенному нами выше мы бы противопоставили тезисам теоретической части гейдельбергской программы следующие:

1. „Капиталистическое стремление к монополии ведет к соединению отраслей индустрии, к связыванию следующих друг за другом ступеней производства и к организации хозяйства в картели и тресты“ ¹⁾.

2. Этот процесс, вызывая и сопровождаемая концентрацией и централизацией в сфере движения финансового, приносящего процент капитала в денежной и фиктивной его формах, ведет ко все большему отделению капитала-собственности от капитала-функции в процессе воспроизводства, к организации и контролю над общественным денежным капиталом отдельных крупных финансовых магнатов или ассоциированных денежных капиталистов (банков, финансовых трестов и проч.) на началах, отличных и противоположных обобществляющемуся производительному капиталу, в котором функции капиталиста становятся все более лишними.

8. Усиление монополии, а с нею и противоречий между движением финансового — денежного и фиктивного — капитала и производительного индустриального, производя-

отдаленные последствия нашей производительной деятельности. Таким путем нам дается возможность подчинить их себе и регулировать. Чтобы это регулирование, однако практически, осуществить, для этого требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется радикальное изменение господствующего донные способа производства и вместе с ним всего нашего современного социального строя... Отдельные господствующие над производством и обменом капиталисты могут заботиться только о непосредственных полезных эффектах в своих действиях». (См. архив К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. Д. Рязанова, книга 2-ая, изд. 1925 г., стр. 103—105. Подчеркнуто везде нами. *А. Ф. Е.*) Хотя с тех пор, как эта работа была написана, прошло почти пятьдесят лет, и буржуазный мир при помощи науки делает все-челеские усилия разрешить задачу управления общественным процессом капиталистического производства, но этого он до сих пор не достиг.

¹⁾ Этот абзац остается без изменения.

щего прибыль, и коммерческого, приносящего ее, ведет к тому, что отдельные крупные денежные капиталисты или ассоциации их (банки, финансовые тресты и проч.) получают все большую возможность, в качестве капиталистов-собственников, использовать денежные средства общества, вмешиваться в производство и децимировать производительный капитал в своих частных интересах ¹⁾.

4. Отдельные группы капиталистов становятся, таким образом, всеильными господами хозяйства, они приводят в экономическую зависимость от себя не только наемных рабочих, но и все общество ²⁾.

5. Вместе с усилением своего влияния монополистический капитал в различных своих формах, — как промышленный, так и финансовый, — стремится использовать государственную власть для овладения внешними областями как рынками сбыта, как источниками сырья и местами для помещения капитала в производстве и обращении; в этом направлении он действует и путем оказания государственных займов ³⁾.

6. Это империалистическое стремление к власти монополистического капитала является постоянной угрозой обществу, конфликтами и опасностью войны ⁴⁾...

Наш анализ, надеемся, показал, что эти общие теоретические положения более соответствуют действительному ходу вещей; они, по нашему мнению, приемлемы для марксистов без различия направлений.

Декабрь 1925 г.

¹⁾ 2 и 3 абзацы заменяют приведенный нами во введении тезис Гейдельбергской программы.

²⁾ Это место идет без изменения.

³⁾ Этот тезис заменяет следующий: «С усилением своего влияния финансовый капитал использует государственную власть для овладения иностранными областями как рынками сбыта, источниками сырья и местами для помещения капиталов».

⁴⁾ Этот тезис без изменения.

ДВИЖЕНИЕ БАНКОВОГО ДЕЛА В ГЛАВНЕЙШИХ СТРАНАХ В ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

А Н Г Л И Я ¹⁾.

Депозитные банки (Joint—stock banks) Соед. Королевства (без Английского банка.).

Главные пассивы и активы.

Годы.	Число банков	Число отдел.	Собств. упл. кап. + резерв.	Миллионы фунт. стерл.				
				Депоз. и тек. счет	Акцепты и банкноты.	Касса.	Инвестиции	Учет и ссуда.
1890 . .	123	3634	93,0	498,8	35,8	114,4	129,2	358,4
1912 . .	62	7490	112,6	958,6	76,1	263,8	187,8	634,8

Сводный баланс 11 главнейших депозитных банков— London and Provincial-banks на 30 июня 1913 г.
(в миллионах фунтов стерлингов).

П а с с и в.				А к т и в.			
Число отд.	Уплат. кап. + резерв. в 1912 г.	Депозиты.	Акцепты.	Касса.	Ценн. бул.	Учет и ссуда.	Отнош. уч. и ссуд к депоз.
3.837	51,6	569,4	31,1	156,1	86,9	371,6	63,86%

¹⁾ Таблицы составлены по данным: для Англии из «The Economist» May 17—1913. (Banking Number) и August 1913: «Banks at the End of June» для Франции—по балансам, печатаемым в «L'Economiste français». Данные за 1880—1912 г.г. и о 4-х banques d'affaires взяты из статьи Ев. Кауфмана в «Банковой Энциклопедии», изд. 1914 г. Для Германии данные взяты из таблиц «Die Bank» August 1913 г. и сводок за ряд лет «Des Deutschen Oekonomist» (см. Conrade Jahrbücher November 1910 г. и October 1913 г.). Для России данные из «Ежегодника Мин. Фин. за 1904 г.» в «Сводных банковых ежемесячн. балансов» за 1912 г. и на 1 июня 1913 г., изд. Комит. Съезда предст. акц. банков, под ред. В. М. Русакова.

Ф Р А Н Ц И Я).

Сводный баланс 8 крупнейших банков (Comptoir National, Société Générale и Crédit Lyonnais) на 31 декабря 1912 г.

(в миллионах франков).

Главнейшие пассивы и активы.

Число отделений в 1911 г.	Акц. кап. подп.	Резервн.	Кредит-торы (конт-корр.)	Депозиты и чеки.	Акцепты.	Отнош. чуж. сред. к собств.
1.392	950	308,3	2.831,3	2.182,0	166,5	411,6

Касса.	Векселя.	Репорт в ломбард.	Дебиторы (конт-корр.)	Ценные бумаги.	Участие в финан-сиров.	Баланс.
474,8	3.203,4	974,1	1.386,0	67,1	71,4	7,044,8

Сравнительные данные за 1890—1912 г.г.

Г о д ы.	Отделени в провинц.	Собствен. капитал.	Кредиторы и вклады.	Акцепты.	Векселя.	Репорты и ломбар.	Дебиторы.	Проч. бум. и участ. в консорци.
	в миллионах франков							
31/XII 1880	107	253	953	83	382	294	314	157
• 1912	1.341	1.026	5.011	565	3.320	970	1.677	139

*) В этой таблице в рубрике «акцепты» приведены данные лишь о Crédit Lyonnais, в рубр. «участие в финан.» недостает, наоборот, этого банка, который втлч данных не публикует. Отметим еще, что некоторые экономисты причисляют к главным французским банкам и Crédit Industriel et Commercial с 35 отдел. в районе Парижа; если принять во внимание и этот банк, то 4 главных банка имели в 1911 г. акционер. подпис. капитала 1.050 м. ф., уставленного 725 м. фр. и 271 м. ф. резервного, а депозитов 4.039 м. ф. Теперь насчитывается во Франции 5 крупнейших банков: присоединяясь Banque Nationale de Crédit, капитал которого на 31/XII 1924 г. был 349,2 м. фр., а вклады и текущ. счета 2,7 миллиардов франков (бумажных).

Главные статьи баланса 4-х банков d'affaires (Banque de Paris, de l'Union Parisienne, Crédit Mobilier Français, Banque Française etc.) на 31/XII 1912 г. (в миллионах франков).

Касса.	Векселя.	Репорты.	Ломб.	% бум. и участие в консорци.	Дебиторы.	Англопер. валют.	Резервы.	Кредиторы.	Акцепты и переводы.	Чистая прибыль.
117,8	289,2	242,4	77,9	282,6	510,2	280	166,6	907,7	116,3	41,8

Г Е Р М А Н И Я).

Сводный баланс акцион. банков с капиталом не менее 1 милл. марок по годовым балансам с I, VII 1912 г. по 30/VI 1913 г.

(в миллионах марок).

Главнейшие пассивы и активы.

Число банков.	Акции.	Резерв.	Кре-диторы.	Депозиты.	Акцеп-ты.	Баланс.	% отнош. чуж. к соб. кап.
172	3.124,5	787,9	5.251,4	4.555,9	2.422,5	16.572,7	312,6
В том числе: 9 Берл. с кап. бол. 50 милл. каждый.	3.912,4		12.229,8				
	1.250,0	391,3	2.876,3	2.075,5	1.344,8	8.122,6	383,6
	1.641,3		6.296,6				

Число банк.	Касса.	Векселя.	Деби-торы.	Ломбард и репорт.	Ценные бум. и уч. в консорциуме.	Продолж. участие.
172	1.270,7	3.164,2	7.408,2	2.466,8	1.329,2	452,9
9	649,4	1.638,7	3.174,2	1.433,0	771,5	296,9

*) Данные в рубрике «депозиты» неполны: из 9 крупных берлинских банков Berliner Handelsges. не публикует данных о депозитах, хотя и принимает их. Следует вообще заметить, что сводя балансы различных банков неизбежно связана со многими погрешностями, вследствие различия в приемах отчетности различных банков, и цифры являются лишь приблизительными. В частности статья «депозиты» толкуется различными банками различно, очень часто их соединяют с кредиторами. Для нас это большого значения здесь не имеет: нам важна общая сумма чужих денег, помещенных в банках (О составе ст. «депозиты» см. наприм., Lexis'a «Die Bankenquete und die Depositenfrage» Conrads Jahrb. XI—1910 г., D-r H. Dittmer'a «Depositenbanken eines Aggar anwes» 1913 г. (стр. 3—15).

Сравнительные данные за 1886 — 1912 г.г.

Главные пассивы и активы.

На 31 дек.	Число банк.	Собств. кап.	Депозиты.	Кредиты, акценты и чеки.	Всего чуж. денег.	Отн. чуж. к собств. в %
1897	102	1.688,8	604,4	2.290,1	2.894,5	171,4
1912	156	3.713,9	4.448,4	7.380,2	11.828,6	318,5

Годы.	Векселя.	Ссуды.	Ценн. бум., ипотеки и консорц. участие.	Дебиторы и равные.	Баланс.
1897	957,6	563,9	506,5	2.351,8	4.718
1912	3.048,7	2.502,2	1.705,8	7.102,2	15.854

РОССИЯ.

Сводный баланс акционерных банков комм. кредита на 1 июня 1913 г. (в миллионах рублей).

Главные пассивы и активы.

Число банков.	Капиталы.		Вклады.	Из них тек. сч.	Корреспонд.		Переуч. и пере-залог.	% отн. вклад. к кап.
	Осн.	Зап. и др.			Лого.	Nostro.		
45	532,7	232,4	2.364,1	1.662,5	914,9	405,2	340,5	308,3
605 отд.	765,2							
из них 12 петерб. банк. (без Лион. кр.).	340,9	166,4	1.688,9	1.145,1	713,2	286,4	217,9	332,3
	507,3							

Число банк.	Касса и тек. счет.	Цен. бум., причалл. банку.	Учет.	В том ч. векс. с 2 и бол. под.	Ссуды.	Корреспонд.		Баланс.
						Лого.	Nostro	
45	149,1	332,2	1.498,5	1.456,4	1.483,8	1.049,1	205,9	5.733,3
12	108,6	213,1	945,8	926,0	1.035,3	861,7	145,3	4.065,3

Сравнительные данные за 1897 — 1912 г.г.

Главные пассивы и активы.

На 1 янв.	Капиталы.		Вклады.	В том числе тек. сч.	Переуч. и пере-залог.	Корреспонд.		Отнош. вкладч. к соб. в. %
	Осн.	Рез. и др.				Лого.	Nostro	
1897	164,1	68,7	369,8	205,8	57,3	186,4	100,0	158,3
	232,8							
1913	518,2	227,0	2.293,3	1.635,5	329,9	827,0	381,9	309,5
	740,9							

Годы.	Касса и тек.сч.	Учет.	В том числе векс.	Ссуды под зал.	On call.	Корреспонд.		Баланс.
						Лого.	Nostro	
1897	54,6	249,3	233,6	77,2	235,8	191,3	78,5	1.114,6
1913	179,8	1.453,9	1.413,2	74,6	1.361,6	1.001,7	197,5	5.498,6

С.-А. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Главные статьи активов и пассивов государственных, сберегательных и частных банков, ссудных и третейных компаний и национальных банков по данным Comptroller of the Currency ¹⁾.

Годы к 30/VI.	Число подотчетных банков.	Ссуды и учет (в милл. ардах).	Ценные бумаги (в милл. онах).	Вся касса (милл. долл.).	Капитал (милл. долл.).	Резерв. в при-быль.	Частные депозиты (милл. долл.).	Весь актив (милл. долл.).
1875	3.336	1,75	793,1	238,7	592,6	254,2	1.787,0	3,2
1880	3.355	1,66	900,6	285,5	565,2	260,2	1.951,6	3,4
1885	4.350	2,27	952,0	414,3	678,0	362,0	2.734,3	4,4
1890	7.999	3,84	1.156,0	478,3	968,7	584,0	4.062,5	6,3
1895	9.818	4,27	1.565,2	631,1	1.060,3	699,3	4.921,3	7,6
1900	10.382	5,66	2.382,2	749,9	1.024,7	882,2	7.238,9	10,8
1905	16.410	9,03	3.987,9	994,1	1.463,2	1.439,5	11.350,7	16,9
1910	23.095	12,52	4.723,4	1.423,8	1.880,0	1.952,6	15.283,4	22,5
1912	25.195	13,95	5.358,9	1.572,9	2.010,8	2.166,1	17.024,0	25,0
1917	27.923	20,61	8.003,8	2.261,2	2.274,2	2.611,8	26.063,0	37,1
1919	29.123	25,35	12.229,5	2.418,1	2.437,4	3.007,8	32.665,3	47,6
1923	30.178	30,47	13.672,5	1.993,2	3.052,4	3.753,6	40.034,2	54,0

¹⁾ Annual Report of the Comptroller of the Currency 1912, Washington 1913, 39—40 p. и Annual Report of the secretary of the Treasury for the fiscal year 1923, Washington 1923. Данные касаются подотчетных банков, о роли же неподотчетных можно судить по тому, что, например, в 1912 г. число их определялось в 3.800, капитал в 70 мил.; резервы и прибыли в 40 мил. дол., а индивидуальные депозиты в 470 мил. дол.

**ДВИЖЕНИЕ ДЕПОЗИТОВ И ГЛАВНЕЙШИХ АКТИВОВ В ПОСЛЕВОЕН-
НЫЙ ПЕРИОД ИНФЛЯЦИИ КРЕДИТА И ДЕНЕГ ПО СРАВНЕНИЮ
С ДОВОЕННЫМ ВРЕМЕНЕМ ¹⁾.**

ЛОНДОНСКИЕ clearing банки (исключая Английский банк).

О П Е Р А Ц И И.	1914	1919	1920	1921	1922	1923
	июнь	июнь	июнь	июнь	июнь	июнь
	(в миллионах фунтов стерлингов).					
Депозиты и счет прибылей и убытков	766	1.692	1.766	1.778	1.750	1.647
Ссуды	388	555	893	809	723	756
Учет векселей	105	225	224	344	320	253
Инвестиция (цен. бум)	120	328	374	338	413	335
Итого	613	1.108	1.491	1.491	1.456	1.344

Изменение в процентах—июнь 1914 г.=100

Депозиты	100	221	230	232	228	215
Ссуды	100	143	231	208	186	194
Векселя	100	214	214	328	305	241
Инвестиция	100	273	310	282	344	277
Итого	100	180	243	243	237	219

Норма возрастания. Вычислено по индексу Board of Trade.

Депозиты	100	93	68	115	142	135
Ссуды	100	60	68	103	110	121
Векселя	100	90	63	162	190	150
Инвестиция	100	115	92	140	215	173
Итого	100	75	72	120	148	183

¹⁾ Мы приводим данные главнейших стран. Они взяты из «Banking Review» прил. к The Manchester Guardian Commercial August 2, 1923 г.

С.-А. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Общее положение банков согласно годовым отчетам Comptroller of the Currency (Федеральные резервные банки не входят).

О П Е Р А Ц И И.	1914 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
	июнь 30	июнь 30	июнь 30	июнь 30	июнь 30	июнь 30
	(в миллионах долларов.)					
Депоз. частные.	18.517,7	27.808,5	33.211,6	37.829,9	35.459,2	37.746,8
Депоз. публичн.	66,7	1.037,8	566,8	175,8	390,2	128,9
Итого	18.584,4	28.846,3	33.778,4	38.005,7	35.849,4	37.875,7
Ссуды учет и переучет	15.339,5	22.564,9	25.395,6	31.365,3	28.775,6	27.758,8
Инвестиции	5.584,9	9.741,7	12.229,5	11.387,5	11.381,9	12.547,6
Итого	20.924,4	32.306,6	37.625,1	42.752,8	40.157,5	40.306,4

Изменение в процентах—июнь 1914 г.=100.

Депоз. частные.	100	150	179	204	191	204
Депоз. публичн.	100	1.556	850	264	585	198
Итого	100	155	181	205	193	204
Ссуды, учет и переучет	100	147	167	204	188	181
Инвестиции	100	175	220	204	204	225
Итого	100	155	180	204	192	193

Вычислено по индексу Bureau of Labour—июнь 1914 г.=100.

Депоз. частные.	100	79	85	77	130	138
Депоз. публичн.	100	808	414	100	403	134
Итого	100	81	87	77	132	128
Ссуды, учет и переучет	100	77	82	77	128	121
Инвестиции	100	91	107	77	139	151
Итого	100	81	87	77	131	130

ФРАНЦИЯ.

Четыре крупнейших кредитных банка.

ОПЕРАЦИИ.	Июнь 30 1914 г.	Дек. 31 1918 г.	Дек. 31 1919 г.	Дек. 31 1920 г.	Дек. 31 1921 г.	Июнь 30 1922 г.	Дек 31 1922 г.
	(в миллионах франков).						
Вклады и текущие счета	5.835	7.066	12.312	13.604	13.655	14.300	14.473
Торговые векселя и национальн. бонь	3.542	4.815	8.754	9.318	10.345	11.074	10.963
Ссуды и оп-сall под обеспечение	1.081	623	776	729	605	569	636
Конткорр. ссуды	1.631	1.581	2.596	3.126	2.401	2.355	2.166
Итого	6.254	7.019	12.126	13.173	13.351	13.998	13.765
Изменение в процентах: июнь 1914 г.—100							
Вклады и текущие счета	100	121	210	233	234	245	248
Векселя и национальные бонь	100	136	247	263	292	312	310
Конткорр. ссуды	100	97	159	191	147	144	133
Ссуды и оп call под обеспечение	100	58	72	67	56	53	59
Инвестиция и финансовое участие	100	113	120	111	110	110	107
Итого	100	112	192	208	211	221	217
Вычислено по офф. индексу октовых цен: июнь 1914=100.							
Вклады и текущие счета	100	35	50	55	73	77	70
Векселя и национальные бонь	100	39	59	62	92	97	88
Конткоррент. ссуды	100	28	38	45	46	45	38
Ссуды и оп call под обеспечение	100	17	17	16	18	17	17
Инвестиция и участие	100	33	28	24	35	32	30
Итого	100	32	46	49	66	70	61

ГЕРМАНИЯ.

ОПЕРАЦИИ.	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
	(в миллионах марок).				
Кредиторы (тек. счета и вклады)	4.804	39.139	62.566	115.565	1.768.724
Дебиторы (покрытые и непокрытые)	2.862	9.684	15.723	35.059	408.812
Векселя и свидетельства казначейства	1.762	23.521	37.220	53.135	354.000
Отношение дебиторов к кредиторам	58%	25%	25%	30%	24%
Отношение векселей к кредиторам	35%	61%	58%	46%	21%
Изменение в процентах: 1913=100.					
Кредиторы (тек. счета и вклады)	100	815	1.303	2.405	36.750
Дебиторы (покрытые и непокрытые)	100	338	548	1.225	14.220
Векселя и свидетельства казначейства	100	1.336	2.112	3.016	20.150
Вычислено по индексу цен «Frankf. Zeit.», среднее 1913=100.					
Кредиторы	100	74	79	57	18
Дебиторы	100	31	33	29	7
Векселя	100	12	13	71	10

JOINT-STOCK BANKS В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ (без английского банка.¹⁾)

Годы.	Число бан-ков.	Число отде-лений.	Капитал в резерв.	Депозиты.	Акцепты.	Касса.	Инвестиции	Учет и ссуды.
1890 .	104	2.203	67,8	368,7	22,7	84,0	182,8	269,5
1900 .	77	3.757	78,8	586,7	21,5	144,4	127,8	395,3
1910 .	45	5.209	80,9	720,7	52,3	199,7	137,7	467,9
1919 .	43	5.797	82,1	809,3	61,7	235,9	121,2	539,8
1924 .	18	8.264	132,1	1.813,5	132,3	437,9	361,4	1.132,1

¹⁾ «The Economist», Banking supplement, May 1925 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ.

1. «Всегда в непосредственном отношении собственников условий производства к непосредственным производителям, отношении, данная форма которого естественно соответствует всегда определенной ступени развития способа (Art und Weise) труда и, поэтому, ее общественной производительной силе — мы находим внутреннюю тайну, скрытую основу всей общественной конструкции, и поэтому и политической формы отношений суверенитета в зависимости, короче, данной специфической государственной формы». (К. Марх «Das Kapital». В. III. Th. II. S. 324—325).

2. По последним данным количество акций, проданных на нью-йоркской бирже между 1 января и 16 декабря 1925 г., было 431.4 миллиона штук против 263,8 м. за соответствующее время 1924 г. Между концом марта и серединой ноября индексе цен акций поднялся не менее, чем на 35,5 пунктов, достигнув 136,63. «Это среднее поднятие на 59,48 пунктов со времени движения, начавшегося в октябре 1923 г., не имеет равного в рекордах нью-йоркской биржи». Следует иметь в виду, что 1925 год был для С.-А. С. Штатов годом промышленного процветания («Annual Financial and Commercial Review of 1925», The Times, February 9, 1926, Supplement стр. XX).

3. В то время как весь мир стремится к установлению золотого масштаба, у нас находятся экономисты, которые жаждут бумажного. В то время как в 1925 г. и Италия, и Бельгия старались сделать свою валюту независимой от колебаний франка и предприняли некоторые шаги в сторону стабилизации, у нас некоторые экономисты хотят следовать за Францией, валюта которой все падает, понизившись к концу 1925 г. до 136 фр. за фунт стерлингов вместо 87,17½ в конце 1924 г... И Густав Кассель должен был признать, против Кейнса и К-о, что возврат к золотому масштабу в Англии был необходим. Как ни неудачны его объяснения колебаний валюты в Англии в 1925 г. он прав, говоря: «Противники восстановления золотого масштаба, — как бы теоретические заслуги ни имели их аргументы (мы и это отрицаем. А.Ф.-Б.), — оказали своей стране плохую услугу, возбуждая общественное мнение считать золотой масштаб ответственным за все беды, которые не имеют ничего общего с денежной системой. На деле, Англия страдает от серьезных бедствий экономического характера... Очень желательно, чтобы реальные недостатки экономики страны не были ватменны утверждением, что денежная политика ответственна за них»... (Credit and currency restoration» The Times от 9 февраля 1926, Supplement стр. II).